

ЛИТЕРАТУРНЫЙ КЫРГЫЗСТАН 2/2011

Художественный и общественно-политический
журнал писателей Кыргызстана

Издается с января 1955 г.

Главный редактор А.И. ИВАНОВ

Редакционная коллегия:

В. А. АКЧУРИН

Б. Т. КОЙЧУЕВ

Е. Г. КОЛЕСНИКОВ

С. Г. СУСЛОВА

(зам. главного редактора)

Т. МУРАТАЛИЕВ

На первой стр. обложки: фрагмент картины
Ф. Стукошина «На току»

Адрес редакции:

720301, ГСП. Бишкек, ул. Пушкина, 70

Телефоны:

62-16-05, 62-16-01

E-mail: literary_kyrgyzstan@rambler.ru

СОДЕРЖАНИЕ «ЛК» № 2/2011

ПРОЗА

Артем Хегай. **Волшебный корень. Рыбий жир. Розовые очки.**

Повесть. Рассказы 5

Чынгыз Исмаилов. **Базарное детство. Надежда.** *Рассказы*..... 41

Александр Шабалин. «М». *Рассказ* 59

Олег Бондаренко. **Огни Иссык-Куля.** *Рассказ* 65

ПОЭЗИЯ

Дмитрий Сагайдак. *Стихи* 80

Алтынай Джуманазарова. *Стихи* 86

Кристина Убайдуллаева. *Стихи* 94

ПУБЛИЦИСТИКА

Туленды Курманалиев. **Мой отец - Болуш. Настоящий полковник.**

Сталин 102

Валерий Сандлер. **По счастливому расчету.** 111

Юрий Барвинок. **Чего добиваются хулители Сталина?** 120

КУЛЬТУРА

Камиль Молдосанов. **Мог ли восхищаться таким поступком**

Хемингуэй? 129

Талип Ибраимов. **Очарованный странник.** Гульбара Толомушева.

Литовец, оставивший след на кыргызской земле. Два взгляда
на одну судьбу 137

Георгий Хлыпенко. **Историческая проза Аммиана фон Бека** 150

Коротко об авторах 167

ПРОЗА

Артем ХЕГАЙ

Правителям Кыргызстана
посвящается.

Волшебный корень

Повесть

В королевстве Келен на окраине деревни Большие Тополя стоял бревенчатый дом. Здесь жила Канна со своим внуком Дамро. Пожилая женщина кормилась тем, что ткала и окрашивала полотна на продажу.

В тот день все было как обычно. Хотя перемены уже подкрадывались из будущего к настоящему, ступали они осторожно и ни чем не выдавали своего приближения. Канна сидела за ткацким станком и усердно работала. Даро тоже был занят. Лево́й ногой он нажимал на педаль, раскручивая колесо станка, и при этом перебирал красящие корни, что лежали на столе. Больше всего было цветеня, соком которого ткань окрашивали в желтый цвет. Пальцы Даро тоже стали желтыми. Раз за разом он брал корешок из общей кучи, постукивал им о стол, чтобы стряхнуть землю. Затем отрезал подгнивающие части и промывал в тазу то, что осталось. Готовый корень он бросал в бочку, которая стояла возле стола. Там набралось уже столько, что хватило бы перекрасить одежду для всей деревни. Но этого было недостаточно. Ведь ровно через два дня в близлежащем городке начиналась ярмарка. За красящие корни тамошние торговцы охотно платили своими товарами.

Открытие ярмарки было приурочено к началу седмицы Возрождения. Этот праздник отмечали каждую весну, и длился

он целую неделю. Обычно всюду начинались шумные гуляния. И можно было совсем, совсем не работать. Трудиться в дни Возрождения считалось дурной приметой. Даро уже пообещал себе, что проведет праздник так, чтоб запомнилось надолго: до позднего утра спать, кушать досыта.

- Хватит, Даро. Не могу больше – глаза не видят, - сказала Канна. – Отдохни. До вечера, пока не стемнеет, еще успеем.

Даро кивнул ей и перестал нажимать ногой на педаль. Станок остановился – сразу сделалось тихо. Канна, тяжело покрхатывая, направилась к печи. Разведя огонь, занялась стряпней. Близилось время обеда. Подросток бросил последний корень в бочку и принялся тщательно отмывать руки в тазу. Однако едкий пахучий сок цветеня очень глубоко въелся в кожу. Видя всю тщетность усилий, Даро вытер мокрые пожелтелые ладони о штаны. Потянулся, разминая затекшую спину.

- Пойду... - коротко бросил он через плечо и направился к открытой двери. Канна оторвалась от своего занятия. Глядя внуку в спину, морщинистой жесткой рукой сотворила знамение Создателя, отгонявшее злых духов. Когда Даро ушел, она снова повернулась к печи. Минуту женщина, не двигаясь, разглядывала крупу в горшке, залитую водой. Потом вздохнула и сунула горшок в разогретую печь.

У нее был серьезный повод для беспокойства: около года назад во время осенней ярмарки она зашла в шатер звездочета, чтобы наперед узнать судьбу внука. Старик-предсказатель содрал с нее тогда целых десять медных монет! Но и пообещал многое... Он предрек Даро большое будущее. Сказал, что тот будет жить в роскоши. Однако предупредил о том, что на пути ее внука встанут многочисленные препятствия. Главным же в предсказании было то, что жизнь Даро изменится в одночасье. Звездочет даже назвал точную дату. И это было сегодняшнее число – семнадцатый день второй половины солнцегрея, года Вешней Воды.

Канна была суеверной женщиной. Она верила в предсказания, гадания на камнях и всевозможные приметы. Ей даже в голову не приходило, что старик-звездочет мог оказаться шарлатаном. Нет, ее тревожила лишь внезапность, с которой должна была измениться судьба Даро. И Канна частенько представляла, как это произойдет. Чего она только не наводумывала, пытаясь предугадать ход судьбы! Но все казалось невероятным, невоз-

можным. В конце концов, она утвердилась во мнении, что Даро либо найдет кубышку с золотом, либо женится на дочке старосты. И то, и другое женщина почитала за высшее счастье для внука.

Тихо потрескивал огонь. Как вдруг послышалось шипение. Канна совсем забыла о каше! Она торопливо вынула горшок из печи и открыла крышку. Оттуда повалил густой пар. Канна с досадой бросила крышку на стол – каша безнадежно пригорела.

Теперь, когда вдруг выдалось свободное время, Даро отправился к реке. Он шел через всю деревню, размахивая тонким прутиком. И прислушивался к короткому свисту, с которым прутик разрезал воздух.

Деревня Большие Тополя была довольно крупной – сорок с лишним домов.

И располагалась на самой окраине королевства Келен. Уже за рекой начинались земли воинственной Орамнии.

Даро гордился тем, что живет в большой деревне. И частенько хвастал этим перед лучшим другом Немртеном – тот жил в Малых Тополях, где едва насчитывалась дюжина домов. Обычно, стоило лишь упомянуть об этом, как Нертен сразу же кидался в драку. Но теперь Даро уже ни перед кем не хвастал – на исходе зимы оранийцы сожгли Малые Тополя дотла.

Он сломал прутик и отбросил прочь, пригладил выгоревшие на солнце светлые волосы. Хотя до лета было еще далеко, уже припекало. Простая домотканая одежда серого цвета, казалось, притягивает солнечный жар.

После того как Малые Тополя сгорели, Даро сильно изменился. По крайней мере, Канна так говорила. Она строго-настрого запретила ему ходить на пепелище. Сказала, что искать там нечего. Сказала, что Нертен вместе со своей матерью отправились жить к прадеду – в столицу. Хотя у Даро в родной деревне остались приятели, он часто вспоминал о Нертене.

Однажды ранним утром деревенские мальчишки забрались в огород к мельнику. Сладкая морковь была особенно хороша. Но как оказалось, хозяин уже не спал. Он выскочил из зарослей черемухи и крепко ухватил Даро сзади за воротник. Другие мальчишки стремглав кинулись вон из огорода: перепры-

гивая через низкую изгородь, рассыпали часть добычи. Нертен никуда не побежал. Бросил ворованную морковь на грядки и остался стоять, мрачно глядя рассерженному мельнику в глаза.

В тот раз им не поздоровилось: хозяин огорода обоих отстегал крапивой. Волдыри прошли не сразу. Зато зародилась крепкая дружба. И с течением времени Даро все больше убеждался: такая дружба – навсегда.

Теперь же ему оставалось одно – лишь представлять, как Нертен живет в самом сердце королевства Келен. Однако Даро никогда не бывал в столице. Он видел только небольшой приграничный город, где проходили ярмарки. Потому голодное воображение рисовало лишь смутные мимолетные образы. И всякий раз Даро испытывал горечь оттого, что лучший друг уехал, даже не попрощавшись.

Тогда-то у него и появилась новая игра – «думалки». И чем больше Даро в нее играл, тем больше она ему нравилась. Для «думалок» не требовалось ничего – ни костей, ни рогаток. Даже друзья были не нужны. Можно было играть одному, и в любое время. Чистишь овощи или носишь воду, а никто и не догадывается, что ты играешь. Нужна-то была самая малость – думать о чем-то одном! И очень скоро в голове сами собой появлялись мысли. Удивительные, неожиданные.

Даро, щурясь от солнца, шел по деревне. Пальцы ног увязали в теплой желтоватой пыли. В весеннее небо тянулись серебристые тополя. Он начал игру.

В прошлый раз Даро отвлекся – Канна объясняла, как отличить цветень от желтушника. Поэтому теперь он ухватился за прежнюю мысль: все постройки в деревне – для работы.

Коровники придуманы для того, чтобы ухаживать за коровами. Ранним утром и поздно вечером – доить. А еще чистить. И на рассвете, когда пастух идет со стадом, корову выводят. С курятниками и свинарниками – забот не меньше. Тоже чистить, задавать корм. В овинах сушат сено, в амбарах хранят собранный урожай. Мельница на взгорке – чтоб зерно молоть. А дом и вовсе требует постоянных трудов. Мести, носить воду, скоблить... В самом деле, все кругом – для работы.

Даро вышел из деревни и направился к реке. А по дороге продолжал играть в «думалки». Его очень увлекла последняя мысль: «Как выглядит постройка, которая не для работы? И бы-

вает ли такое?». Он пытался представить. Но воображение лишь насмехалось над ним – рисовало глупые образы, вроде дома, где от порога начинается огромная постель, а больше ничего нет.

Впереди заблестела река. Желтовато-зеленые ивы так и тянулись к ней, в таинственной радости нависали над сверкающей водой. И Даро понимал их: пять лет назад случилась засуха, наступил голод – в деревне умерло два человека. Должно быть, деревья нуждались в воде точно так же, как люди в пище. И потому неудивительно, что ивы теперь так радуются, глядя в целую реку воды!

Он вышел на пологий берег. На другой стороне реки тоже стояли ивы – старые, кривые. А за ними стеной поднималась поросль молодых тополей. В воде у самого берега лежала темная коряга. За острый сук ее зацепились водоросли и тянулись теперь вниз по течению тонкой прядью зеленых волос. В песке виднелись следы – селяне часто приходили сюда с кадками и ушатами, потому что вода из колодца отдавала тинной.

Он не спеша двинулся вдоль берега вверх по течению. По дороге пинал высокие голубоватые стволы речной церелии. Брызгая прохладным соком на голые ступни, толстые стебли надламывались. Валились на землю, шурша крупными листьями.

Увидев на пригорке неказистый куст желтушника, Даро разбежался. Но в последний момент остановился и опустил занесенную ногу. Наклонился, чтобы рассмотреть мелкие желтые цветочки. Потом оторвал резной листок и, припомнив слова Канны, растер в пальцах, принялся. «Так и есть, никакой это не желтушник. Это цветень». Даро опустил на колени и быстро выкопал растение из мягкой влажной земли. Оторвал ростки. Промывая корень в реке, наблюдал, как мутное грязное облачко в воде уплывает в сторону. Сунул мокрый корень в карман штанов.

Вскоре он пришел на свое любимое место. Кроме Даро здесь никто никогда не появлялся. Это была небольшая поляна, скрытая от глаз красноватой глинистой насыпью. В камыше, в тополях шелестел слабый ветер. Неслышно было ни мычания коров, ни лая собак – только ветер в листьях и плеск тихой воды. Находясь тут, Даро иногда развлекался тем, что представлял, будто во всем белом свете остался только он один. Однако сейчас он улегся в короткую траву, закинул руки за голову и вспом-

нил о Ючь – дочке деревенского старосты. Даро решил, что стройностью стана она похожа на эти тополя, а волосы у нее под стать реке – такие же длинные. И кожа была однажды красноватой, точно близкая насыпь – Ючь тогда сильно обгорела на солнце во время сенокоса.

Как вдруг совсем рядом раздался тонкий звон. Подросток испуганно вскочил, обернулся. А под насыпью уже стояла незнакомая молодая женщина. Белолицая, кареглазая – она улыбалась тонкими губами.

- Здравствуй, Даро.

Даро молчал, разглядывая незнакомку. Та явно была из знати. Об этом свидетельствовал ее наряд: узкое дорожное платье с туго затянутым корсажем – селяне ничего подобного отродясь не носили. На открытые белые плечи падала тяжелая копна волнистых волос. В розоватых мочках ушей поблескивали крупными рубинами дорогие серьги.

- Нехорошо молчать, когда с тобой здороваются, - ее улыбка стала шире.

- ...Здравствуйте.

Едва прозвучал ответ, как пальцы, унизанные серебряными перстнями, шевельнулись. И Даро обволокло спокойное счастье, которое плавно перетекало в блаженную сонливость. Не чувствуя ног, он сел на траву и улыбнулся во весь рот. Семь лет назад мама заболела бледнянкой и умерла. А незнакомка оказалась так похожа на маму – такая же красивая...

Шурша дорогим платьем, женщина подошла, аккуратно подобрала подол, тоже села на траву. Смотрела на Даро, вертя в пальцах медный амулет, исполненный в виде трехлистного клевера.

- Итак, тебя зовут Даро. Тебе четырнадцать лет, - по-прежнему лукаво улыбаясь, она прищурилась на миг, глядя подростку в переносицу. – Ты живешь в деревне... Большие Тополя вместе со своей бабушкой Канной.

Он с удовольствием покивал. «Голос почти как у Ючь!».

- А меня зовут Тримллин. Я самая главная волшебница в нашем королевстве.

- Сама главная? – блаженно переспросил он, чтобы снова услышать, как она говорит.

- Верховная чародейка Келена. – Ее лицо вдруг сделалось грустным. – И мне очень нужна твоя помощь...

- Что вам нужно? Я сделаю все, что попросите. – Даро обеспокоенно поднялся на ноги. – Хотите, мы отдадим вам всю бочку с корнями, которые собрали? Там много корней, я их сам чистил. А бабушку я уговорю.

- Нет, Даро, мне не нужны корни. – Женщина печально покачала головой, и несколько волнистых прядей упало вперед, закрыв половину лица. - Мне нужно кое-что другое. Я хочу, чтобы ты помог одному мальчику. Однако об этом я расскажу тебе чуть позже...

Она тоже встала, поправила волосы. Под глинистой насыпью вдруг задрожало прозрачное марево, а в речном воздухе поплыл тонкий звон.

- Не бойся, Даро. – Триллин мягко взяла подростка за руку. – Представь, что это всего лишь дверь.

- А куда она ведет?

- Идем. Ты все увидишь сам.

Канна не дождалась внука к обеду. Не пришел он и вечером. Уже смеркалось, когда она ходила по деревне, стучала к соседям. Никто не видел Даро. Несколько дней парнишку искали – в лесу, у реки, кто-то даже сходил на пепелище Малых Тополей. Но Даро пропал без следа.

А потом наступила седмица Возрождения. Грянула шумная ярмарка. И люди сторонились одинокой старухи, не желая омрачать радость праздника чужим горем.

Даро лежал на широкой кровати под балдахином. Спокойно разглядывал складки тяжелой ткани над головой. Скользил взором по массивным опорам из темного дерева.

Собравшись с силами, он поднялся с постели. Отодвинул синюю штору с кистями. Открылось окно – настолько огромное, точно здесь жили не обычные люди, а великаны. Вместо мутного бычьего пузыря окно было затянуто изумительно тонким прозрачным льдом. И сквозь лед Даро смотрел на столицу королевства Келен.

Далеко внизу виднелись строгие башни и дома. Соборы с серебристо-серыми куполами. На площадях и по улицам двигались черные фигурки людей, катили экипажи. Неподалеку от своего убежища Даро увидел нечто странное: внутри города зеле-

нела роща. Совсем небольшая, зажатая в серых тисках зданий. Должно быть, люди просто не успели вырубить все деревья в своих владениях.

Он вглядывался в окраины столицы, где ровно и низко – без единой башни – расстиралось бурое месиво бедных домов. Даро понимал, что забыл нечто очень важное. Пытался вспомнить. Но в последнее время все давалось ему с большим трудом. Даже в «думалки» играть не получалось. Мысли сделались точно сырые дрова: сколько он ни раскладывал их в голове, они лежали беспорядочной кучей и никак не загорались.

Вид столицы и бесплодные попытки вспомнить забытое быстро утомили Даро. Превозмогая сонливость, он решил немного размяться, походить. Может тогда мысли обретут былую ясность? Шаркая ногами по белому ковру с длинным ворсом, он побрел к двери. Но стоило Даро взяться за витую ручку, как на него обрушилась невыносимая усталость.

Он тяжело повалился на ковер. Несколько минут лежал, бессмысленно глядя в расписной потолок. Потом заморгал, пришел в себя. Перевернулся на живот и пополз к постели. Он почти достиг цели, когда корень цветеня выскользнул у него из кармана штанов. Даро ничего не заметил – забрался на постель и с облегчением вытянулся во весь рост. Цветень остался лежать у кровати ножки – скрытый белым ворсом ковра.

Прошло два дня – целая вечность. Даро почти не поднимался. Все лежал и лежал. Даже кушать старался лежа.

Три раза за сутки к нему в комнату приходил низкорослый молчаливый человек в причудливой синей одежде. Приносил непонятную еду в красивых плошках. Менял посудину, стоявшую под кроватью. И уходил. Триллин сказала, что этого человека зовут Октрим. Что он все слышит и понимает, но никогда не сможет произнести в ответ ни слова. Сама волшебница навещала Даро лишь изредка, и оставалась совсем ненадолго.

Он постоянно ждал ее появления. В присутствии Триллин к Даро постепенно возвращались жизненные силы. Обычно волшебница садилась к нему на постель и рассказывала о диковиных: о рукавичках, которые сами собой выполняют всю работу

по хозяйству, или о свирели, которая помогает растить богатый урожай на полях.

Иногда они вдвоем играли. Травяной краской чародейка рисовала у Даро на груди и на лбу причудливые узоры, поила чем-то сладким из крохотных пузырьков или шептала слова на незнакомом языке.

Она даже отдала ему свой медный амулет, исполненный в виде трехлистного клевера. Повесила на шею и наказала обращаться с ним очень бережно. Как видно, амулет был дорог волшебнице.

К приходу Триллин Даро, превозмогая сонливость, всякий раз выдумывал истории. В этих историях «клеверному» украшению обязательно грозила какая-нибудь опасность. Будто бы Даро выглянул из окна, а цепочка случайно соскользнула с шеи. И он лишь в последний момент успел подхватить драгоценность. Или же он оставил амулет на ковре, а Октрим якобы чуть не раздавил его – Даро кинулся и выхватил медный трилистник буквально из-под сапога. В завершении рассказа подросток неизменно с гордостью показывал подарок – целый и невредимый. Триллин тогда улыбалась и называла Даро «милым мальчиком».

Но едва чародейка уходила, как Даро сразу терял силы. Устало валился на постель. Смотрел в балдахин – отсчитывал мгновения. Ждал, когда Триллин вернется.

Вечером третьего дня Даро проснулся от шума. Похоже, пока он спал, Октрим решил проветрить комнату. Синяя штора оказалась сдвинута в сторону, а огромное окно было распахнуто настежь. Вместе с теплым весенним ветром прилетали звуки далеких труб. У стены на низком столике стоял поднос с фруктами.

Даро встал. Пошатываясь, добрался до окна. В городе что-то творилось. Всюду висели яркие флаги. По широким улицам двигались толпы народа. Он измученно наморщил лоб. Его опять беспокоили смутные очертания воспоминаний, он тщился вспомнить нечто важное. Но усталость бездонной трясинной засасывала все усилия Даро.

Вдалеке вновь запели трубы. Тяжело опираясь на подоконник, Даро подался вперед. И как только он выглянул наружу, в голове мгновенно прояснилось. Мысли сбросили путы. Устав от

долгого бездействия, они вспыхнули яркими красками, завертелись втрое быстрее. Даро вскрикнул, отпрянул от окна. И тягучим медом опять потекла знакомая сонливость.

Даро всерьез рисковал вывалиться из окна. Лежа животом на подоконнике, он жадно вдыхал весенний воздух. Ветер трепал волосы. Даро потрясенно разглядывал столицу. Снизу серебряными птицами вновь взметнулись звуки труб. Толпы людей собирались на площадях.

- Да ведь сегодня первый день седмицы Возрождения!

Мысли обрели преданность собак: окружили Даро плотным кольцом. Прыгали, лизали в лицо, тыкались холодными носами в ладони – всячески привлекали внимание хозяина. Затем, толкая друг друга, с радостной готовностью выстроились в ряд. «Канна. Большие Тополя. Цветень. Берег реки». Даро уже задышался. Как вдруг вспомнил:

- Нертен!

Он нетерпеливо дернулся назад. Но ощутив знакомую сонливость, вновь навалился на подоконник. Требовалось немедленно все обдумать!

Стискивая зубы, Даро отодвинулся от окна. Побледнев, он шел к двери. Почти сразу обе ноги сделались вялыми. Даро стукнул себя по ляжке.

Делая шаг за шагом, отчаянно щипал руки, бока. Уже на пороге комнаты-темницы он не удержался и все-таки оглянулся через плечо на постель – хныкнул, поспешно уставился в темную дверь перед собой.

Даро взялся за витую ручку. И ноги немощно подломились. Подросток повис на дверной ручке, измученно застонал. Он чувствовал, что уже забывает, зачем шел к двери. Попытался выпрямиться, но лишь беспомощно возил ступнями по белому ковру. В уши со всех сторон потекли ласковые шепоты:

- Прежде чем уходить, приляг напоследок.

- Останься еще немного и поразмышляй. Потом пойдешь.

- Зачем спешить? Несколько минут ничего не изменят. Вернись.

Баюкающие шепоты с каждым ударом сердца наполнялись сладостной властью. Мотая головой, Даро судорожно задышал.

- Нертен! Нертен!

Силы оставляли его. Он с трудом выговаривал имя. Нужно было сосредоточиться, чтобы вспомнить, кому оно принадлежит.

- Нер-тен... Н-нетр... Н-н...

Вниз по лицу побежали горячие муравьи. Даро не мог их смахнуть. Вспотевшие ладони медленно соскальзывали с витой ручки. Он с хрипом надрывно выдохнул, последним усилием отклонился назад, а потом ударился лбом о дверь. И в этот миг его пальцы сорвались.

Даро вывалился из зачарованной комнаты. Лежа на холодном мраморе пола, он с облегчением закрыл глаза. Переводил дух. Сквозняк приятно оведал лицо. Во рту ощущался привкус крови. Но Даро только радовался боли в разбитой губе – такая яркая боль свидетельствовала о том, что он вырвался из-под гнета колдовства.

Однако половина туловища еще лежала за порогом комнаты: ноги совсем отнялись, он их даже не чувствовал. Тогда, цепляясь ногтями за стыки мраморных плит и опираясь на локти, Даро прополз немного вперед. Снова рухнул на пол. И с удовольствием поджал колени к животу – ноги, наконец, согрелись. Мускулы обретали прежнюю силу. Как вдруг Даро подскочил, тревожно осматриваясь по сторонам.

Небольшая площадка. Серую каменную стену украшал тяжелый гобелен с изображением лесной охоты. Под потолком на темной цепи висел крупный матовый кристалл – баснословно дорогой магический светильник. С площадки вниз вела винтовая лестница с черными коваными перилами и алой дорожкой на ступеньках. В любой момент сюда мог придти Октрим. Могла навестись Триллин. Тогда все усилия Даро пойдут прахом – наверняка его вынудят вернуться в заколдованную комнату. Опять будет длиться дурман сонливости, утомительное «безмыслие». Однако Даро куда больше беспокоило другое. Создатель милостиво даровал ему последнюю возможность увидеть лучшего друга. И Даро знал: утратив такой шанс, он либо умрет от сожалений, либо всю жизнь будет мучиться ими, точно тяжелой хворью.

Сердце возбужденно колотилось в груди. Он выбрался на винтовую лестницу и осторожно глянул вниз. Спускаться предстояло долго.

Мимо одно за другим проплывали небольшие стрельчатые окна. Бесконечно алела дорожка, покрывавшая ступеньки. Даро слышал собственное дыхание. Живо вспомнилась комната-темница, только вместо лежания на постели теперь был вечный спуск по винтовой лестнице. И он ускорил шаги.

Наконец впереди открылась громадная комната. Она сверкала мрамором колонн, шумела голосами – вся полная величия. И Даро проникся твердой уверенностью, что в этом месте попросту не могут жить обычные люди. Ведь такая комната подходила только неким особенным существам, которые даже едят, пьют и спят совсем иначе, нежели жители Больших Тополей. Потому Даро не решился вступить туда сразу. Сначала спрятался у самого входа. Прижимаясь взмокшей спиной к холодному камню, крепко зажмурился, собираясь с духом.

Как вдруг кто-то схватил его за плечо. Подросток испуганно вдохнул. Перед ним стоял высокий седой человек в такой же необычной синей одежде, что и Октрим. Но в отличие от Октрима, он не остался безмолвным:

- Кто ты такой? Что ты здесь делаешь?!

От столь сердитого взгляда и сурового голоса было только одно спасение – бегство. Однако Даро не мог двинуться. Лишь смотрел в строгие серые глаза.

Он стремглав пробежал несколько улиц, и лишь когда высокая стена увитая плющом скрыла от него громаду дворца, остановился, чтобы немного отдышаться. Минуту раньше его то и дело передавали из рук в руки – и всякий раз незнакомцы были грубы. Его заставили вывернуть карманы. Карманы оказались пусты, но все равно Даро называли вором. И собирались наказать плетью. Но когда его вывели из дворца, он вырвался из цепких рук и убежал.

Стараясь выровнять дыхание, Даро еще раз похлопал себя по карманам – пусто. А ведь он точно помнил, что у него был корень цветеня. Должно быть, где-то обронил. Или же его стащил подлый молчаливый Октрим. Даро согнулся, устало опираясь ладонями о колени.

В Больших Тополях все говорили, что столица – самое прекрасное место на земле. Теперь он хмурился и мрачно поглядывал кругом, чувствуя себя обманутым: столица вовсе не была прекрасной. Она ослепляла блеском тонкого льда в окнах, горела яростным пожаром серебряных куполов. Оглушала криками извозчиков, резким стуком каблуков о мостовую. Всюду гладкий камень, тысячи неприятных запахов. И все вокруг – жесткое, яркое, чужое. С тенью сожаления Даро вспомнил покой заколдованной комнаты. Но сразу же гневно отбросил эту мысль. Он отправился искать Нертена.

Даро выбрался на площадь. Кругом стояли повозки и лотки под цветастыми навесами. Людей здесь оказалось даже больше, чем на широкой улице. Посередине площади был пруд, окруженный камнями. И над поверхностью пруда сами собой взлетали шумные струи воды – белые от пены. Плеск и говор обтекали Даро со всех сторон, грозили потопить во всеобщем шуме. Ярмарка седмицы Возрождения, похоже, была в самом разгаре.

Он крепко сжал кулаки, решительно оглядывая торговцев. И подошел к полной женщине в темном платье с белым фартуком. Она показалась ему самой приветливой. Женщина продавала молоко.

- Здравствуйте! Я ищу своего друга. Скажите, где он живет? – Даро говорил громко, чтоб перекрыть шум кипучей площади.

Молочница удивленно приподняла брови, глядя на подростка.

- А тебя-то самого как звать? Откуда ты?

- Я Даро из деревни Большие Тополя.

- Никогда о такой не слышала. – Женщина в сомнении поджала губы. – А что за друг? Может, я его тут видала? Какой он?

- Его зовут Нертен. Он такой, ну..., - Даро умолк. Потерянно уставился в землю. – На меня чем-то похож.

Не дождавшись других пояснений, она спросила:

- Брат, что ли?

- Нет, не брат – друг. Где его искать?

- Молоко!!! Сметана!!! – Заголосила торговка так неожиданно, что Даро подскочил на месте. – Творог!!! – подумав, добавила она.

- Где мне искать Нертена?!

- Ох, не знаю я! Иди в бедные кварталы. Там ищи. Здесь в округе только подмастерья из гильдий околачиваются.

Даро устало плелся по грязному переулку. Это была окраина столицы. Приземистые неказистые дома со знакомым бычьим пузырем в окнах, а то и без него. Дурно пахло из неровных сточных канав, заросших по краям сорной травой. Над крышами сизым призраком летел дым – где-то неподалеку случился пожар.

Здесь тоже было шумно, однако шум был иным. Нестройный хор мужских голосов, выведивших «Как пойду на Возрождение я на ярмарку гулять». Отсутствие слаженности у хора с лихвой возмещалось хмельной задушевностью. В доме напротив то и дело раздавался грохот, женские причитания. А из чердачного окошка летел детский плач.

Он вышел на перекресток. На углу среди других домов высилось грубое коричневое строение с множеством распахнутых окон. У порога стояли женщины в необычных нарядах. Они громко смеялись, переговаривались. А у дверей темнела массивная фигура горбатого мужчины с могучими руками.

Когда Даро только выбрался из переулка, от коричневого здания покатила прочь роскошная карета, запряженная парой вороных лошадей. Женщины со смехом замахали ей вслед.

- Давай, Лита, давай!

- Возвращайся графиней!

- Не жалея золота, графская рука!

Стоя на углу, Даро безнадежно вглядывался в незнакомые лица. Когда карета скрылась за поворотом, он подошел к самой молодой девушке. Она была в легком светло-зеленом платье и выглядела немногим старше Даро. При ближайшем рассмотрении оказалось, что платье ее уже не раз латали, а румянец на щеках хозяйки – болезненно яркий.

- Здравствуйте. Я ищу своего друга Нертена. Вы не знаете, где он живет?

Она хмыкнула и широко улыбнулась. Бледные губы ее влажно блеснули.

- Нертен Безбожник? Или тот, у которого рожа со шрамом?

- Нет, просто Нертен, - оторопело ответил подросток.

- А зачем он тебе?

- Он мой друг.

Девушка засмеялась.

- Это я поняла. Зачем он тебе?

Даро промолчал. У него вдруг закружилась голова. И он оглядывался, искал какую-нибудь опору, чтобы можно было ухватиться. Девушка ласково взъерошила ему волосы на макушке, задержала руку на затылке.

- У меня братишка был. В детстве. Ты так на него похож! – Она протяжно замычала, а в завершении громко чмокнула губами. И снова рассмеялась. – Такой милый! И мордашка у тебя симпатичная.

- Так вы не знаете, где мне искать Нертена?

- Да забудь ты его!.. Лучше вот что: сегодня праздник, мы допоздна работаем. Ты завтра приходи, сразу после обеда. И я тебе дам, если не буду занята. Ты мне нравишься. – Она мягко улыбнулась.

Даро заметил, что другие женщины поблизости прислушиваются к их разговору. И осторожно спросил:

- Что дадите?

Под коричневыми стенами грянул взрыв многоголосого хохота. Даже горбатый мужчина с огромными руками, что стоял у дверей, ухмыльнулся и покачал головой. Одна немолодая тучная женщина в тесном желтом наряде сотрясалась от смеха всем телом, никак не могла отдышаться. Только отчаянно всхлипывала и утирала глаза.

Перекрывая гам, собеседница Даро во всеуслышание заявила:

- Уж поверь, пока я жива, у меня всегда найдется, что тебе дать! – И сама покатила со смеху. Даро опасливо отодвинулся.

- А, хорошо. Спасибо. – И поторопился уйти.

Вслед ему раскатами грома катил хохот.

Даро лежал на земле так долго, что спина занемела от прохлады. По сторонам белели тысячами мелких цветочков пышные кусты. Они источали резкий душистый запах, к которому невозможно было привыкнуть. В просветах крон темноло незнакомое небо.

Это была одна из тех рощ, которые он видел из окна заколдованной комнаты. Однако роща оказалась поддельной. Де-

ревя тут росли, выстроившись строгими рядами. Вместо вытопанных извилистых тропинок тянулись ровные дорожки, выложенные гладким камнем.

Одним концом роща упиралась в тихий каменный тупик. И здесь буйствовали цветущие кусты, приняв, наконец, надлежащий им неказистый, взлохмаченный вид. Даже чопорные дорожки гладкого камня, ошеломленные дикостью природы, испуганно поворачивали обратно. А в глубине зарослей находилась тайная поляна.

Даро сам не помнил, как забрался сюда. Так и не найдя Нертена, он все равно продолжал бродить по улицам, переулкам столицы. В бедных кварталах среди лачуг его стали задирать двое старших мальчишек. Они были выше ростом, сильнее и, похоже, не сомневались в победе. Даро попытался удрать, однако они намного лучше знали окрестности – быстро поймали его между постоянным двором и городской стеной. Оказавшись в западне, он кинулся в драку. И с такой неожиданной злостью бил их наглые веснушчатые рожи, что преследователи очень скоро сами обратились в бегство. Правда, напоследок пообещали утопить Даро в сточной канаве.

Потом он встретил добрую женщину, которая угостила его яблоком. Прятался от пьяного стражника. И наконец, оказался здесь, в зарослях душливо цветущих кустов.

Он смотрел в небо. В густой синеве сверкала Белая звезда. Обычно в это время Канна звала его ужинать. Даро сложил руки на животе и тихо зевнул, думая о том, как было бы здорово уснуть здесь, а проснуться уже на своей постели дома в Больших Тополях. Но сразу нахмурился и вяло стукнул себя по ноге, наказывая за малодушие. Сначала нужно отыскать Нертена. И завтра он снова отправится на поиски. Только надо будет придумать, где достать еды. Канна говорила, что трудные дела не делаются на пустой желудок. «Пойду к той девушке в зеленом платье. Она обещала что-то дать. Может, она имела в виду какую-то еду?». Даро устало закрыл глаза, слушая шелест кустов. В глубине души он уже предчувствовал, что не сможет найти Нертена. Но не собирался отступить.

Вдруг в темном воздухе поплыл знакомый звон. Стало светлее. Подросток приподнялся на локтях. А на поляне перед ним уже стояла Триллин.

Даро насупился и отполз от нее подальше. Волшебница отчего-то была грустной. И, похоже, не собиралась его ругать. Только медленно вертела серебряный перстень на пальце.

- Ну что, нагулялся? – негромко спросила она

Он ничего не ответил, исподлобья глядя ей прямо в глаза.

- А здорово ты тех мальчишек отделал. Так им и надо.

- Откуда вы знаете? – Неожиданная похвала сбила Даро с толку.

- Я весь вечер следила за тобой. Не забывай: на тебе мой амулет.

С запоздалым сожалением он нащупал сквозь рубашку медный трилистник.

- Одного не могу понять: как ты выбрался из комнаты? Я же точно знаю, что тебе никто не помогал.

- Извините. Просто я вышел, чтобы найти своего друга.

- Просто вышел... - бесцветно проговорила чародейка. – Надо же. А я-то думала, что сильнее меня только Верховный маг Орании. Оказывается, нет. Деревенскому мальчишке я тоже не помеха. – Она задумчиво поправила складки пышного платья и кивнула. – Впрочем, это было даже интересно. Покинув комнату, ты разорвал заклятье Круга Печатей. А меня, разумеется, сразу же настигла отдача. Так что, когда я ползала на карачках и харкала кровью, у меня было время подумать...

Даро ничего не понял. Но на всякий случай поднялся и краем глаза оглядывал кусты, намереваясь удрать, если волшебница вдруг рассердится.

Но Триллин не выглядела злой. Напротив, она рассеянно потирала и рассматривала кончики своих пальцев. Потом горько бросила в темноту:

- Я становлюсь слабой. Я старею, Даро.

Он уже шагнул к ближайшему кусту, но остановился – ему стало жаль волшебницу.

- Но у вас даже морщин нет. Вы совсем не старая!

Чародейка опустила руки.

- Одна видимость. На самом деле я в четыре раза старше твоей бабушки Канны... Да и не это важно. Важно другое. – Она повернулась к подростку. – Я не смогла удержать тебя в комнате. Понимаешь? Я теперь слишком полагаюсь на свою магию. Стала самонадеянной. Я позволила себе отвлечься от дела, от

которого зависит дальнейшая судьба всего королевства Келен. Отвлеклась на какие-то... - на ее лице отразилось усталое презрение. – Какие-то жалкие мелочи. Судебная тяжба напыщенных баронов из-за клочка земли. А мне нужно было узнать, кто из них лжет... - Она закрыла глаза. – Во что я превратилась? Верховная чародейка Келена, наделенная великой властью и магической силой. Не выставила стражу у дверей, не заглянула в будущее, чтобы предвидеть твой побег. Я не смогла удержать в комнате одного единственного человека!

- Ну, мне было очень трудно выйти, - попытался утешить ее Даро.

Триллин с мягкой грустью улыбнулась.

- Ты, в самом деле, очень милый мальчик... Ладно, Даро, идем.

Она протянула ему руку. Но подросток не сдвинулся с места.

- Пожалуйста! Помогите мне найти Нертена! Я за это сделаю все, что попросите!

Триллин задумалась. Потом вдруг весело погрозила кому-то пальцем.

- Хм. Похоже, я давно нарушила законы Пути, пойдя тропой насилия. Теперь попробую двигаться дорогой доброго соглашения. Кто знает, может, она поведет меня в верном направлении? Да. Буду, как встарь, учиться чему-то новому. – Волшебница рассмеялась. – А я, оказывается, еще не старая!

- Так вы можете?

- Да, помогу. Если хочешь, я найду твоего друга прямо сейчас.

- Я... - Он задохнулся. – Очень хочу!

- Но сначала мне нужно будет заглянуть в твою память, чтобы узнать, как он выглядит. Ты не возражаешь?

- Нет, конечно! Заглядывайте! Смотрите, сколько хотите, лишь бы найти!

Триллин подошла и положила прохладные пальцы ему на виски. Даро застыл, не смея моргнуть, – боялся помешать. В голове точно подул ветер. Все мысли спутались, беспорядочно закружились осенней листвой.

И все стало как прежде. Только волшебница, убирая пальцы от висков Даро, больше не улыбалась. Она отступила назад.

- Прости. Я не смогу найти твоего друга. Это за пределами моих сил.

- Почему? Вы же самая главная волшебница в королевстве. Вы нашли меня в деревне, нашли здесь. Вы же все можете!

- Но именно этого я не могу. Он, в другом месте.

- В каком? Я найду его!

- Не найдешь. И ответ не приблизит тебя к Нертену.

Даро уже собирался возразить. Но взглянул в лицо чародейки. И резко отвернулся. Потом, не глядя, протянул руку. Триллин взяла его горячую ладонь. Над поляной поплыл тонкий звон.

- Пойдемте быстрее, - вдруг поторопил Даро.

Комната-темница ничуть не изменилась за минувший день. Все те же массивные опоры, изученные Даро до мельчайших подробностей, поддерживали балдахин над постелью. Те же синие шторы с кистями занавешивали окно. Даже поднос с фруктами стоял на прежнем месте – у стены на низком столике. Изменилось лишь одно: в воздухе больше не растекалась медовая сонливость – все заклятия были уничтожены.

Триллин, шурша пышным платьем, устроилась на краю постели. Даро сел подле волшебницы. Сам того не подозревая, он едва не наступил на корень цветеня, скрытый в густом ворсе белого ковра. Уже подсохший корешок лежал совсем рядом. Если бы Даро пошевелился, пропажа была бы найдена. Однако подросток не двигался, только сумрачно смотрел чародейке в глаза.

Триллин поправила складки платья и начала:

- Как ты знаешь, Келеном всегда правили короли. Так повелось, что вся власть передается от отца к сыну. И теперь наступило именно такое время: вместо прежнего владыки должен воссесть на троне его наследник. Однако у нынешнего короля родился только один сын. Это принц Веламт. И он заболел. Заболел одной очень редкой болезнью, которую нельзя вылечить ни лекарствами, ни магией. Я умею заглядывать в будущее. А потому точно знаю, что произойдет. Сегодня ночью, несмотря на все старания целителей, Велат отправится в Заоблачные Выси.

Волшебница посмотрела в окно, потом вновь перевела взгляд на Даро.

- Это недопустимо. Если единственный наследник престо-

ла умрет, то королевство Келен останется без правителя. Тогда очень многие люди пожелают занять место Велата на троне. Они будут бороться за власть. Начнется смута. В провинциях вспыхнет бунт. Все кругом погрузится в кровавые междоусобные битвы. А когда мы достаточно ослабнем, Орания двинется на Келен войной. И это будет закат нашего королевства.

Даро безучастно слушал чародейку, по-прежнему глядя ей в глаза.

- Я нашла способ, как спасти Велата от смерти: ему нужно дать новое тело. И так получилось, Даро, что ты единственный, кто может это сделать. Но для этого мне необходимо твое добровольное согласие. Потому что без него я не смогу провести магический ритуал. Понимаешь?

Подросток, наконец, заговорил:

- Я хочу в Большие Тополя. Верните меня обратно. Пожалуйста.

Триллин опустила глаза и долго молчала. Затем произнесла:

- Я покажу тебе будущее. То будущее, которое неизбежно наступит, если ты откажешься от моего предложения. Смотри.

Даро моргнул. И за тот краткий миг, пока веки его смежились, перед ним вспыхнуло яркое видение: ночью в Больших Тополях было светло как днем. Это был свет пожаров. Незнакомые люди в красной одежде поджигали дома. Они рубили и кололи мечами всех. Даже Канну. Кто-то проткнул ее мечом, пока она бежала по улице. Канна упала лицом в пыль среди дымящихся головешек. А мимо ее неподвижного тела один из чужаков тащил за волосы Юочь. Рев пламени заглушал крики. Над деревней поднималось багровое зарево. И самые тополя пылали, точно огромные свечи.

- Это что, правда? – Даро побледнел.

- Это неотвратимое будущее, которое последует за твоим отказом.

- И так же... было в Малых Тополях?

- Да. Но как видишь, это может случиться и в твоей деревне.

- Тогда я согласен. Я все сделаю, чтобы такого будущего не было!

Триллин вдруг уставилась в белый ковер. Ее глаза расширились.

- Очень своевременное решение. Жизнь Велата угасает...
Верни мой амулет, Даро. Скорее!

Он испуганно сдернул медный трилистник с шеи. Тонкая цепочка при этом порвалась, но волшебница не обратила на это ни малейшего внимания. Выхватила украшение из его рук, и со звоном растворилась в воздухе.

Начиная от жалкой комнатухи кухарки под лестницей и заканчивая роскошными покоем придворной дамы, по всем закоулкам дворца пронесся необычайный слух. Стражники, фрейлины, графы и баронессы – все обсуждали только одно. Его высочество принц Велат готов испустить последний вздох. А чтобы спасти его, верховная чародейка намерена явить миру чудо – она собралась творить легендарное заклятие Воскрешения.

Возбужденные этой вестью, господа в окружении суетливых слуг направились к покоям принца. Однако гвардейцы никогда не пускали на порог. Тогда барон Тарн, более известный как Вепрь, охваченный винным хмелем и любопытством, оттеснил их и попытался войти. Как выяснилось, преградой были не только гвардейцы, замок и приказ волшебницы. Двери покоев оказались заперты могучими чарами. Ни звука не долетало изнутри. И даже в замочной скважине стояла колдовская тьма.

Триллин стояла посреди темных покоев. Уже несколько недель шторы оставались задернутыми наглухо, потому что от солнечного света у принца болели глаза. Со стен тускло светили магические светильники. С левой стороны ложа стоял широкий стол. На нем громоздились золотые подносы на тонких ножках, тарелки. Остывшее жаркое из свинины, запеченные мелкие птички, суп с пряными травами – все оставалось нетронутым. Поблескивали непочатые графины с напитками. Только широкое блюдо с фруктами пододвинули на самый край, к изголовью. У черной виноградной грозди не хватало сбоку нескольких ягод – теперь там торчали сухие палочки с мякотью на концах. Среди многочисленных тарелок тут и там попадались темные флаконы, мутные пузырьки. В беспорядке лежали книжки с картинками – на страницах одной расплылось влажное пятно. Исповедник уже побывал здесь: к ядовитому запаху лекарств примешивался тяжелый аромат храмовых благовоний.

Она подошла к ложу. В полумраке перед ней белело лицо Велата. Дыхание больного было прерывистым, на лбу выступила испарина. Триллин вынула платок и отерла ему лоб. Сердце принца еще стучало. Волшебница зажала медный амулет меж пальцев, чтоб он был наготове.

- Прости меня, Велат, - шепнула чародейка. – И ты, Даро, тоже прости. Я делаю это ради Келена, ради всех нас.

Она склонилась к лицу принца. Накрыла его приоткрытые горячие губы, будто в поцелуе. И глубоко вдохнула. Велат судорожно задергался, путаясь ногами в тонких покрывалах. В темноте дико блеснули его расширенные глаза. Триллин задержала дыхание. Отстранилась от бьющегося на постели подростка и резким движением отломала у медного амулета один лепесток.

Велат уронил голову на подушку. Затих. Триллин осторожно приблизилась к нему, положила руку на грудь. Сердце принца не билось. Триллин мелко покивала и поторопилась соткать заклятие Распада. Дождавшись, когда тело принца полностью исчезнет, она щелкнула пальцами. Воздух зазвенел.

Даро стоял у раскрытого окна. Вцепившись пальцами в подоконник, он запрещал себе думать о Нертене. Рвал все мысли в клочья, зорко вглядывался в огни столицы, пытаясь отвлечься. Но знал, что борьба эта не может длиться вечно. За спиной раздался спасительный звон.

Триллин, не говоря ни слова, подскочила к нему вплотную. Схватила за волосы. И крепко поцеловала прямо в губы. Даро ошеломленно замычал, когда волшебница вдруг шумно выдохнула ему в грудь весь свой воздух.

Даро вырвался из ее рук. Ошалело глядя на чародейку, отступил. Триллин будто сошла с ума: схватилась за горло, покраснела. Уронила на пол свой амулет, на котором почему-то уже не хваталось одного лепестка. Потом быстро присела, испуганно шаря в белом ворсе ковра. Найдя украшение, она подползла к стене. И, сдирая кожу на пальцах, отчаянно чиркнула амулетом о камень. Один из оставшихся лепестков со звоном отлетел. А Триллин тотчас рухнула навзничь и с глубокой жадностью задышала.

Даро согнула боль. В груди стало тесно.

- Что вы делаете? - морщась, спросил он.

- То же, что и ты. – Волшебница уже отряхивала пыльное

платье и поправляла волосы. – Пытаюсь спасти твою деревню. А заодно и весь Келен... Засыпай, Даро. Теперь тебе нужно крепко уснуть.

Он со стоном опустился на ковер. В глаза хлынула темнота. Еще слышно было, как Триллин позвала Октрима. Затем все смолкло.

В голове плыл огненный туман. Иногда сквозь забытье ему удавалось приоткрыть глаза. Тогда он понимал, что лежит на постели. Удары сердца гулко отдавались в ушах. Было нестерпимо жарко. Хотелось пить.

Над ним нависла фигура. Он взгляделся. И сразу попытался отодвинуться – это была какая-то древняя старуха жуткого вида. На ее коричневом черепе уже давно не осталось волос. Щеки ввалились, в глазницах было темно – самих глаз не видно. Тоненькая дряблая шея вводила в воротник пышного платья.

- Не узнаешь меня? Давай подскажу: кто называл тебя милым мальчиком? – старуха сипло закашляла-засмеялась. – Прости за то, что я в таком неподобающем виде. Но мне сейчас нельзя разбрасываться силой. Ее даже на собственное тело не осталось... Ладно. Теперь надо тебе кости вытянуть. Да и мускулы потоньше сделаю. А то слишком уж ты крепкий для принца. Спи.

Триллин завершала ритуал. Водила дрожащими руками над спящим подростком. И каждое движение преображало его. Вот загорелая кожа утратила первоначальный цвет, а взамен приобрела аристократическую белизну. Выгоревшие на солнце короткие волосы начали отрастать и чернеть. Потом чародейка отогнула каждое веко и изменила цвет глаз своего подопечного. Еще несколько заклятий, и перед ней лежал уже не мальчишка из глухой приграничной деревеньки, а принц Велат – наследник престола.

Волшебница опустила на край постели. Выравнивая дыхание, она спрятала руки в складках платья – ей было неприятно смотреть на эти коричневые узловатые пальцы. Когда сил набралось достаточно, первым делом Триллин вернула себе привычный облик.

Затем она вновь шевельнула рукой, призывая чары себе на помощь. Нужно было без следа уничтожить одежду того, кого

звали Даро. Но чародейка слишком устала, и сейчас магические силы не желали подчиняться ей.

Триллин обернулась к Октриму:

- Теперьними с него всю одежду и сожги ее. Поспеши, мне надо как можно скорее вернуться с ним в покои.

Октрим поторопился выполнить приказ. Вскоре простая домотканая одежда крестьянского паренька кучей лежала на полу. Взволнованный немой слуга вытянулся перед верховной чародейкой.

- Я же сказала, сожги ее! – Она отбросила волнистые пряди с лица. – В течение трех дней ничто не должно напомнить Велату о его жизни в чужом теле! Если это случиться... Создатель, даже я не берусь предположить, что тогда произойдет! Весь мой замысел о спасении королевства может рухнуть в одночасье!

Октрим подхватил с пола одежду Даро и выскочил за дверь.

Придворные и слуги – все разом смолкли, когда двери покоев запахнулись. Оттуда, пошатываясь от усталости, вышла Триллин. Но голову она держала прямо. Вслед за волшебницей спокойной поступью вышел принц Велат. Черноволосый подросток с зелеными глазами. Он был в своем лучшем серебристом камзоле. На груди сверкал бриллиантами фамильный медальон. Ни слабости, ни дрожи – в его облике не осталось ни единого следа тяжелой болезни. Младшие маги, опасаясь подмены, молниеносно метнули в принца заклятия, считывающие ментальный фон, ауру – все. И вскрикнули от изумления. Сомнений быть не могло: перед ними стоял наследный принц собственной персоной.

Как всегда прохладно Велат оглядел придворных. И люди, опомнившись, низко поклонились.

- Спасибо, Трилл, - не глядя на волшебницу, произнес принц. – Ты всегда была верна нашей семье.

Триллин присела в реверансе:

- Благодарность его высочества бесценна для меня.

- Напротив, цена моей благодарности известна... Думаю, теперь отец не откажет в твоей просьбе. Ты ведь хотела открыть школу магии? Я попрошу его уладить это дело. Но, разумеется, придется запастись терпением – храмовники не сразу пойдут на уступки. Кстати, Трилл, за что они тебя так не любят?

- Их помыслы мне неведомы. Одно я знаю наверняка: за магией – будущее.

- Никогда не ощущал правоту твоих слов так... отчетливо.

Придворные потянулись к принцу, чтобы поздравить с чудесным выздоровлением. Первым приблизился барон Тарн. Расплываясь в широкой улыбке, он раскинул руки:

- Ваше высочество! Какое счастье – вы живы!

- Что за нелепица – умереть в первый день Возрождения.

Подошли и одновременно заговорили остальные придворные. Однако Велат не стал их слушать:

- Я слишком долго пролежал в постели. Хочу немного размяться. Прикажите седлать коней – мы отправляемся на охоту.

- Но ваше высочество! Этим вы можете навредить своему здоровью! Оно же едва восстановилось! К тому же сейчас глубокая ночь...

- На деле моим здоровьем обеспокоена только Трилл. И она, судя по всему, не против этой поездки. А что касается ночи – тем лучше: выспимся в шатрах на свежем воздухе. Мне это пойдет на пользу. Едем!

Когда принц в окружении пышной свиты удалился, младшие маги еще раз низко поклонились. Но теперь – Триллин. Никто не сомневался в ее могуществе. Но сотворить заклятие Воскрешения – подобное было под силу только великим магам древности. Верховная чародейка едва нашла силы, чтобы улыбнуться в ответ.

Второй день седмицы Возрождения посвящался торжествам в честь выздоровления принца. Тронный зал украсили с особой тщательностью. А поварам было приказано добиться новых высот в искусстве кулинарии.

Ласково пели скрипки, под ними плавно гудела виолончель. За пиршественным столом шумели голоса, раздавался звон бокалов. Гости в изысканных нарядах усердно пытались брать кушанья тонкими серебряными палочками. Мода на экзотический столовый прибор появилась недавно. Но с тех пор всякий обед или званый ужин превратились в пытку для тех, кто был недостаточно ловок. При этом никто не решался воспротивиться диктату нововведения, боясь прослыть невеждой. Впрочем, иные дамы намеренно роняли палочки: деланно досадовали на свою неловкость, опускали глаза или смеялись – галантный кавалер по соседству обязательно выручит.

Принц, как и положено царственной особе, сидел во главе стола на стуле с очень высокой спинкой, справа от королевского трона. Медлительно ковырял вилкой то, что подносили слуги, оглядывал гостей и пил красное вино.

Во время болезни даже прогулка по дворцовому парку казалась прекрасным развлечением. Должно быть именно потому, что была запрещена. Теперь же Велат поправился – и суток не прошло с момента выздоровления. Однако очарование привычных дел уже рассеялось. Ускользнуло так скоро, что он не успел им насладиться. И томительная скука опять завладела его существом. Шел пир, такой же, как тысячи предыдущих пиров. Потом начнется бал. Велат пребывал в глубокой уверенности, что если всем танцующим завязать глаза, то никто даже не споткнется. И снова весь вечер – пустой трон слева.

Минувшим полднем он вернулся с охоты. Подъехал к дворцу вместе с кавалькадой всадников. Было очень шумно, и ему это нравилось – звон рожков, лай собак приятно оглушали. Пока слуги носили добычу на кухню, вышел отец – он выглядел радостным, спрашивал о самочувствии. Даже обнял, чего за ним не водилось. Сказал, что грядущий вечер будет посвящен исключительно выздоровлению наследника. Велат почти поверил в его искренность...

Когда подали второе, король удалился – из Орании накануне седмицы Возрождения прибыли послы.

Велат стиснул вилку. Отец посвятил торжество его выздоровлению. А сам на празднике не остался. Явил свое истинное отношение – перед всем двором открыто пренебрег Велатом.

За последние два года подобных случаев было не счесть. Ныне Велат уже не был столь чувствителен, как прежде. Напротив, с некоторых пор он принялся намеренно подмечать такие моменты. Коллекционировал их так же, как некоторые люди собирают орудия убийства – мечи, кинжалы, палицы. Он впитывал их всей душой. И каждый раз получал оттого горькое наслаждение. Велату казалось, что вздумай он вывесить свои трофеи, как это делают коллекционеры, ему не хватило бы на это всех стен дворца.

Сощурившись, он искоса глянул на пустой трон слева. Прошептал:

- Зря я выздоровел. Надо было умереть. Может, хоть на моих похоронах ты бы заплакал? Впрочем, вряд ли... Наверное,

объявил бы траур. И устроил поминальный пир. Только вот интересно, досидел бы ты до десерта?».

В глазах закипели слезы. Он отвернулся от трона. Застыл.

В королевской усыпальнице на могиле последней королевы лежала зеркально-гладкая мраморная плита. Каким бы знойным ни был день, плита всегда оставалась ледяной. Ее холод казался Велату особенным: чистым, спокойным – совершенным. Всякий раз, когда ему требовалось совладать с чувствами, он представлял, что его лицо высечено из такого мрамора. И всякий раз это помогало.

Наконец, он глотнул вина, оглядел зал. Неподалеку сидела Триллин. Она спасла ему жизнь. Но не из любви, а из корысти: верховная чародейка уже два поколения королей пыталась добиться своей цели – основать школу магии. Храмовники препятствовали этому изо всех сил. А правитель был вынужден постоянно балансировать между магами и служителями храма. Но теперь Триллин, наконец, осуществит мечту... Напротив чародейки расположился барон Тарн – Вепрь. Рыжие усы топорщатся, глаза блестят. Раньше Велат считал его лучшим другом. Вепрь всегда ездил с ним на охоту, рассказывал забавные истории, дарил красивые клинки. А потом шпионы отца раздобыли для Велата несколько писем. Барон писал брату-близнецу, который жил вдали от столицы. Не стесняясь в выражениях, рассказывал о придворных. О том, как завоевывает расположение принца, и какие выгоды намерен извлечь из этой дружбы. В завершении первого письма Вепрь поделился с братом своей «весьма занятой мыслью»: одеть принца в платье фрейлины, и сделать с ним то, что мужчина делает с женщиной. Остальные письма Велат, не читая, сжег в камине. С тех пор барон Тарн стал для него хуже честного врага – лживым предателем. Однако внешних приличий никто не отменял.

Велат отложил вилку и опустил голову. Невидяще уставился в глубокое блюдо с перепелами. Он бы и сам, вслед за отцом, оставил пирующих. И в другое время достаточно было сослаться на плохое самочувствие. Теперь же подобная выходка могла дорого обойтись. Чего доброго, заставят вернуться в постель. И будут снова пичкать лекарствами. Велат мучительно вздохнул.

- Вы что-то сказали?

Он повернулся на голос. Рядом с ним сидела девочка лет тринадцати.

- Нет, ничего. – Велат присмотрелся. – Я не видел тебя раньше. Ты кто?

- Арелиамна ди Целер. – Она высоко подняла голову.

- Велат. Приятно познакомиться.

- Знакомство с вами честь для меня...

Она замялась, потом схватила бокал с вином и сделала вид, будто пьет. Велат краем глаза начал наблюдать за ней. Девочка была некрасива. Ее внешность портил даже не столько вздернутый нос, сколько злые глаза. Спина – прямая, движения – скованные. Темно-синее платье с розовыми атласными бантами на плечах. У самого ворота, из-под ленты выглядывал тонкий ряд мелких дырочек. Платье явно перешили. К тому же Велат ничего не мог вспомнить о роде Целеров. Девочка – из семьи обедневших аристократов. Он ухмыльнулся. Последние деньги семья, как видно, отдала воспитателям. Но никакое воспитание не могло скрыть, что Арелиана впервые при дворе. Много смотрит по сторонам. Следует всем правилам устаревшего этикета. Держится напряженно. Хотя ей следовало отдать должное: палочками она пользовалась весьма искусно.

- Арелиана ди Целер, - весело зашептал Велат. – С пригорбим должен сообщить, что вам просто необходимо сделать вот так.

И провел большим пальцем по уголку своих губ. Глаза девочки испуганно расширились. К лицу с вздернутым носиком вспорхнул веер. Когда веер снова улегся на колени хозяйки, никаких следов преступления не было и в помине. Только влажность карминных губ. Она густо покраснела. Велату вдруг стало жаль ее.

- Не обращай внимания на пустяки. Ведь подобное может случиться с каждым. А если смутишься, я буду чувствовать себя... бестактным болваном.

- Так и есть.

Велат изменился в лице.

- Спасибо за искренность...

- Пожалуйста, - поспешила добавить Арелиана. Отступить ей было поздно.

- О, да, благодарю тебя за нее. Ведь искренность в наши времена стала столь же редкой, как и благодарность за то, что тебя избавили от позора. - Велат проследил, как слуга наливает ему вина. – А знаешь, у меня тоже была куча учителей. Одних только знатоков застольного этикета – дюжина человек. Им удалось донести до моего сведения простую истину: жрать надо культурно.

Арелиана схватилась за бокал, отчаянно высматривая кого-то в зале.

Когда начался бал, Велат утащил девочку на балкон. Он догадывался, что тем самым осчастливил ее родственников. Сама же Арелиана никуда с ним идти не хотела. Велат заставил ее: пригрозил, что в случае отказа, обязательно пригласит на танец и в нужный момент поставит подножку.

На балконе, оставшись наедине, он засыпал ее издевательскими вопросами. И, в конце концов, добился своего – из ее злых глаз брызнули слезы. Арелиана больно пнула его по ноге, назвала гадким мальчишкой. Велат расхохотался в ответ. Но потом ему стало противно смотреть на рыдания девочки, и он ушел.

Велат все же покинул тронный зал раньше, чем закончился праздник. К тому времени уже стояла глубокая ночь. Он наотрез отказался ночевать в своих покоях. Сказал, что за месяцы болезни возненавидел стены, на которые ему поневоле приходилось пялиться сутками напролет. Отослал всех слуг и отправился почивать на самый верх восточной башни дворца. Много лет назад там была его детская комната.

Убранство детской оставалось неизменным – на то было особое распоряжение принца. Слуги только наводили лоск. А любую износившуюся деталь интерьера, вроде ковра на полу или тяжелых занавесей на окнах, постоянно меняли на точную копию. Потому обстановка была той же, что и четырнадцать лет назад. Велату очень нравилось, что в любой момент он может вернуться туда, где все по-прежнему. Это было его любимое место.

Он щелкнул пальцами, и магические лампы мягко засветились. Тьма отпрянула от окон. Минувший день выдался утомительным: сначала охота, затем пиршество, следом – бал. И все время Велата не покидало чувство, будто он забыл что-то очень

важное. Но сколько ни силился вспомнить забытое, ничего не приходило в голову. Это сделало принца раздражительным.

Велат поплелся к постели, предвкушая спокойный сон. Как вдруг наступил на что-то твердое, скрытое в густом ворсе белого ковра. Склонившись, он нашарил под ногами помеху. Это был какой-то подсохший желтоватый корешок. Велат повертел находку в руке и уже собирался выбросить в окно, когда едкий запах корня достиг обоняния. Принц пошатнулся, задрожал. Из носа закапала кровь.

- Цветень, - прошептал он и рухнул на постель.

Ночь – бессонная, мучительная. Подросток истуканом стоял у окна. Одно дыхание выдавало в нем присутствие жизни. Молчал. Смотрел во тьму.

Внутри было темно и тесно. Кругом колыхались волшебные тканые покрывала воспоминаний. Свежие - яркие и полнозвучные. Давние – подернутые поволокой глухого забвения. Чередой вспыхивали мысли: их нельзя было укрыть, они обнажались во всей полноте!

Даро проник в самое сердце придворной жизни. Теперь он тоже знал, каково это – жить во дворце среди роскоши и коварства. Даро в мгновение ока научился правильно вести беседу. Понял, что такое одиночество на шумном пиру в твою честь. И что такое власть. Отныне он разбирался в породах охотничьих собак. Предательство от близких людей оказалось привычным делом. А все правила этикета предстали в виде монолита из радуги ощущений и учтивых слов. Однако самому Даро такая жизнь показалась невыразимо сложной.

Велат погрузился на самое дно деревенских будней. Теперь он тоже когда-то работал, не покладая рук. Научился окрашивать ткани корнем цветеня. Благодаря Нертену узнал о настоящей дружбе – бескорыстной, искренней. Велата ошеломили совершенно новые и такие знакомые ощущения: горячая тянущая пустота в животе – это голод; непослушные руки и болезненная дрожь в спине и ногах – это усталость. Он помнил все съедобные и ядовитые грибы. Знал, где искать гнезда диких куропаток. Но подобная жизнь для Велата была непредставимо дикой.

Едва отхлынула первая волна потрясения, они обратили

все внимание друг на друга. Молчаливо, настороженно изучали. Первым заговорил принц:

- Отдай тело мне. Я приказываю!

Велат вцепился в пространство вокруг себя. Но он был здесь хозяином лишь наполовину. В ответ Даро начал выдавливать его с молчаливым упорством.

- Внешний облик тела все равно мой! Тебе в нем не выжить! Отдай!

- Нет. Без тела я не найду Нертена.

Велат замер. Потом спокойно произнес:

- Похоже, ты не слишком сообразителен... Даро, твоего друга давно нет в живых. Он умер еще зимой.

Даро сразу перестал давить. Отодвинулся. Теряя права на тело, отходил все дальше, дальше. Сжался в комок. Велат с облегчением начал заполнять собой свободное пространство. Как вдруг Даро взорвался болью. Невыносимая, нечеловеческая, она затопила все вокруг. Велат поздно осознал свою ошибку.

Свирепое чудовище душило обоих. Кромсало обе души. Сопя от бешенства, намеревалось раздавить их. И не унималось, а напротив, набирало силу.

- Перестань! Я больше не могу! Даро!

Тот не слышал, не отвечал.

- Ты убьешь нас обоих!!!

- Пусть...

- Тогда видение Триллин сбудется! Хочешь, чтобы и Канна умерла?!!

Боль чуть отступила. Велат кинулся к Даро, принялся тормошить его. Испуганно успокаивал, пытался отвлечь. Одно за другим показывал свои воспоминания, где тоже была боль...

Ночь тянулась бесконечно. Они были друг у друга как на ладони. Ни тайн, ни секретов. Ведь солгать тому, кто видит твои мысли, – невозможно. Незаметно, исподволь Даро и Велат обнаружили, что у них намного больше общего, чем казалось на первый взгляд. И даже не заметили, когда зародилось искреннее сочувствие. Но с того времени боль уже не могла терзать их одновременно поодиночке – она стала подлинно общей. И оттого притупилась. Они продолжали разговаривать. Все чаще соглашались друг с другом, все чаще высказывали одинаковые

мысли. Затем голоса их зазвучали в унисон. С наступлением рас-света Даро и Велат исчезли. Навсегда.

У окна остался стоять один подросток, у которого, однако было два детства. Глаза покраснели после бессонной ночи. Фамильный медальон висел на груди, корень цветеня был спрятан за пазухой. Он опирался подушечками пальцев на подоконник. Смотрел, как облака окрашиваются в розовато-оранжевый цвет, как просыпается столица. И улыбался.

- Вы можете делать со мной все что угодно. Я буду играть ту роль, которую вы мне отвели. Я согласен... Но вам никогда не изменить мою суть.

Ранним утром перед дворцом собрались придворные. Слуги седлали коней, запрягали роскошные экипажи. Безудержно лаяли собаки. Его высочество принц Велат выезжал на охоту.

Эпилог

В хрониках королевства Келен особенно ярко были отмечены годы правления короля Велата Эстральского. Историки неоднократно именовали этот период началом эпохи Расцвета. Велат Эстральский достиг заключения мирного договора между Келеном и воинственной Оранией. Им были установлены дипломатические и торговые отношения со всеми приграничными королевствами. Так же были произведены земельные реформы. В экономике страны наметился значительный подъем.

Велат Эстральский умер в глубокой старости, оставив после себя достойного наследника. Однако могилы Велата нет в королевской усыпальнице. Последняя воля короля заключалась в том, чтобы его прах был захоронен в значительном удалении от столицы – на берегу реки, близ небольшого приграничного поселения.

Рыбий жир

Рассказ

Мэри Стоун была добропорядочной англичанкой, и все в ее жизни было таким же добропорядочным как сама Англия. У нее был муж Чарльз и шестилетний сынишка Дэвид. Семейная идиллия продолжалась ровно до тех пор, пока доктор не прописал Дэвиду рыбий жир.

В то утро Мэри как обычно спешила, собираясь на работу. Одевшись и прихватив сумочку, она уже отомкнула входную дверь, но тут вспомнила о том, что Дэвиду нужно выпить лекарство. Пришлось вернуться. Коротко вздохнув, Мэри бросила сумочку в кресло и поспешила на кухню.

Дэвид сидел на стуле и болтал ногами от скуки. Когда перед ним возникла мама с загадочной бутылочкой в руках, это его заинтересовало. Он улынулся.

Мэри погладила сынишку по голове.

- Дэвид, милый мой мальчик, выпей это, пожалуйста, - ласково произнесла она и, налив рыбий жир в ложку, поднесла ее ко рту сына.

Дэвид учуял неприятный запах рыбы. К тому же он знал, что, будь это чем-то вкусным, мама не стала бы так ласково уговаривать его. Он плотно сжал губы. Мэри опустилась на колени перед стулом, на котором сидел сын. Она немного нервничала, так как опаздывала на работу. Поэтому ей стоило некоторых усилий и дальше поддерживать мягкость тона в своем голосе.

- Дэвид, послушай, тебе надо выпить это. Всего одну ложку.

Больше всего на свете мальчик не любил две вещи: послеобеденный сон и слово “надо”. И ложка с желтой маслянистой жидкостью была им полностью проигнорирована.

Когда Мэри стала настаивать, Дэвид использовал один из своих самых лучших “антиродительских” приемов – он пустился в бегство. Но кухня со множеством различных препятствий в виде стола, стульев, шкафа, газовой плиты и холодильника, оказалась не самым лучшим пространством для бега. К тому же мама, как выяснилось, бегаёт куда быстрее Дэвида.

Мэри ухватила удирающего сына сзади за воротник и, теряя терпение, громко произнесла:

- Сэр Дэвид, если вы и сейчас откажетесь выпить лекарство, то я буду вынуждена позвать вашего отца!

Шестилетний мальчуган отлично знал, что означает слово “сэр”

в мамином исполнении – мама начинает сердиться. Но знал он так же и то, что, стоит ему выпить злосчатное лекарство, как мама тут же уйдет на работу. Этого ему совершенно не хотелось. К тому же его забавляла вся эта возня, что поднялась вокруг него. Казалось, они играют в какую-то игру. А Дэвид любил играть.

Мэри, не добившись от сына желаемой реакции, приступила к исполнению своей угрозы.

Чарльз всегда был недоволен, когда его отрывали от чтения утренней газеты. Но каждое утро возникала веская причина, по которой приходилось прерывать любимое занятие.

Чарльз, с неудовольствием покоряясь призыву супруги, явился на кухню.

- Дэвид, ты должен выпить то, что дает тебе мать! – категорично заявил он, сурово глядя на сына.

Мальчик стиснул зубы и упрямо замотал головой.

- Что ж, я вижу, по-хорошему нам не договориться, - подвел итог отец. – Ладно, будем действовать силовыми методами. Мэри, - обратился он к жене, - я буду держать Дэвида, а ты влей ему в рот лекарство.

Мальчишка отчаянно брыкался в руках отца. Силовые методы? Ну уж нет! Родители играют не по правилам. Так не честно!

Нога, обутая в сандалию, угодила прямо в ложку, которую мама подносила к сжатым губам. Золотистые капельки рыбьего жира разлетелись широким веером. Мэри не повезло – ее новая кофточка, купленная в прошлую субботу, была безнадежно испорчена. На долю юбки тоже пришлось несколько пятен, пахнувших рыбой. Дэвид, видя, что упрямые родители и не думают прекращать свою нечестную игру, решил использовать самый действенный прием. Он завопил во все горло! Папа, будучи не в силах противостоять такой атаке, опустил Дэвида на пол и покинул поле боя, зажимая уши руками. Мама, увидев, наконец, жирные пятна на своей одежде, поспешила переодеться – опоздание на работу грозило неприятностями.

Дэвид остался на кухне один. Мама и папа ушли. Игра завершилась так неожиданно! Никто не победил! И Дэвид заплакал. На сей раз, он плакал по-настоящему. Но его слезы ничего не изменили, ведь ни мамы, ни папы тут не было.

Выплакав положенное, Дэвид с грустью уставился на бутылку рыбьего жира, которую родители позабыли на кухне. Что же там внутри? Почему мама так хотела, чтобы я выпил это? Мальчуган вынул из бутылки пробку и сделал большой глоток злосчатного лекарства. Вкус был отвратительным. Но чего не сделаешь ради мамы?

Розовые очки

Рассказ

Люди считают любовь – саму по себе – прекрасным чувством. И часто говорят: “Любя, мы надеваем розовые очки”, “Когда мы любим, мир вокруг нас – прекрасен”, или любую другую фразу с тем же смыслом.

Если вам довелось испытать любовь, попробуйте вспомнить наиболее счастливый момент. Тот самый день, час или хоть единый миг, когда окружающие вдруг оказывались доброжелательны к вам, повседневные задачи неожиданно становились интересными или решались сами собой.

Пусть эти воспоминания ненадолго предстанут перед вами в настоящем – сейчас они послужат связкой ключей, открывающих двери.

В толпе вы без труда вычислите того, кто любит. Даже беседе заводить необязательно – достаточно только присмотреться. Такого человека с головой выдаст осанка, улыбка, мечтательный взгляд. И обычные прохожие рядом с ним покажутся невзрачными тенями: идут, глядя себе под ноги, озабоченно хмурятся и не замечают ничего вокруг. На них давят ответственность, повседневные хлопоты, суета, а на плечах лежит тяжесть неоконченных дел. Будни текут осенней рекой.

“Смотреть сквозь розовые очки”... Чаще всего так говорят о влюбленных. Им приписывают некое безумие. Еще бы! Только они могут думать лишь об одном человеке сутками напролет, только у них так блестят глаза. И только они могут восторженно заявить: “Мы целую ночь любовались звездами с крыши!”. Вы спрашивали себя, почему все именно так? Почему *не* влюбленные люди не лезут, к примеру, ночью на крышу любоваться звездами? Звезды бракованные? Нет, те же самые. Только у одних они вызывают бурю положительных эмоций, а у других – смутные воспоминания о школьном учебнике астрономии. И это касается не только звезд. Складывается впечатление, что влюбленные смотрят на мир совсем другими глазами. “Сквозь розовые очки”.

В итоге всех этих наблюдений, у меня возникла теория.

Она не доказана и даже более того – недоказуема. А потому ее легко опровергнуть. Но всего на несколько минут забудьте о неточном прогнозе погоды, несбывшихся предсказаниях гадалок и прочих эфемерных вещах. Ненадолго отставьте в сторону скептицизм и сарказм. Просто *представьте*, что моя теория верна. Ведь потом вы сможете забыть об этом, сможете высмеять или опровергнуть изящным и колким замечанием. Сейчас – поверьте мне на несколько минут.

А что если мир таков и есть на самом деле? Что если он чарующе прекрасен абсолютно всегда? Единственное условие: мы замечаем его красоту, когда влюблены. Просто представьте это. Звезды восхитительны вне зависимости от того, любим мы или нет. Вместе с тем, нас незаметно затянула суэта повседневности, и оттого мы попросту не видим окружающей красоты. Следом напрашивается вывод о том, что любовь помогает нам увидеть мир таким, каков он есть. И возникает вопрос: правильно ли называть влюбленных безумцами? Ведь они видят мир в истинном свете. И не безумны ли мы, когда добровольно отказываемся от наслаждения видеть его ярким и красочным, а не блеклым и обыденным?

Вы хотите увидеть мир во всем великолепии? Это возможно. Желаете надеть розовые очки? А вот тут я вас разочарую – нет никаких розовых очков. Их не было и в помине... Есть только СЕРЫЕ, которые мы носим постоянно. И лишь изредка снимаем.

Это всего лишь теория, к тому же недоказанная. Я не претендую на звание истины в последней инстанции. И вы наверняка забудете об этом или задвинете в дальний ящик стола вашей памяти под грифом “Бред”. Вы ничего от этого не потеряете. И не приобретете. Ничего не изменится.

Но чем дольше я наблюдаю за окружающими людьми, тем больше убеждаюсь в том, что моя теория верна.

Чынгыз ИСМАИЛОВ

РАССКАЗЫ

Базарное детство

Казалось, что солнце живьем сжарит в собственном соку копошащихся внизу, подобно муравьям, людей. Лето было настолько жарким и душным, что невозможно было найти человека, чья футболка или кофта не взмокла бы от пота.

В разноликой массе можно было заметить худенького, необычайно подвижного мальчишку восьми-девяти лет, проныривающего через центральный вход, сквозь толпы покупателей, продавцов и просто зевак в самую гущу базара – его невольной родины. Из-под синей кепки торчали отросшие кудри волос; выцветшая синяя футболка с черными джинсовыми шортами, переделанными из сносившихся штанов, китайские макасы завершали весь этот скромный наряд, что весьма кстати подходил для его промысла, позволяя мальчишке спокойно сливаться с толпой. Если присмотреться к нему повнимательней, то взгляд выхватит на его шее тонкую серебряную цепочку – богатство и гордость мальчишки, в нижней части изогнутого дугой козырька его кепки черным фломастером выведенные четыре буквы: Б Е К А. Так звали его знакомые, но только не мама, и, самое главное, не единственный друг, с которым он недавно познакомился. Они называли его, как положено, Бекжаном.

Когда Бекжан пробирался сквозь толпу, его глаза бегали по карманам увлеченных покупателей. И вдруг они остановились на выпуклом боковом кармане мешковатых штанов. Дородный

мужчина, владелец тех самых штанов, грузной поступью, с большими сумками и толстой палкой колбасы под мышкой, направился к выходу из базара.

Сердце мальчишки екнуло на миг – добрый знак. За два года своей «деятельности» он уже не испытывал угрызений совести, и еканье сердца, заставлявшее ранее робеть, краснеть, жалеть и сострадать, со временем превратилось в некий импульс, суливший неплохой барыш. Остановиться, одуматься, пожалеть? А кто пожалел его и голодную сестренку, когда мама, не в силах прокормить их, слегла в больницу? Об отце даже вспоминать противно: он бросил семью еще до того, как мама родила сестренку. Слава богу, теперь-то ей четыре года, подросла и не донимает никого истерическим плачем.

Мальчишка помедлил, сдерживая шаг. Дородный мужчина остановился, опустил на пыльный проход сумки, вытащил из нагрудного кармана носовой платок и начал тщательно вытирать им лицо. Через пару секунд мужчина почувствовал, что кто-то, будто ненароком, натолкнулся на его огромную спину. Оглянувшись, он увидел безобидного ребенка, несшего большую и, видимо, тяжелую коробку.

– Извините, байке, – выпалил мальчик, изгибаясь под тяжестью ноши, и виновато поднял на него блестящие глаза.

Мужчина что-то буркнул и продолжал вытираться платком. Разве догадаешься, что этот невинный мальчик, которого он в глубине души пожалел, только что стащил его кошелек, что казавшаяся тяжелой коробка на самом деле совершенно пуста. Исчезнув из поля зрения мужчины, Бекжан быстренько отравил коробку под чей-то прилавок и растворился в толпе. «Сколько же там денег? Хоть бы сто сомов, и на том бы спасибо сказал. А, может, там две тысячи или больше?» – с колотившимся сердцем, сгорал от любопытства Бекжан. Чего только не извлекал он за эти два года из кошельков: сомы, доллары, визитки и всякие пластмассовые карточки, но больше всего мальчик не любил находить там паспорта или другие какие-нибудь документы. А если таковые все же имелись, он относил их к старушке, у которой каждый вечер покупал по две булки хлеба. Скажет, что нашел, а она отнесет их в радиоузел и, возможно, даже получит вознаграждение. На вопрос, где взяла, ответит – наша.

Нырнув в проулок, ведущий во вход огромного здания, где хаотично расположены всякие офисы, мини цеха, компьютерные игры, столовые, парикмахерские и многочисленные конторы, предоставляющие за деньги любые услуги, Бекжан вошел в уборную, которая находилась в подвале. Убедившись в том, что кроме него никого там нет, мальчик с нетерпением достал мягкое и потертое до блеска портмоне. Рванул магнитную пуговицу, разогнул сложенный надвое бумажник и, наконец, раскрыл. О, Боже! Что же он увидел! Бекжан, схватив деньги, продолжал лихорадочно шарить в боковых карманах кошелька, но больше ничего путного не обнаружил, кроме маленькой цветной фотографии и пятикопеечной монетки советских времен. Нечаянный взгляд вора запечатлел на фотографии того самого мужика – владельца кошелька, склонившуюся к нему милостивую и, возможно, добрую тетеньку и симпатичную девчонку между ними, примерно такого же возраста, что и Бекжан. «Ничего семейка, живете!» – Подумал воришка и, сунув фотографию обратно, бросил бумажник в унитаз. Никаких улик, теперь можно посчитать деньги. Сумма, которой он располагал, равнялась пяти тысячам и семи соммам. Джек пот! В голове крутилось бесконечное количество планов, но все хотелось сделать одновременно! Да, так крупно ему никогда еще не везло.

Неожиданно в памяти всплыл момент, когда он стащил лепешку у зевающей краснощекой девушки от того, что дома нечего было есть. Эта была первая кража, а затем пошло-поехало: продукты питания, вещи, хозяйственная утварь, мелкая техника... Все это Бекжан крал либо с прилавков, либо у тех, кто страдал рассеянностью. Мама места себе не находила, все спрашивала и выясняла, откуда ее сыночек мог заработать так много, чтобы позволить себе купить эти вещи, но Бекжан находил самые подходящие оправдания. И мама верила. Она даже мысли не допускала, что ее сыночек может воровать. Он такой честный и добрый! И все же однажды сомнения взяли вверх, и она, для спокойствия души, решила проведать место работы сына. Бекжан, узнав об этом, поспешил к Сашко, хозяину закусочной, если можно так назвать помещение, скорее смахивающее на хлев. Щупленький, с застывшей улыбкой на лице и очень хитрыми глазами, Сашко согласился сыграть роль работодателя. Деньги, предложенные мальчиком, мужичок не взял, а попросил, мяг-

ко потребовал посвятить его в тайны, из-за которых он оказался при таких обстоятельствах. Мальчик был слишком наивен, чтобы понять коварные замыслы хозяина кабака, и поведал ему свою тайну, не всю конечно, но тот, по крайней мере, уже знал, как воспользоваться ребенком. Его противная улыбка стала еще противней и, сверля довольными глазами мальчика, пообещал выполнить его просьбу. Мама, узнав, что сын работает у Сашко и выполняет всякие мелкие поручения кухарок, успокоилась.

В кабак заходили завсегдатаи, наслаждающиеся здесь курением травки. Вот эту-то травку, присыпанную сверху зеленой махоркой обычно привозили большими сумками с Иссык-Куля. Доставлять этот груз по выходным дням с автовокзала до притона Сашко должен был Бекжан. Но все это будет потом, теперь же Бекжан, первым делом, решил найти друга.

Но Аман какой-то странный, хоть и друг, хоть и ближе него никого нет, но ему нельзя говорить каким способом достались деньги. Иначе начнет наставлять на путь праведный или хуже того поссорится с ним. Надежно спрятав деньги в пришитый внутренний карман, мальчик вышел из торгового комплекса и, ища в толпе друга в сиреновой футболке, начал придумывать правдоподобную историю...

Аману осенью исполнится девять лет. Внешне он ничем не отличается от всех остальных мальчишек, на чьи хрупкие плечи легла суровая реальность взрослой жизни, но после одной лишь встречи с ним всякий может выделить острое чувство справедливости и благородство как главные черты его характера. Даже Бекжан, хоть и не знал, но ощущал всем существом своим, что Аман – самый честный среди всей этой толпы. Потому и тянулся к нему.

Аман приехал в город вместе с отцом, который, распродав кое-какое имущество, решил попытать счастья на новом месте. Ведь отец лично участвовал в той самой революции, произошедшей в начале весны. «Сынок, теперь все будет хорошо, мы начнем новую жизнь вместе с народом», – не переставал ликовать он после штурма белого Дома. Но прошло время, а ничего хорошего Аман не видел. Они снимали небольшую комнатку в общежитии. Имевшиеся деньги быстро закончились, отец подрабатывал грузчиком на базаре и мечтал о том, чтобы дать сыну достой-

ное образование, однако видя, что заработанных денег хватает лишь на квартплату и питание, стал спиваться. Вначале это было безобидной «расслабухой» после утомительного дня, как он сам выражался, но постепенно похмелье превратилось в ежедневную и обязательную попойку. Затем отец вовсе перестал выходить на работу, а целыми днями пил и философствовал. Не раз комендант общежития угрожал выселить их, но алкоголик давил на жалость, прикрываясь ребенком. Аман знал, что если они вовремя не будут платить за жилье, их выгонят, поэтому вышел, как говорится, на большую дорогу.

Впервые очутившись на рынке, Аман немного растерялся. Никому не было дела до него. Многотысячная толпа была подобна расшуганному косяку мальков на пруду. Суетятся, бегут, кричат, ругаются, бредут, толкаются. Все сливается в единый гул и только. Начал Аман с разгрузки арбузов. Выгрузит с тремя, четырьмя пацанятами грузовик арбузов и, получив вместо денег пять или шесть полосатых ягод, разрежет их на треугольные кусочки, аккуратно сложит на поднос и продаст. Осенью, когда сезон арбузов заканчивался, и начинался сезон дождей и грязи, он сидел у прохода и натирал ботинки. Зимой расчищал дорожки от снега и долбил лед.

Так прошел год. Теперь Аман, лавируя среди прохожих, толкал тачку. Хотя он ходил в школу всего неполных пять месяцев, внутреннее чувство подсказывало ему, что мир велик и красив, что мир не ограничивается грязным базаром, где за мелкую монету могут продать даже друзей. Мир не ограничивается этим городом, где на темных улочках совершается нечто кровавое, и не ограничивается даже этой большой страной, где люди, постоянно выясняя свою родовую принадлежность, мешают друг другу жить. Ведь мальчик видел из окна автобуса, когда они ехали из Токтогула в Бишкек, всю красоту своей большой Родины. А теперь, окунувшись в суету жизни и мелочность человеческих душ, недоумевал.

Вот проталкивается сквозь тесную сутолоку всем недовольная старуха вдоль картофельного ряда и каждый раз, увидев очередной ценник, страшно морщит и без того наморщенный, как сухая слива, нос и недовольно отмахивается рукой, бубня понятные только ей самой проклятия. Вот студенты с унылыми лицами закупают продукты, возможно, они не рады тому, что тра-

тят всю накануне полученную стипендию лишь для того, чтобы наполнить ненасытный живот. Вот счастливая парочка, молодожены, стараются покупать дорогое и свежее, но прежде чем купить, долго думают о содержимом семейного кошелька и, в конце концов, покупают то, что стоит подешевле.

Пока Аман, полулежа на тачке, наблюдал за прохожими, кто-то сзади легонько коснулся его плеча.

– Мальчик, тачка свободна? – спросила женщина. Наблюдательный взгляд Амана запечатлел пухленькую женщину лет 40-45. Глаза ее были добрыми, волосы обесцвеченные, красиво уложены. Одета она в белую дорогую кофту, черную юбку и кожаные босоножки.

– Да, конечно, – засуетился мальчик и, выхватив её сумку, положил на свою тележку.

Женщина, улыбнувшись, прошла вперед, Аман последовал за ней. Выбирала она продукты не спеша, будто это являлось её самым любимым занятием. Аман, иногда подолгу ожидая её покупок, успевал слетать в свой утопический мир.

– Ал тачканды!¹ – прервал его раздумья грубый голос. Это был взрослый и ужасно злой дядька с тачкой, до отказа нагруженной мешками муки. Его грязная черная футболка взмылилась от муки и пота так, что можно было выжать из нее теста на два пирожка.

Аман заторопился, чтобы дать ему дорогу, но, пятясь и сворачивая тележку в сторону, наступил на чью-то ногу, вызвав поток ругани в свой адрес. Наконец, Аман чудом, казалось бы, в непробиваемой пробке, сумел приставить тачку к правому краю рядов. За это время он потерял из виду свою хозяйку и, беспомощно оглядываясь, поехал вперед, надеясь встретить её там. Хозяйка выбирала наиболее хорошие, на её взгляд, плоды, и бережно клала их в чашу для весов, а продавщица, наоборот, старалась подsunуть гнилые.

– Подождите, вы положили туда гнилой! – неволью вырвалось у мальчика.

Хозяйка ласково взглянула на Амана, а продавщица, , сколь-

¹ Ал тачканды! – кирг. Убирай тачку!

знув по нему мстительным взглядом, молча вытащила испорченную помидорину.

«И зачем же я это сказал? Хозяйка уедет, а я останусь, теперь эта ведьма не даст мне покоя, будет орать, едва завидев», – подумал мальчик, хотя знал, что иначе поступить не мог. Мама в детстве часто повторяла ему, что в какой бы ситуации он ни оказался, всегда должен быть на стороне правды и добра, а если он кого-нибудь обманет, это будет то же, что обмануть родного брата. И стоит лишь однажды сойти с пути добра, сразу появится трещина в хрупкой скорлупе нравственности.

Так размышляя и лавируя среди хаоса, вез тележку Аман. За четыре месяца работы он уже знал, что всем женщинам присуща страсть к покупкам, что они привередливы, капризны и часто кружат по всему базару, пока не убедятся, что лучшего продукта, замеченного раньше и по выгодной цене, больше нигде не найти. Тогда они возвращаются назад и покупают. А иногда, в большинстве случаев, растратятся на продукты либо вещи, которые совсем не планировались, и потратив деньги, они уходят, так и не купив то, за чем вообще приехали. Так и его хозяйка, остановилась только тогда, когда заметила, что в тележку мальчика больше ничего не вместить. Ей понравился этот мальчик, он не старался что-либо урвать или отлынивать, когда продавцы протягивали взвешенные сумки с товарами, он аккуратно укладывал их на тачку и незаметно следовал за ней, следя за дорогой, чтобы не задеть прохожих.

Когда они проходили мимо прилавков со всякой сдобой, пирожными, лакомками и другими сладостями, она предложила Аману выбрать что-нибудь для себя, но он вежливо отказался. Удивившись, она спросила:

– Мальчик, как тебя зовут?

– Аман

– У тебя есть родители?

– У меня есть отец, – тихо ответил Аман и умолк.

Наступило неловкое молчание, ей очень хотелось узнать о его маме, где они живут, ходит ли он в школу и многое другое, но она оставила его в покое, видя, что Аман загрустил, хотя ей было очень любопытно.

– Заверните два кусочка пирожного, – обратилась она к пышной девушке, сродни тем булочкам, которые та продавала.

Затем они, наконец, выбрались с базара и направились к обочине большой дороги, где скучали таксисты. Она подошла к одной машине, оттуда тут же высунулась лысая голова, которая, поинтересовавшись адресом, запросила двести пятьдесят сомов. Хозяйка, зная эту уловку, и попусту не споря, подошла к другой машине, за рулем которой сидел мужчина с красным от загара лицом. Этот просил двести, но после недолгого уговора согласился на 160 сомов. Когда таксист открывал багажник, женщина отвела мальчика в сторону и дала ему двести сомов. Аман подумал, что этого много и протянул столик обратно. Она покачала головой.

– Нет, не нужно. Ты их честно заслужил... Аман, я вижу, ты хороший мальчик, нам нужны такие, как ты. Я держу маленькое кафе, если хочешь, будешь работать у нас. Работа, я думаю, легче, чем толкать тачку, платят у нас хорошо, горячее питание три раза в день, можешь даже ночевать там, в общем, сам смотри. Ты учишься?

– Я учился, но после переезда перестал. Отец говорит, что здесь дорого учиться, ведь нам нужно еще за комнату платить.

– Что ж, если ты будешь хорошо работать, я отдам тебя в школу, но ты иногда будешь помогать нам.

Аман удивленно уставился на нее, а она начала рыться в сумочке.

– Ну, ты еще подумай, поговори с отцом, вот тебе моя визитка, по этому адресу ты всегда можешь найти меня.

Он взял белую картонку и все еще не верил своим ушам. «Боже, я буду учиться!» – только и твердил ошеломленный радостью мальчик. Женщина тем временем села в машину, а он помахал рукой на прощанье, стоял, пока машина не скрылась из виду.

Тут и нашел его Бекжан.

– Как дела?! – обрадовался другу Аман

– Представь себе, я нашел на базаре пять тысяч сомов! Шел себе мимо прилавков, смотрю валяется свернутая пачка купюр, я быстро положил их в карман. Потом оказалось что там пять тысяч сомов.

– Ого! Молодец, Бекжан, ты и везучий сколько раз находишь деньги. А я вот толкаю тачку, всегда смотрю на землю и лишь однажды случайно попалась мне двадцать сомов. И все. Но это не беда! Главное, пусть тебе везет.

– Пойдем покушаем «от души». Потом заглянем в кино. Ты видел «Мадагаскар»? Я его три раза смотрел, там про таких же друзей, как мы с тобой...

Амана не пришлось долго уговаривать, он с утра ничего не ел, хотя давно перевалило за полдень. Два друга, болтая обо всем, что требовало выплеска, последовали в «Кафе для продавцов».

Худенькая девушка, с печальным, щедро усыпанным угрюми лицом, приняла заказ: две порции шурпы, две порции мант, две палочки шашлыка из баранины, шесть кусочков лепешки и чайник черного чая. Когда мальчики, заплатив, удалились, девушка была крайне удивлена тем, что все тарелки были чисты.

Тем временем, друзья спешили в кинозал, каких много на базаре. Это небольшое помещение, куда могут поместиться около пятидесяти человек, если основная часть пришедших будет смотреть стоя. В конце зала обычно расположен цветной телевизор, к нему подключен DVD-проигрыватель. Есть журнал со списком всех имеющихся фильмов. И главное, здесь любой просмотр организуется стихийно, пришел себе и говоришь, мол, хочу такой-то фильм. Правда, иногда кто-то из пришедших одновременно с тобой может потребовать совсем не тот фильм, который заказываешь ты, и дело может дойти до кулаков. На сей раз мальчишкам повезло, в зале никого не было. Они тут же заказали первую часть *душевного* мультфильма «Мадагаскар» и сели поближе к телевизору. Седой длиноволосый мужчина покопался в пульте, и, найдя нужный файл, нажал на кнопку ПУСК. Свет погас, и два друга стали наслаждаться просмотром, сливаясь с героями мультфильма. Им казалось, что они, свободные и счастливые, живут на том самом острове и совсем забыли, что за стенами кинозала их ждет борьба за кусок хлеба. Они радовались каждому счастливому моменту и сопереживали трудностям, возникавшим перед героями. Разве могут дружить хищный лев и травоядная зебра? Почему нет? Ведь неважно, каковы вкусы и предпочтения, важно только то, что в душе у каждого из них есть светлое и чистое желание творить добро, да и вообще жить справедливо.

Бекжан видел, насколько наивен и честен его друг Аман, он хотел быть таким же, как и он, но суровые обстоятельства слишком рано заставили его приспособиться к стае волков. «По-

чему одни трудятся день и ночь, но живут бедно? Почему другие совсем не работают, но могут позволить себе все, что захотят? Я лучше буду воровать у богатых, не обеднею», – решил глупый мальчишка. Он не понимал, что в этом деле больше всего страдает он сам.

Мультик закончился, и когда включили свет, друзья, обернувшись, заметили, что зал чуть ли не полон. Никто не поднимался с места, впад в некий транс, и у них у всех блестели глаза.

На улице темнело, друзья все еще были под впечатлением от увиденного и молчали.

– Знаешь, я сегодня возил продукты одной тетеньки, она такая добрая, – сказал вдруг Аман.

Бекжан ничего не ответил, почему-то вспомнив ту самую женщину на фотографии из украденного им бумажника.

– Она похожа на мою маму, такая же ласковая. Спросила, учусь ли я, – Аман вдруг просиял. – Если бы я, как все, пошел первого сентября в школу, чистенький, опрятный, с цветами, я бы учился лучше всех и, став взрослым, сделал бы так, чтобы ни один ребенок в мире не работал, а учился. – Аман умолк, но по его глазам можно было видеть, как он взволнован.

– Вот ты даешь! Ничего хорошего там нет, учителя только и умеют, что деньги требовать. Вот я один раз вовремя не заплатил 100 сомов за обучение, учительница как выставит меня перед всеми и давай ругаться. «Ты, – говорит, – бездарь и обуза, нищий, потому что твои родители не могут вовремя платить за тебя». С тех пор нет никакого желания учиться.

– Ну, тогда я постараюсь, чтоб никто не обижал маленьких...

Бекжан продолжал молчать, но он верил всему, что говорит его друг и, наконец, предложил:

– Пойдем, мороженое поедим.

– Нет, я лучше пойду домой, папа, наверно, ждет.

– Давай еще что-нибудь сделаем, еще рано, – не сдавался Бекжан.

– Давай лучше завтра. Не трать напрасно деньги, пойдешь домой и обрадуешь маму.

Бекжан приуныл, мама все равно не поверит: он уже трижды приносил большую сумму и говорил, что нашел. Он-то хорошо знает маму. Если бы она поругала или даже побила его, а затем спокойно тратила бы деньги, так нет, она сядет и, закрыв

лицо руками, будет долго плакать. Лучше не давать ей больше двухсот сомов, решил мальчик. Друзья купили по две булки хлеба и нехотя расстались.

В общежитии было шумно, как на вокзале – обычное явление. Женщины по всякому поводу разговаривают через весь коридор, дети играют в футбол резиновым мячом. Тишина здесь бывает только после двенадцати, и то нет-нет да раздаются крики из некоторых комнат.

Папа действительно ждал

– А, сынок, пришел? Как работал, что-нибудь вышло? – трезвым голосом спросил он.

– Да, вот двести сомов и хлеб купил, – сказал Аман и, достав аккуратно свернутую купюру, протянул отцу.

– Молодец! Ты настоящий батыр, ты чай попей, я вскипятил воду и налил в термос, а я пойду, – взяв деньги, заторопился отец и исчез за дверью.

«Как всегда», – вздохнул мальчик. Ведь ему так не хватало родительской ласки и внимания. Аман заглянул в казан и, обнаружив там остывшую жареную картошку, закрыл крышку. Есть не хотелось. Мальчик налил в эмалированную кружку кипятка, помакал в него пакетик уже много раз использованного одноразового чая и, положив две ложечки сахара, начал медленно мешать. Неожиданный стук в дверь вывел его из задумчивости. Это был комендант, женщина лет сорока пяти, жившая здесь же, на первом этаже. Она, не здороваясь, потребовала квартплату.

– Эже, я накопил пока семьсот сомов, подождите, пожалуйста, до понедельника, впереди как раз базарные дни, и за эти выходные я соберу еще триста сомов и заплачу вам.

– Давай семьсот сомов, за остальными, так и быть, приду в понедельник, – мгновенно среагировала она.

Аман, прикрыв дверь, достал из расщелины пола деньги и отдал коменданту. Та, немного успокоилась, пошла дальше, стучаться и требовать квартплату.

Мальчик взялся за кружку чая, пригубил его... Фантазии и мечты унесли его в несуществующий мир, где все люди счастливы. А как он хотел учиться!

«Почему папа забрал меня из школы? Мне в следующем году будет девять, и если я снова пойду в первый класс, дети будут смеяться. К тому же нужны документы, может, лучше пой-

ти к той тетеньке? Буду работать честно и усердно, а потом скажу, что очень хочу учиться, может, она отдаст меня в школу, – думал мальчик и, достав визитку, тщательно стал ее рассматривать. Кафе «В гостях»: банкетный зал на 90 персон, свадьбы, торжества, фуршеты, живая музыка... – читал Аман. – Ничего себе! Его потянуло к чемодану, где хранились документы. Отец придет не скоро, можно не беспокоиться. Эх, если бы Аман ни разу не был в школе, разве он тосковал бы так сильно по ней? Как же он радовался и волновался, впервые сев за парту! Красивая и молодая учительница объясняла и спрашивала. Все отвечали, что-то говорили... Но в один день все кончилось, мамы не стало. Отец, не выдержав горя, увез мальчика в деревню к своим родителям, там и пристрастился к спиртному. Бабушка с дедушкой сильно противились такому поведению сына, и он, вроде бы, бросил. А затем все эти волнения, бунты, переезд в город...

Всего Аман проучился около восьми месяцев и, увидев насколько это интересно, жил тем, что когда-нибудь снова пойдет в школу, сядет за парту, будет вдыхать запах мела и слушать учительницу. Он уже умел читать и писать и часто коротал время за чтением киргизских народных сказок.

Аккуратно перебирая бумаги, он нашел картонную папку, на которой крупными буквами было написано – ДЕЛОН^о и поменьше – *скоросшиватель*. Раскрыв ее, мальчик так обрадовался, что руки начали невольно дрожать, а сердце заколотилось, будто после трудного подъема с тяжелой тачкой. Он увидел свою фотографию, такой маленький, коротко стриженный, с большими ушами и широко раскрытыми глазами, чтобы не зажмуриться от вспышки фотоаппарата. Там же он нашел дневник с выставленными за три четверти оценками – все пятерки. Отложив эту папку в сторону, мальчик отыскал зеленую корочку – свидетельство о его рождении. Взяв эти два документа, Аман завернул их в свою клетчатую рубашку и спрятал в шкафу среди одежды. Все остальное он уложил обратно в чемодан и поставил на место. Аман даже не понимал, зачем он это делает, просто сердце так подсказывало.

Мальчик лег в постель и, долго мечтая, заснул с улыбкой на лице.

Утром он проснулся от здорового храпа. В комнате пахло водкой. Это отец, напившись, пришел под утро и развалился на полу.

На базаре по-особенному былолюдно. Аман около часу искал Бекжана, но его нигде не было. Затем он взял из камеры тачку и стал ждать клиентов. Целый день он не знал отдыха: как только довезет один груз, тут же найдется другой. Аман мысленно считал выручку за день, и радовался тому, что он может сегодня же расплатиться с комендантом. И все было бы прекрасно, если бы Аман нечаянно не задел тачкой мужика с бычьей шеей и мелкими глазками. Он весь сжался от злости, и толстой рукой со всего размаху ударила мальчишку:

– Задалбали, блин, со своими тачками! – прогремел мужик.

В глазах Амана помутилось. Все, что его окружало, вдруг перестало существовать, расплываясь в бесцветных тонах. Все потеряло свою ценность, и было уже неважно, где он сейчас находится, для чего находится и что будет завтра. Аман бросил все: и тачку, и то, что лежало в ней, и пошел прочь от бездушной толпы, прочь ото всех в тихий уголок, где можно было бы выплакать всю боль, тяжесть которой была уже невыносима. Мальчик почти бежал...

Бекжан, выполнявший задание Сашко, нечаянно увидел впереди родную сиреневую футболку.

– Аман, – крикнул он.

Но Аман его не услышал. Странно, он никогда так не спешил, наверное, с ним что-то случилось, подумал Бекжан и кинулся за ним. Пробивая дорогу локтями, Бекжан постепенно, то теряя Амана из виду, то видя его печальный затылок, догонял друга. Ему очень мешала сумка, которую он должен был передать Сашко.

– Эже, можно оставить, я сейчас же приду, – на ходу спросил Бекжан торговку лепешками и, не дожидаясь согласия, сунул ей под лавку мешок и побежал дальше.

Аман тем временем переходил дорогу. Он ничего не видел и не слышал, он бежал прочь, не зная куда, лишь бы подальше ото всех. Вдруг мощный глухой удар сбил его с ног и он полетел...

Скрежет и визг, сигналы машин.... Бекжан увидел, как собирается толпа и сердце его почему-то тоскливо сжалось.

– Ама-а-а-а-н!..

На залитом кровью асфальте лежало беззащитное создание с невыплаканной болью, отчего его детское лицо застыло в страдальческой гримасе. Толпа то гудела, то умолкала, води-

тель, сбивший мальчика, в крайнем возбуждении кричал в мобильник:

– Как же там... Бейшеналиева! Пересекает Киевская. Да, на улице прям. Да быстрее, тут же мальчик умирает!..

Бекжан присел к лежащему другу и бережно взял его за руку, сжатую в кулак. Рука ослабла, и из нее выпала визитка.

Было жарко и душно...

Надежда

Камальдин-ага, как звали его в аиле, проснулся очень рано. Пели петухи, но за окном ничего не разглядеть, темно еще. Всю ночь ворочался Камальдин-ага из-за летней духоты, и только теперь он вдыхал кратковременную утреннюю прохладу, которая щедро врывается в комнату через только что распахнутые окна. С глубоко посаженными глазами на изборожденном морщинами лице, Камальдин-ага приподнявшись, сел на кровать, свесив ноги. Казалось, он давно потерял счет времени, но живой взгляд его веселых глаз устремлялся то в окно, то в потолок, то на искривленные пальцы рук, которые он поочередно загибал, видимо что-то прикидывая. И о чем же он думал?

Пурпурный диск солнца выглянул краешком из-за плоской темноты и осветил вершины причудливых громад. Теперь старик сквозь окно мог любоваться алыми вершинами гор, ставшими частью его самого: с ними он встречал каждое ясное утро. Он все еще восхищался ими, пребывал в восторженном состоянии, когда комья штукатурки, посыпавшиеся с потолка, привели его в чувство. Ну, все! Сегодня он, наконец, починит крышу. Вот уже четвертый год, как руки до нее никак не доходят, но сегодня он за это возьмется.

Старик медленно, но решительно поднялся. Накинув на себя рубашку в полоску, самым тщательным образом застегнул все крошечные пуговицы, после чего заправил ее в мешковатые штаны и, нацепив на босые ноги галоши, засеменял к выходу. Там его ожидал пес, который, то подпрыгивая, то вставая на задние лапы и повизгивая, выражал свою любовь и преданность хозяину. Старик был сильно привязан к псу. В свое время он нашел

его крошечного, с едва прорезанными глазами, желтенького и беззащитного, скулившего под окном. Возможно, кто-то подброе-сил его старику. Тогда он и назвал его – Кутсары, кут – в переводе с киргизского означает удача, а сары – желтенький. Ухаживал он за ним как за ребенком, выкармливая козьим молоком из бутылочки, а теперь – вон как вымахал за пять лет! Было отрадно, что пес ни на кого не набрасывается и понапрасну не лает, несмотря на свою внушительную величину и мощь. Поэтому к хозяину запросто приходили ребята с просьбами смастерить им свистульки и погонять мяч на его чистеньком и уютном дворе...

Прекрасно летнее утро! Каков воздух! Иссохшая грудь старика мерно подымалась и опускалась, и Кутсары отчетливо слышал свист и хрип.

Умывшись, старик позавтракал остатком вчерашней жареной картошки, макая лопоть тандырной лепешки в стакан козьего молока, не забывая при этом делиться с Кутсары.

Солнце уже вовсю пекло, когда он направился к приставленной к чердаку лестнице. Подойдя, поднял голову: не высоко-вато ли? По устоявшейся за долгие годы привычке плюнул на шершавые ладони и растер их, но не так энергично, как бывало. Ему казалось, что он всю жизнь только и делал, что, плюнув на ладони, растирал их и, взявшись за увесистый кетмень, выкапывал арыки, делил воду, в общем, работал мирабом. Поднявшись на две ступеньки, он почувствовал, что лестница сильно шатается и не способна его удержать. Тогда он спустился, долго подпирал камнями ножки деревянной ветхой лестницы и, осторожно подергивая, проверял ее на стойкость. Теперь можно и лезть. Первые три ступеньки он преодолел довольно легко, но затем почувствовал, что предметы, окружавшие его, начинают заводить хоровод. «Ничего, пройдет, как летний дождик», – подумал старик и полез дальше. От волнения запотели ладони. Поднявшись еще на три ступеньки, он почувствовал тошноту, а хоровод вокруг него все усиливался. «Да что же это такое, неужто ли я настолько постарел, что не могу уже залезть на крышу собственного дома?!» – досадовал Камальдин-ага. Оставалось преодолеть еще четыре ступеньки, и он окажется на чердаке.

– Здравствуйте, ата! – поздоровался кто-то с ним.

Старик хотел было повернуться и ответить незнакомцу, но чуть не опрокинулся. Плотный ком подкатил к груди и застрял,

подобно бараньей косточке. Старик долго стоял, закрыв глаза и крепко ухватившись за лестницу.

Когда хоровод поубавился и ком скатился куда-то, старик открыл глаза. Он уже решительно опустил правую ногу, чтобы спуститься, но наполовину спущенная нога замерла, так и не наступив на нижнюю перекладину: старик задумался. Если и в летний зной обваливается штукатурка, то что будет, если пойдут дожди? Он поднял правую ногу на прежнюю ступень и очень осторожно преодолел еще одну высоту. Кровь застучала в висках, замутило в глазах и сердце тревожно заколотилось, но он старался не обращать на это внимания и, немного обождав, собрался было сделать следующий шаг для достижения цели, как за спиной раздался знакомый голос:

– Здравствуйте, ата! Скорей спускайтесь! Ай да Камальдин-ата, никто в вашем возрасте и не посмел бы даже решиться на такое! Ну, спускайтесь же, а я вас подстрахую, – мягко, чтобы не обидеть старика, попросил прохожий, засовывая что-то белое в сумку. Он подошел к лестнице, ухватился за нее могучими руками, не переставая удивляться мужеству старика. Камальдин-ага, вняв голосу разума, медленно спустился, не проронив ни единого слова. Когда, наконец, старик почувствовал твердую почву под ногами, он дрожащими руками пожал руку, протянутую почтальоном. Загорелый мужчина, в соломенной шляпе и летней рубашке без двух верхних пуговиц, с перекинутой через плечо сумкой, добродушно смотрел на побагровевшее от напряжения лицо Камальдина-ага, по которому струились ручьи пота и даже вены вздулись на его блестящей голове. Затем это лицо тепло просияло, и большая часть морщин разгладилась. Старик смахнул рукавом пот со лба и весело заметил:

– Оказывается, я немного постарел, в прошлом году я сдался, когда до победы оставалась всего одна ступенька, а теперь я сдаюсь на оставшихся двух... А, кстати, письма для меня нет?

Почтальон смутился, этот вопрос поставил его в тупик и так было каждый раз, стоило только старику заметить его. Почтальон старался не показывать своего беспокойства и как можно проще ответил:

– Пока что нет, возможно, скоро будет.

– Скоро, говоришь? Ничего, подождем, вон сколько лет жду, можно и еще немного подождать... Жена не дождалась, а

вот я дождусь, обязательно дождусь. Ох, этот Афганистан... Не мог же он погибнуть. Верю, жив сын, совсем скоро придет, найдется... Кстати, мне нужен помощник, крышу починить. Если пойдут дожди, чувствую, несдобровать мне, обвалится она. Где я сына встречать-то буду? Пятый год течет, все думал, что сам, но...

– Ах, вот оно что! Да вы хоть намекнули бы мне, я вашу крышу собственными руками починил бы. Вот разнесу письма и сразу же займусь ею, – искренне отозвался почтальон, а про себя думал: «Эх, старик! Если бы ты знал, да если бы я сам знал, что у меня в кармане: радостная весть или же свидетельство о смерти сына, которое лишит тебя всякой надежды, а значит и жизни. Я должен первый узнать об этом, а там посмотрим».

– Спасибо тебе, сынок, разноси же скорее свои бумаги, а я к твоему приходу чай приготовлю, – радовался старик.

– Хорошо, ата, я быстро, – откликнулся почтальон и поспешил по делам.

Старик, проводив его, затворил калитку и направился к своему ухоженному и скромному огороду. Возле него все время крутился пес, словно поддерживая его во всем. Камальдин-ага нарвал в кастрюльку помидоров, огурцов и зеленого лука. Разжег самовар и вдруг опешил: ведь он со вчерашнего дня не проведаль курятник, не извлекал еще теплые яички из гнездышка. С нескрываемым любопытством поспешил заковылять к курятнику.

Почтальон, разнося письма, все думал об одиноком старике, даже не о нем, а больше о письме, которое тяжким грузом лежало в сумке. Он не хотел отнимать у старика последнее. И никто другой не имел права отнимать его надежду. Возможно, все, кто его знал, искренне желали того, чтобы старик жил еще долго.

Целый день, разнося письма, почтальон боролся с чувством своего профессионального долга. Наконец, он достал из кармана беленький конверт. Оглянулся по сторонам, убедился, что за ним никто не наблюдает и стал изучать конверт. «Мм, из Москвы». Аккуратно порвал край конверта, достал листок свернутой бумаги, и развернув, прочел казенный текст. Глаза его широко раскрылись, он тут же разорвал листок на мелкие кусочки. Затем, стал топтать и растирать их в пыли. Топтался до тех пор, пока кусочки бумаги стали неразличимы в дорожной пыли. «Ну

все, никто не вправе отнимать твою надежду», - вздохнул облегченно почтальон и направился к Камальдину-ага чинить крышу.

Солнце уже спряталось за горизонтом, оставляя за собой изумительный багрово-розовый свет, когда почтальон отворил простенькую деревянную калитку во двор к старику. Его глаза искали Камальдина-ага, и он очень обрадовался, когда увидел его, хлопотавшего возле самовара...

Александр ШАБАЛИН

«М»

Рассказ

Тучи закрыли солнечный диск. Я осознал это не сразу, что нисколько меня не удивляет, потому что я редко замечаю вещи и посущественней. Пытался я покончить с мыслями, застыть во времени, но получилось это только однажды, – весенним днем, который был добр и ясен. И чего я тогда практиковался в остановке мыслей? Лучше бы попрактиковался в такой тусклый, давящий день, как сегодня. И чего мне сейчас больше хочется: опустошенности или переполненности? Дневников и записей я не веду, пока мне удастся удерживать в голове планы, задумки, афоризмы и эпитафии.

Мне кажется, что мысли пропитывают всё вокруг. Даже камни умеют мыслить и чувствовать. Камень только пока спит, но настанет время проснуться – и камень, как и его маленькие и многотонные собратья, восстанет, умоет своё лицо в водах родников и морей, плотно позавтракает, и задумается. Надеюсь, что в таком случае, всё, что мы сейчас причисляем к живым организмам, окаменеет (заснёт), распределится по поверхности земли и... Вот тут-то камням раздолье! Сколько причудливых фигурок, сколько разнообразия: вот под деревом лежит пушистый рыжий камень – бельчонок, а вон там, где зеленеют луга (растительный мир не окаменеет, так как это было бы обидно уже живым камням), стоит стадо белых валунов-овец. Если бы проснувшиеся камни начали говорить членораздельно, научились бы рисовать (наскальные рисунки они, конечно, делать не

будут), то они бы обязательно создали мифы о том, как провинившийся перед каменными богами Камень обречен навечно поднимать в гору огромного и тяжелого Сизифа, который бы постоянно скатывался, как только Камень докатит его до вершины горы; как приковали провинившуюся перед каменными богами Скалу к Прометею; как... Но слава каменным богам! Они оказались мудрее богов докаменной эпохи. Они сделали так, что камни не могут провиниться перед ними! Говорить и писать камни не могут, общаться между собой – тоже... Даже их самостоятельное передвижение невозможно. Как тут согрешить? Разве что в своих мыслях, хотя о чем порочном может камень подумать?! Семь смертных грехов и десять заповедей никогда ими не нарушались... Век у камня долг – чего только он не обдумает, не передумает за свои миллионы лет. Сколько он поймет, сколько не поймёт... И человека в него никто не кинет – он без греха. И распинать камень незачем. И сам он себе вечный памятник и надгробие.

Хех, белка... Не смотри на меня, пошла! И вот она нервно вскочила на ствол, будто потухающий огонек, перепрыгнула с ветки на облысевший от осени клён. Под ним стояла довольно примитивная скамейка – что-то вроде широкой зеленой табуретки. На нее я и присел.

Тучи настолько пожирнели, что, несомненно, должен был начаться дождь. Зонт я с собой никогда не беру, так как непременно его потеряю. Мимо прошла девочка, тоже без зонта, но с футляром для скрипки в руках. Описывать ее не буду. О ней я хотел знать только одно: сама ли она потянулась к смычку, или выполняет родительскую волю. А потом подумал, что какая разница. Уже были и Паганини, и Чайковский, и Шнитке, они написали такие концерты для скрипки, что слышалось в них это всеобъемлющее слово «Ом». Конечно, зависит это не только от композитора, но и от исполнителя. Вот последние нам и нужны. Уже всё есть, только исполнить некому...

Когда ты сидишь на скамейке под дождем, то думаешь не о скрипке, это точно. И скрипачка уже не скрипачка, а далекая точка. А точка мне понятна и никаких вопросов не вызывает. Хотя нет. Точка – символ «конца». Атеист любит точку, а хороший человек – многоточие...

«Сидя на красивом холме, я часто вижу сны, и вот, что кажется мне...», — промычал я. Начался дождь. Невидимая рука тискала тучи за бока, они хохотали, слезились, но вскоре улетели. Я промок не так сильно как клен — у меня была газета, под которой я прятался от дождя. Она мне была зачем-то нужна. Пригодилась. Я скомкал промокшую газету и решил бросить её в урну. В урне была картонная коробка из-под сока, несколько окурков и компакт-диск. Я неосознанно потянулся за ним. На белом фоне обложки была только одна буква «М». Обратная сторона коробки была просто черная. Что значит эта буква? Нужно скорее узнать. Я швырнул газету в урну и побежал домой.

Я пытался бежать, но ноги не слушались меня, они будто окаменели. Я бежал со скоростью черепахи. Лучше бы я шел спокойно, тогда бы добрался до дома скорее. «Хоть бы ветер мне в спину подул», — крикнул я. Ветер меня не послушался, и правильно сделал. Я был изнурен, ослаблен... Я бежал очень долго. Бежал, плёлся, бежал... Осенние деревья сливались с однотипными четырехэтажными домами. Во дворах между перекладинами были развешены веревки со скачущим бельем (почему его не сняли, ведь был дождь?!) и стояли турники, на которых упражнялись коврики-гимнасты. Всё это медленно текло вокруг. Из-за моей близорукости казалось, что окружающий мир был нарисован акварельными красками. И ни одного человека, ни одной... о, — грачи!

«Чего этот человек так медленно бежит, да еще смотрит по сторонам?», — наверное подумали грачи.

— Эй, ребята! Помогите бедняге добежать до его дома, — сказал грач. Два молодых грача с огромными клювами подлетели к человеку, схватили его за плечи и подняли в воздух. Человек принял форму креста с компакт-дисксом в левой руке.

«Как я здесь оказался?», — подумал я. Здесь, то есть у себя в комнате. Почему у меня накурено, как у Шерлока Холмса? Белый дым клубился из щели между кухонной дверью и полом. В моей комнате был туман, нет, это был дым. Кровать была застлана одеялом из клубов дыма. Я лег и укрылся им. Нет, спать я не хотел, только отдохнуть. У меня ныла спина и болели плечи. И совсем не до искусства, когда что-нибудь болит. Вот все люди заболели и никому не нужны ни картины, ни фильмы, ни книги, ни музыка. При мигрени, например, ничего не надо, и на все плевать...

Тут я вспомнил, про диск из урны. Для этого я здесь. Но вставать не хотелось, и не на чем было его прослушать, у меня, кроме старого телевизора и холодильника, не водилось другой техники. Минимализм. Зато восстание машин меня не коснется. Но диск послушать надо. У моего соседа снизу постоянно играет музыка, да и не то, чтобы музыка, а так – упорядоченные звуки. Не то, чтобы я был с ним знаком, нет, мы даже не здоровались, но я о нем много думал. Как только я решал помедитировать, он включал особенно раздражающую меня музыку. Я прерывал занятия и, разгневанный, шел смотреть телевизор. Но телевизор рябил, визжал, изображение на экране скакало. Я его выключал и злой ложился спать. Соседу я никогда не жаловался, ни слова не сказал. Но сегодня настал момент ему отомстить. Недавно я хотел поменять бельевые верёвки на балконе, купил 20 метров прочной веревки. Предобеденное солнце взглянуло в мои глаза. Я вскочил с кровати. Достал смотанную веревку, (на балконе у меня такой стеллаж с инструментами и прочими вещами, как и у всех на балконах) привязал её к балконной раме. Я решил спуститься по веревке, так как сейчас он на работе и дверь мне вряд ли откроет. Еще я пожалел о том, что купил такую тонкую веревку. Компакт-диск я засунул в карман и стал спускаться. Как больно было рукам. Я с трудом забрался на соседский балкон, разбив стекла ногой. Наконец, впервые за 12 лет, я навестил моего соседа. Осколки стекла хрустели у меня под ногами, я шел вглубь. В его комнате не было пустынно. Как я и ожидал, здесь валялись бутылки из-под вина, а в углу стояла рядами целая армия пивных бутылок. На кровати лежали собрания сочинений Достоевского и Гёте. Никаких других предметов я не обнаружил. Как же он слушал музыку? Ни колонок, ни проигрывателя... Получается, что музыка играла этажом ниже! Бедный мой сосед! Он мучился больше, чем я, и мне совестно теперь осознавать, что мой сосед не подлец. А по факту он человек, заслуживающий сострадания, поддержки, а не балкона с осколками стекла. Я собрался с силами и полез по веревке вниз. Она свисала до самой земли. Забыл сказать, что жил я на четвертом этаже. Так я залез на балкон второго этажа и притаился за закрытой балконной дверью. Через нее я взглянул в комнату. Там обстановка была побогаче, чем на третьем этаже. Насколько я понял, в комнате шло собрание. Голосов я не слышал, так как дверь балкона не

пропускала ни звука. Но меня поразила одна женщина. У неё было обворожительное лицо, одновременно внушающее чувство опасения. Люди столпились вокруг нее. Мне кажется, она и была хозяйкой квартиры. Ей дали большой газетный свёрток. Повертев им перед другим человеком, она с гордостью бросила свёрток в камин. Его объяло пламя. Люди стали суматошно бегать по комнате, женщины – завизжали. А один господин упал в обморок. Мне наскучили все эти люди. Я посмотрел на свои руки – ладони покраснели и покрылись волдырями; подумал: а вдруг кто-нибудь из них выйдет на балкон покурить или просто подышать воздухом. И вообще я здесь вряд ли смогу прослушать диск. Полез вниз... Как больно было спускаться. До того невыносимую боль я почувствовал, что отпустил верёвку. Благо лететь предстояло всего лишь один этаж. Я упал.

Да-да, я оказался в больнице. Белые противные палаты, белые противные кровати... Да еще близорукость моя делает все монотонным. Хотя зачем я вру про кровати и палаты? Всё, что я мог видеть – это потолок. Он потрескался: наверное наверху находится туалет и подтапливает мою палату. А нет ли на тумбочке букета цветов или огромных блестящих апельсинов? Ну-ка, поверну голову.

Не получилось, как я ни старался. «Посмотрел бы ты, приятель, на себя со стороны», – вспомнилась мне строчка. А, может, кто-нибудь есть рядом?

– Я здесь! Слышите меня?!

Себя я себя не услышал. Никто не подошел. Губами пошевелить невозможно. Хотя нет... шевелятся... Сейчас попробую еще.

– Я дддсь... Пмгте...

Противны мне эти сцены, где я беспомощен. Оказалось так, что я лежу в больнице почти две недели. Позвоночник поврежден, несколько переломчиков. Серьезно упал, ничего не скажешь. А все из-за чего? Диск хотел послушать с этой долбанной буквой «М». А всё это из-за дождя. С тех пор я возненавидел дождь. Костыли мои мне не нравятся. Грубо сделаны. Кто делает костыли, слушай! Ты же догадываешься, что для определенного разряда людей эти костыли необходимы. И этот, так сказать, разряд не меньше любит красоту, аккуратность, чистоту, чем обыкновенные люди. Хоть бы лаком покрыл. А диск мне выдали вместе с одеждой, когда отвозили из больницы домой! «М» себе спину не

повредил! Я положил его на стол, возле которого лежал на кровати (да, той самой, где был дым). Я очень хотел уничтожить «М». Но еще больше хотел его послушать. Несколько дней я выбирал, что с ним сделаю. И когда ко мне пришла медсестра, я попросил ее телефон. Не в смысле ее номер телефона, а сам телефон. Она не сопротивлялась. Позвонил старому другу и рассказал ему о моем положении. Мой друг пообещал приехать на следующий день. Я так ждал его приезда, что не спал всю ночь. О чем только не думал.

Друг пришел утром. Кто ходит в гости по утрам... Он рассказал мне, а я ему очевидные вещи. Спросил, нет ли у него проигрывателя дисков. Он ответил, что есть, на время может дать мне его.

Вечером он ЕГО принес. Как я ждал! И вот эта штука стоит у меня на столе. Все готово. «М» тоже. Ну вот, я могу сделать то, за что так серьезно пострадал. Пуск.

Полилась музыка. Я был уверен, что автора у нее нет. Не может человек придумать такое произведение. И сыграть его не сможет ни один виртуозный музыкант. Я перестал ненавидеть дождь, белку, урну, газету, костыли, себя. Как описать то, что слышал? Полное, бесконечное, удивительное, простое.

Солнце заглянуло мне в окно. Когда его лучи дотронулись до моего тела, я превратился в камень с высеченной на нём буквой «М».

Олег БОНДАРЕНКО

ОГНИ ИССЫК-КУЛЯ

Рассказ

Витя относился к тем людям, о которых в народе говорят – раздолбай. Он и сам это понимал, и переживал сильно. Пьяница – но совестливый, пил и ему было стыдно – по крайней мере, на следующий день. «Да, я выпил вчера, – грустно говорил он сам себе и тому, кто оказывался рядом. – Напился, как всегда! Ну, вот такой я раздолбай!..»

Ему ужасно хотелось перестать пить и заняться делом. И иногда это удавалось. Бывали дни, когда он намеренно придерживался трезвости (то есть не пил практически ничего, разве что грамм сто-сто пятьдесят вечером), и даже выполнял кое-какую работу по дому или на стороне. Это его радовало, и он решал: «Буду вот так жить!» Решительности хватало на неделю или на две, а один раз – даже на три месяца. Руки у Вити были золотые. По специальности он был строителем, и чем только не занимался – и кладкой, и отделкой, и проводкой, и (бывало) сантехникой.

Ещё он был добряком. Дети на улице его любили, кошки подставляли уши, чтобы он чесал. Пьянки ему прощали, потому что он не сильно буянил и всегда стыдился на следующее утро. Марина – толстенная, необъятная Марина, с которой он жил, – тоже на него не могла долго сердиться, и в дни, когда он решал изменить судьбу, заставляла его надевать старые и ещё приличные костюмы, особенно если он шёл устраиваться на работу в очередную строительную фирму. Она следила, чтобы Витя по-человечески выглядел. Но когда воздержание лопалось, как мыль-

ный пузырь, Виктор напивался, падал в арык, пачкал выданную подругой одежду, Марина, плача и ругаясь, била его.

«Ну, дурак я, дурак и раздолбай! – убивался на другой день Витя и рвал на себе редкие волосы. – Ну что ты со мной сделаешь!..» Марина эти его стенания не хотела и слушать.

А выглядел Виктор так: с лысиной на макушке, невысокий, полноватый (хотя и поизящней своей необъятной Марины), не хилый и – здоровьем ничего. Всё бы хорошо, если бы только не пил. Да, ещё у него были усталые, но порой шаловливые глаза и маленькие усики, из-за чего плотное лицо смотрелось добродушно.

Однажды Витя напился так гадко, что Марина не выдержала и выставила его совсем. Это не было для него неожиданностью. Он дал себе очередной зарок воздержания, взял себя в руки и рванул из Бишкека, где жил, на Иссык-Куль, потому что был летний период, и мужики из бригады позвали его шабашить, и ещё он хотел самоутвердиться и доказать Марине, что он далеко не конченный человек.

Мужики-шабашники обитали в облезлом строительном вагончике в районе села Долинка, поблизости от места проведения работ. А работа их заключалась в том, что они делали пристройку к дому одному важному бешбармачнику, который смотрел на всех людей сверху вниз. Из достоверных источников Витя узнал, что бешбармачник служил в таможене, но для окружающих считалось, что он как будто бизнесмен, и поэтому дом должен был выглядеть солидно и по-деловому – с зубчатой башенкой. Вот эту самую башенку ребята и возводили, и Витя вместе с ними.

По окончании строительства планировалось, что с башни откроется великолепный вид на Иссык-Куль.

Вкалывать приходилось каждый день – дай Боже! Вставали часов в семь утра; умывались в озере, глотали на ходу яичницу и спешили на объект. Обедали в столовой, за счёт заказчика; хоть это хорошо! Потом опять работали и работали, торопясь, понукаемые хозяином, и лишь поздно вечером сами себе устраивали холостяцкий ужин. Не пили, во всяком случае, почти не пили. В это трудно поверить, но у мужиков существовали свои

понятия о «чести шабашника», да и было в этом рациональное зерно – если не пьёшь, то на следующий день и не похмеляешься, и в запой не уходишь. Так что не глупые были мужики!

Очень старались поспеть к сроку и нормально сдать объект.

Несмотря на дисциплину и самодисциплину, на самом деле ребята не чувствовали себя сильно зависимыми и уж тем паче не считали себя чьими-то рабами. Иногда они свободно покидали стройку – по совести, конечно, согласовав с напарниками, если надо было в посёлке дело какое сделать или что там ещё. Но коллег не подводили, вскоре возвращались обратно и вновь брались за мастерок. Просто свободными они были, и душа иногда требовала простора. Что, впрочем, не особо отражалось на общих темпах проведения работ.

Вот так, выйдя однажды днём в посёлок – курортное село Долинка такое огромное и так много там пансионатов и домов отдыха, что его и селом-то называть неудобно, – Витя встретил Айнагуль.

Айнагуль сидела на стуле, под деревьями, у самой трассы – через Долинку проходит дорога по северному побережью Иссык-Куля – и продавала абрикосы. Абрикосы были в вёдрах, стояли они, по бишкекским меркам, совсем пустяк, почти задаром, и проносящиеся по трассе автомобили нет-нет, да и притормаживали; проезжающим дамам очень хотелось, приехав домой, сварить из них вкусное варенье.

Витя вразвалочку направился к Айнагуль. Как раз в этот самый момент рядом, на обочине, остановилась летевшая куда-то иномарка, из неё вылез отдыхающий в шортах, хлопнул дверью и куда-то свалил – может, в комок неподалёку или в расположенный тут же, неподалеку сортир. Витёк, не обращая внимания на подъехавшего, поинтересовался:

– Абрикосы – чё стоят?

Девушка подняла лицо и, глядя куда-то поверх Виктора, назвала цену.

– А чё, дешевле не будет?..

Мимо по трассе промчалось несколько машин, обдав и Витю, и киргизскую девушку волной горячего воздуха.

– Дешевле не могу, байке... Берите, вкусные!..

Витя не тронулся с места, разглядывая Айнагуль. Ему понравилось её лицо – по-детски нежное, свежее, чистое; и не очень-то и загорелое, будто и не сидела красавица целый день под жарким иссык-кульским солнцем.

Но что-то в девушке было не так. Понаблюдав за ней, он сообразил – девушка, наверное, слепая.

Это его сильно озадачило и, скажем так, в груди его что-то шевельнулось.

– А что, много у вас покупают? – спросил он, сменив тон на более мягкий.

– Не-а... Сегодня почти ничего не продала... Они все проносятся мимо и мимо. Хи! – девушка почему-то хихикнула, но не как дурочка, ласково, доброжелательно так, и свет заиграл на её лице.

Витя был сражён этим «хи» и понял, что уйти просто так отсюда он уже не в состоянии.

– А Вы из России или из Казахстана? – поинтересовалась девушка. Говорила она по-русски совсем без акцента, и только лёгкая-лёгкая, едва уловимая манера специфически произносить некоторые гласные звуки, присущая молодым киргизкам из села, выдавала, что русский язык вовсе не является для неё родным.

– Я... Э-э... Из Москвы, – соврал Витя. – В отпуск приехал. Давно хотел ваше замечательное озеро посмотреть.

– Ну как, нравится? – девушка была как ласточка, тонкая и прекрасная.

– Ещё бы... И озеро – чудо и люди у вас тут замечательные!

Девушка, казалось, была польщена.

– А у нас и абрикосы вкусные. Самые-самые вкусные здесь, в Долинке! – в девушке, видимо, разыгралась предприимчивая жилка. – В Москве таких не найдёшь! У нас всё своё, из своего сада, и химикаты мы не применяем!

Витя почувствовал, что обязан купить ведро абрикосов. Он принялся лихорадочно копать в почти пустом кармане.

– Вы меня извините... Наверное, вы не очень хорошо видите? А вдруг кто-нибудь из покупателей захочет вас... э-э... обмануть? – задал он бестактный и, в общем, идиотский вопрос.

– Меня никто не обманывает, – просто сказала девушка. –

Я, правда, ничего не вижу, такой родилась. Но мне все помогают, и братья меня любят, – при этих словах Витя замотал головой, стараясь обнаружить поблизости братьев, но не увидел никого, кроме автомобилистов, с шумом проносящихся в своих машинах в пяти-шести метрах от них. – Я деньги на ощупь различаю! – и девушка звонко рассмеялась, давая понять, как она знает и любит этот мир.

– Я у вас возьму вот это ведёрко. Надо же такую красавицу поддержать, – Витя с облегчением извлёк на свет мятую купюру, завалывшуюся в одном из бесчисленных карманов старых, потрёпанных жизнью джинсов. – Раз у вас самые лучшие абрикосы, то как же можно их не попробовать!.. Вот это ведро... – Он с опаской взглянул на девушку – мол, как она, будучи слепой, будет насыпать ему урюк? Но селянка без труда нащупала пластиковое ведро, выбранное Виктором, полиэтиленовый пакет из специально заготовленной пачки и пересыпала содержимое ведра в пакет. Витя бросился ей помогать.

– Ой, спасибо вам огромное, красавица... Что бы я без вас делал!

Девушка обнажила в улыбке ровные белые зубы.

– Вас зовут... – Витя выдержал паузу.

– Айнагуль. Меня зовут Айнагуль. А братья – Айнаш называют, – девушка опять прекрасней улыбнулась. – Это вам спасибо большое! Вы хороший человек! Добрый! Кушайте на здоровье!..

Вите показалось, что он сейчас потеряет сознание.

В этот момент хлопнула дверь автомобиля, стоявшего совсем рядом от них, – автомобиля, чей хозяин в шортах отлучался не то в комок, не то в сортир. Машина тронулась с места и набрала скорость; Айнагуль обернулась в её сторону и приветливо взмахнула рукой. Она всё ещё улыбалась.

Витёк не сразу понял, что произошло, а когда понял, постарался как можно тише убраться отсюда с пакетом абрикосов, выбирая моменты, когда машины с рёвом проносились по трассе, – ведь говорят, что у слепых великолепно развит слух. Ему вовсе не хотелось теперь, после отъезда иномарки, попасть в неловкое положение. Раз девушка считает, что он уехал – значит, уехал.

Чуть пьяными шагами он направился в сторону своих.

Жарко припекало солнце.

Большую часть ночи Витя не спал. Абрикосы, кроме него, почти никто из мужиков есть не захотел, поэтому Витя уплетал их, сколько мог, и всё время думал про Айнаш. Она почему-то казалась ему солнечным зайчиком.

Под утро Витя точно знал, что никогда не возьмёт в рот водку.

Назавтра Витя снова отпросился у бригады – незадолго до обеда – и пошёл на то же самое место. Он шёл и волновался, что не застанет Айнаш. Но слепая девушка сидела там же, где и вчера, в тени тополей, и машины по-прежнему с шумом и пылью равнодушно пронеслись мимо.

Подходя, Витя специально купил в комке маленькую, но прохладную бутылку кока-колы. Он встретил Айнагуль, как старую знакомую.

Девушка узнала его, и они разговорились. Витя начал с того, что сообщил, что возвращается с пляжа, что он хорошо отдохнул с утра и даже загорел, и что взял с собой на всякий случай холодную кока-колу, которую так и не открыл – но с удовольствием угощает Айнагуль. Девушка выслушала его благожелательно, но от напитка наотрез отказалась. Витя попробовал упорствовать, однако зря. Айнаш из каких-то высших принципов не желала принимать лимонад от незнакомца.

Разговор с девушкой – как-то само собой получилось – занял целых полчаса. А может, и больше?.. Витя совсем потерял счёт времени. Он спросил: а что, вы совсем одна вот так продаёте абрикосы на дороге? А где ваши братья, родители? Родителей нет, – ответила девушка, они давно умерли, но братья заботятся обо мне. У меня несколько братьев. Один сейчас в саду, один в Сибири на заработках, один, м-м... Ну, это не важно... Да... Ну, и ещё один работает в пансионате, он повар. И потом, мне не трудно продавать фрукты приезжим, я занята делом, и меня не обижают, наоборот, многие проезжающие стремятся мне помочь. (Насчёт последнего заявления Айнагуль у Виктора сложилось своё мнение, ибо за всё время разговора ни одна машина не остановилась у вёдер с абрикосами).

– А, простите, что у вас с глазами? Вы говорите, так было всегда?

– Да, я ничего не вижу от рождения, у меня плёночка на глазах, и доктора говорят, что её можно попробовать удалить, но это стоит дорого, и семья не может позволить себе такую операцию – особенно после смерти папы и мамы.

– Разве братья не в состоянии помочь вам?..

– Они очень любят меня... Они хорошие... Но вы не знаете, у нас в Долинке тяжело, на самом деле денег едва хватает, и из-за революций в Бишкеке народу сейчас меньше стало ездить на Иссык-Куль... Скоро, очень скоро отдыхающие опять начнут приезжать на озеро, и тогда братья помогут мне оплатить операцию.

– Вы классно говорите по-русски. Это ведь... не из школы?..

– Мой папа был учитель русского, и потом у нас все в Долинке по-русски говорят. А вы? Вот вы – как живёте в Москве? У вас есть жена, дети? Вашим детям нравится Иссык-Куль?..

– Ну... Как сказать... В общем, я в этом году один отдыхать приехал. У жены свой бизнес в Москве, дети, знаете ли, учатся в Швейцарии, их не выманишь домой даже на каникулы.

– А вы сами были в Швейцарии? У нас говорят, что Кыргызстан – это вторая Швейцария.

– Да... Пожалуй... Хорошая страна, раз в ней живут такие люди... В Швейцарии я бываю каждое лето, пардон, каждую зиму (на лыжах катаюсь), но в Кыргызстане мне нравится куда больше...

– Ах, как это интересно – увидеть мир!.. Наверное, мне это тоже удастся когда-нибудь...

– А у вас, между прочим, действительно очень вкусные абрикосы оказались... Я – представляете! – вчера всё ведро один съел! И зашёл к вам, думал, может, ещё купить...

– Спасибо вам. Вы добрый, очень добрый человек. Да может вам Аллах! Спасибо за покупку...

Тут Виктор расплатился с девушкой (занял у ребят немного денег под зарплату) и, важно попрощавшись, удалился с покупкой восвояси. Отойдя подальше, он обернулся и долго смотрел на девушку по имени Айнаш.

Да. И ещё перед тем, как уходить, он таки уговорил её взять непечатую бутылку кока-колы. Стоя поодаль, с замиранием сер-

дца смотрел, как она – красивыми, изящными движениями – сняла пробку и пьёт напиток, утоляя жажду в жаркий день.

Все последующие дни Виктор приходил к девушке и покупал у неё каждый раз абрикосы. Бригада крыла его матом, поскольку от абрикосов в вагончике вскоре проходу не стало; они портились, съесть их все было делом нереальным. Да и, кроме того, мужики начали ворчать на Витю за его ежедневные отлучки. Хочешь работать – работай! А так, чтоб каждый день где-то гулять, – ни-ни... Витёк всё понимал, он страдал, переживал, ему было стыдно. Он каждый день собирался было объяснить с ребятами, завязать. Но по ночам ему снился солнечный зайчик, и жизнь его наполнялась невиданным ранее светом.

Идея достать девушке деньги на операцию родилась как-то сама собой. Витя даже не думал об этом, просто в один прекрасный день он понял, что это необходимо. Приближался конец августа. Отдыхающие в массовом порядке собирались отъезжать домой, пляжи Иссык-Куля пустели. Айнагуль сама заводила речь с Витей о том, что он вскоре уедет, потому что у него работа в Москве, и надо поскорей встретиться дома с супругой, по которой Витя, без сомнения, скучает. Витя поддакивал, и ему совершенно не хотелось уезжать. С другой стороны, обострились отношения в бригаде, да и с самим нанимателем – в подробности вдаваться не будем; казалось, вот-вот случится то, что в народе называют «колхозный вариант» – это когда за сделанную работу деньги хозяин так и не платит, обещая – «завтра, завтра, завтра».

Вите по-своему везло – он ни разу за всё время пребывания в Долинке не встречался с братьями Айнагуль. Именно поэтому ему так долго удавалось выдавать себя за преуспевающего москвича, приехавшего сюда, на юг, пресытившись всем остальным миром.

Но всему на свете приходит конец.

В последний день августа бригадир сильно разругался с заказчиком – тем хозяином-бешбармачником, который работал в

таможне. Случилась ругачка и в самой бригаде, мужики понимали, что кому-то из них придётся уйти. Объект близился к сдаче, но чем ближе, тем больше нерешённых вопросов оставалось. И часто – всё чаще – крайним оказывался Виктор. Он, в принципе, мог бы попробовать сгладить ситуацию, разрядить обстановку, но – странное дело! – ему этого не хотелось. Казалось, он «отбил от рук», и думал в последнее время о чём угодно, только не о работе.

Как-то Виктор зашёл в жилые комнаты заказчика – ведь строящаяся башня примыкала к основному дому. В этой части здания сейчас никого не было. Внимание Вити привлекла роскошная шкура белого барса на стене в одной из комнат. Он видел эту шкуру и раньше. Она красивая. Но никак не трогала его; подумаешь! – барс, эка невидаль. Сейчас, однако, Витя уставился на неё, и в его голове что-то такое зашевелилось.

Наверное, это был минутный порыв. Если разобраться, он мог бы получить расчёт в бригаде – потенциально, не сегодня, не сейчас, а когда будут улажены все споры и разборки. Но только что бригадир в сердцах кричал ему, что он, Витёк, хрен что получит! И потом в душе оставалась обида на бешбармачника и его отвратительную манеру обращения с рабочими людьми.

Витя аккуратно снял шкуру со стены, расстелил на полу, немного полюбовался. Оценил. Вопрос был в том, как её упаковать и вынести – так, чтобы никто не заметил.

Не зря Виктора считали человеком со сметкой – хотя и раздолбаем... Тщательно уложив шкуру на дно огромной «челночной» сумки, полинялой и выцветшей, Витя покинул помещение и очень скоро стоял на трассе, тормозя транспорт, проносившийся на запад, в Бишкек. С Айнаш он решил: ради предосторожности – не прощаться. Да и зачем? Всё равно через день-два он вернётся и привезёт ей деньги. Много денег. На операцию хватит!

Автобусы никак не хотели останавливаться, видя простого работягу с сумкой. Витя уже стал побаиваться, что его быстро вычислят и нагонят. Но тут, на его радость, возле него остановился дальнбойщик на тяжёлом грузовом «Мерседесе»; водила признал в Витьке «своего», и вопрос с отбытием был решён в два счёта.

В Бишкеке он покаялся перед Мариной (надо же было где-то переночевать!) и тем же вечером пошёл «перебазарить» со знакомым с Ошского рынка, сомнительные дела которого были общеизвестны. Торговались. Долго. Ударили в конце концов по рукам. Витёк договорился, что завтра получит на руки обещанные деньги – целых тысячу «баксов»; а надо сказать, что охота на снежного барса в Кыргызстане запрещена, поскольку зверь занесен в Красную книгу, и продажа шкуры его (для последующего вывоза из страны) расценивается как контрабанда. Уже одно это согрело душу Витька, ибо он смутно надеялся, что таможенник не станет официально поднимать шум, чтобы самому не нажать себе неприятностей.

Кстати, за границей шкура снежного барса стоит таких больших денег, что Витя даже не мог представить, каких. Но что ему думать о том, как там у них, в Швейцарии...

В тот же вечер он немного выпил – ну, так, за удачную сделку.

Один, два, три, четыре, пять, шесть, семь, восемь, девять, десять... Десять сотенных бумажек с изображением Франклина легли в карман Витька, и на сердце стало спокойно.

...Айнаш, как всегда, сидела на солнышке, в тени тополей и ждала проезжающие машины. Только мало было уже машин и никто не хотел останавливаться.

Витёк подъехал на такси – честно говоря, ради понта. Не мог же он, в самом деле, будучи богатеньким отдыхающим из Москвы, придти на последнюю встречу пешком. Иначе Айнаш – упаси Бог! – что-нибудь бы да заподозрила... Деньги на такси у него были из последних; оставалось ещё только на билет до Бишкека, где, как он надеялся, можно будет затеряться и хоть какое-то время не встречаться с ребятами из бригады. А то, глядишь, и морду набьют!

Айнагуль услышала его издалека. Как она поняла, что едет

именно он? Она встала. Волнуясь, подошла к дороге. Виктор вышел из такси («Слышь, братан, подожди пять минут, сейчас обратно на автовокзал поедем»), стал перед слепой девушкой. Где вы были? – Ну, так... Дела кой-какие, бизнес, понимаешь ли... – Вы уезжаете? Совсем? – Мне придётся, ты же знаешь... Помолчали. – Я, это, ну как бы сказать, вот помочь хотел немного... Тут вот деньги – ну как бы за все фрукты, что будут ещё, там должно хватить на операцию. – Операцию?! – Операцию... А денег тут хватит. Ты будешь видеть.

Я не могу взять у вас эти деньги! – Айнаш, пойми... Это, будем считать, прибыль от моей операции с фруктами. У меня, знаешь, сколько ещё денег осталось! Ого-го!.. А это – так, типа маленький презент, в благодарность за общение, за то, что ты такая прекрасная девушка... Прямо как солнечный зайчик...

Молчание.

– Я не могу взять.

– Айнаш! – Виктор злится. – Мне надо уезжать! Вон машина ждёт! Короче, это только на операцию, больше ни на что. Если хочешь, давай договоримся: я приеду на следующий год, и ты мне отдашь, будешь здоровая, зрячая, заработаешь – и отдашь все эти деньги. Договорились? Пусть это я тебе как бы в долг даю. Договорились? В долг взять можно! Никто никому не обязан – ни я тебе, ни ты мне!

Молчание. Она держит в руках деньги.

– Это не сомы... Сомы на ощупь не такие... Это русские рубли?

– Нет, доллары. Эй, братан, не нервничай, сейчас поедем! Слышишь, Айнаш, мне пора ехать! Айнаш, Айнаш, что с тобой! Не молчи!

Она смотрит на него невидящими глазами, тянется к нему лицом. Хочет почувствовать его образ? Запечатлеть? Он также смотрит на неё. Может быть, прикоснётся... Ну что ты, братан! Я же сказал – едем! Айнаш, мне пора. Ну, не переживай. Всё будет хорошо. Передавай привет братьям.

Его взяли на автовокзале, куда заехали с таксистом перекусить. Просто милиционер подошёл и попросил показать пас-

порт; а паспорта-то и нету! В отделении долго выясняли – кто и откуда. Потом дежурный звонил куда-то и, обрадованный, сообщил, что «задержал того самого»...

Вскоре приехал таможенник со своими людьми (хорошо, хоть ребят из бригады не было). Громко что-то кричал, что-то требовал. Витя плохо понимал, что происходит. В конце концов он уразумел, что есть заявление, будто он украл в доме у таможенника десять тысяч долларов. «Чего-чего?..» – испуганно пролепетал он. «Деньги где, сволочь?! Мы таких, как ты, знаешь, сколько переломали! Деньги возвращай!!!»

Витю били. По почкам. Сломали нос. Витя плакал. Его потом долго лечили в тюремном лазарете.

...Они с друзьями целый день пили. Грязные, вонючие, устроились на пляже в дикой зоне – и пили. Хорошо ещё, что сезон уже кончился. Ментов нет. Отдыхающих нет. Можно расслабиться. Водочки попить. Только, блин, денег, как всегда, не хватает...

Заросший, в драной одежде, Виктор сидел с друзьями на песке и заливал им про то, как катался в Швейцарии на лыжах на зимнем курорте. Ему, понятное дело, не верили. Витёк кипятился, доказывал, что у него когда-то был бизнес в Москве, и съездить в Европу – ему было раз плюнуть.

В конце концов стемнело.

Бомжи решили сложиться и наскрести хоть на самую дешёвую бутылочку. Долго считали и пересчитывали мелочь. Потом бросили жребий – кому идти за водкой. Выпало Вите. Он встал и, чертыхаясь (всё тело болело!), побрёл по песку и через прибрежные заросли в ближайший магазинчик.

Уже почти в полной темноте он вышел на дорожку, ведущую к дальним сельским домикам. За спиной блестел Иссык-Куль. Видны были – если обернуться – блики от луны на волнах и множество огней на том берегу залива, отражавшихся в воде. Там шла сплошная череда пансионатов. Но Витёк не стал оборачиваться. Он и так слишком многое видел в жизни.

Вскоре на окраине села показался магазинчик. Это было что-то типа павильончика, заходить внутрь не нужно, прилавок выходил прямо на улицу, возле него топталась пара пацанов, выпрашивая у продавщицы сигареты. Продавщица была одна, и её силуэт хорошо просматривался на фоне заставленных, ярко освещенных полок с нехитрой бакалеей и спиртным. Продавщица что-то сказала пацанам, и тех как ветром сдуло.

Витёк, хромая, подошёл к магазинчику, зажав в руке заветные сомы, собранные его друзьями. Осмотрелся, разглядывая мутным взором бутылки за прилавком; продавщица меж тем отвернулась, что-то записывая в журнале учёта покупок.

– Я Вас слушаю! – внезапно сказала она, выпрямившись и поворачиваясь лицом к новому покупателю.

Некоторое время Витя тупо смотрел ей в глаза. Она, в свою очередь, смотрела на него – терпеливо, без всякого презрения, без важности, без злости.

Она смотрела на него.

Она видела его.

И в её глазах играли солнечные зайчики.

Хмель медленно сходил с Витька. Начиная соображать, он молча топтался у прилавка, не решаясь произнести ни слова. В его вмиг вспотевших ладонях всё ещё были зажаты несколько грязных, ветхих купюр.

– Я Вас слушаю, – тихо повторила девушка, и тут Витёк развернулся и побежал.

Он бежал прочь, страхась оглянуться назад, бежал туда, откуда пришёл, – по направлению к Иссык-Кулю, бежал в темноте, и ветки деревьев хлестали его по неумытой, замызганной физиономии.

Деньги мешали ему, и он даже не знал, где и когда они выпали из рук – может быть, тогда, когда он пытался защититься от ветвей, от кустов, от всей налившейся грозой атмосферы.

Наконец он выбежал на песок. Он был один на этом безмолвном пляже, и перед ним чёрным, безбрежным пятном расстилась вода.

Витёк сел, задыхаясь, и закрыл лицо руками. Он так сидел и сидел, ни о чём не думая; он просто пытался унять дрожь в руках и дрожь в сердце.

Наконец он медленно поднял голову. Перед ним был Ис-

сык-Куль. Лунная дорожка по-прежнему тихо отсвечивала на воде, отливая серебром; на той стороне залива по-прежнему сияли огни пансионатов, и их отражение в озере казалось загадочным и прекрасным. Где-то далеко на горизонте маячил одинокий огонёк какого-то крошечного судёнышка.

Витя сидел и смотрел на огни – будто увидел их впервые.

Май 2011 года, Бишкек

ПОЭЗИЯ

Дмитрий САГАЙДАК

Мы с тобой

Ты же знаешь, я буду смеяться,
Мне теперь нет резона всерьез.
Твои сны мне по-прежнему снятся,
Здесь непросто живется без грез.

Ты так любишь болтать без разбора,
Обращать всю серьезность в игру.
Ты легко своротила бы горы,
Не сочтя это дело за труд.

Да, я мог стать другим, ну и что же?
Мне смешны королей типажи.
Мы с тобою так сильно похожи
В плане чувства вины за чужих.

Мы не ищем ответов, мы знаем
Все движения каменных лиц,
Прославляя себя, проклинаям
И от гордости падаем ниц.

Да, пожалуй, нам стоит учиться
Не жалеть, не искать, не прощать.
Мы – совсем не свободные птицы.
Но кого это может смущать?

Время уходит

Время уходит, а я остаюсь.
Мысли читаешь? А я не боюсь.
Злиться не нужно, я все еще прав:
В этом романе нет нескольких глав.

Брось беготню, я их сам допишу.
Хочешь грешить? Я с тобой согрешу.
Хочешь молиться – молись за других.
Линии сходятся плавно в круги.

Небо темнеет, а в мыслях – бедлам.
С вечера свет, темнота по утрам.
Холод, жара – перемены не в счет.
Жизнь повторится ещё и ещё.

Всё решено, просто нужно быстрее
Выбросить ключ от заветных дверей.
Мчись в неизвестность и спи на ходу.
Время уходит, а я подожду.

Вне реальности

Электронные мысли рушатся
От воздействия новых слов.
Вне реальности тихо кружатся
Цифровые миры основ.

Мне хотелось бы стать решительным
И оставить их жить в себе,
Но в молчании оглушительном
Я уснул, чтоб не ждать побед.

Рассуждаю о чем-то праведном
С неизвестными напрямик.

Мне завидно, а им всем – завидно,
Но не морщусь: уже привык.

Дело принципа, дело случая,
Жизнь – секунда, секунда – век.
Уповаю на «как получится»,
Тихий шаг переходит в бег.

В этих снах всё, давно решенное,
Обретает иной контекст.
Я иду через запрещенное
В измерение номер next.

Что-то будет. Уже отчетливо
Вижу новые времена.
Эх, мораль, укрывай заботливо
Всё, чем совесть моя черна!..

Поколение Ноль

Поколение Ноль с задымленных проспектов
Радость пьяного мозга течет через край.
Мудрость уличных драк знает не по конспектам.
Этот город весь твой, все, что есть – забирай.

Все оплачено кем-то – орудия к бою!
Вся уродливость нравов читается с лиц.
Вдохновенно сирены по улицам воют.
Дикость, тупость и жадность – протест без границ.

Здесь не важно, зачем, и не важно, откуда,
Здесь есть все, кроме совести, кроме ума.
Камень в руки и бей, человечья паскуда!
Королям закоулков не светит тюрьма.

Пополам, по полям, по башке, по асфальту...
Время «Ч» наступило – бесчинствуй, братва.

Город за день и ночь трижды делает сальто.
Поколению Ноль наплевать на слова.

Нектар

С помутневшим рассудком,
В бесконечном припадке
Мне которые сутки
Отвратительно сладко.

Упиваюсь нектаром,
Недопитым богами,
Отдавая задаром
Душу без покаяний.

Смесь нервозности с дымом,
Зло щекочущим ноздри,
Да, здесь нужно клин клином
Или чем-нибудь острым.

Здесь встречают, блестяще
Свою роль исполняя.
Ничего в мире слаще,
Чем нектар не бывает.

Так чего же мне нужно?
Отчего неуютно?
Ухожу неуклюже.
Вкусно. Злобно. Простудно...

Снежная ночь

Вбежал, ударился с разбега
В мечту небесной черноты.
Скольжу, укутываясь снегом,
И хорошо до дурноты!

Я даже знаю, что рискую,
Я даже знаю, что я псих,
Ведь здесь, возможно, обворуют,
Ведь этот город очень лих.

Но я бегу, держась за воздух,
Сквозь снег, сквозь ночь, сквозь фонари,
А где-то ждут и пишут в розыск –
Пусть лучше выйдут покурить!

Здесь проще чувствовать свободу,
Что так несложно потерять.
Собрать ее за нотой ноту
И срисовать потом в тетрадь.

Здесь всё подвешено на нити.
Я оборву их, но потом.
Уйдите! Я не местный житель,
И мне не нужен теплый дом!

Гореть или тлеть?

Потерянный рай или найденный ад:
Вокруг не смолкают, вокруг говорят.
Ты был безрассудно учтив и любезен,
Стремясь доказать всем,
что ты бесполезен.
Расшатаны нервы, уж лучше молчи,
Не то полыхнешь, и причин не ищи.
Лишь «нет» либо «да» на любые вопросы
Не сделаться психом проверенный способ.
Среди балагана кудахчущих лиц
Ты вновь все слова повторяешь на бис.
По швам затрещали картонные стены,
Шальные глаза, изо рта бьется пена.
Вновь призраки рыщут, срывая замки,
А грани сознания слишком тонки.

Пророчество начисто спуталось с ложью,
а вера в себя – с лихорадочной дрожью.
Не просишь, не молишься, но сознаешь,
Что жизнь свою просто в ничто отдаешь.
Но лучше уж тлеть, всех вокруг согревая,
Чем быстро сгореть, прогулявшись по краю.
Стремясь доказать всем свою бесполезность.

Бегущий

Я бегу, все на свете забыв,
И хочу обогнать целый свет.
В первый раз эту жизнь полюбив
За несчетное множество лет.
Удивляюсь себе самому.
Дай пожать тебе руку, пророк.
Я за резкость тебя не кляню,
Ты ведь тоже боец и игрок.
И я вновь открываю глаза,
Чтоб забыли они темноту,
Чтоб душа очищалась от зла
И прощала скупцам пустоту.
Ни поблажки, ни милость богов
Не подкупят, зато насмешат.
Я пройду через мнимых врагов,
Что устали себя искушать.
Только смелость даст силы бежать,
Чтоб открыть целый мир, чтоб успеть.
Я теперь могу твердо решать,
Я теперь обгону целый свет!

Алтынай ДЖУМАНАЗАРОВА

СТИХИ

Наши стори бесплодны и безупречно жестки:
Родовые травмы, звериные перекрестки.
Мы повязли в детских обидах, злых кривотолках,
Перемолоты, как зернышки в кофемолках.

Ну конечно: работа, друзья, какие-то планы...
Большинству невдомек, что внутри напалмом
Выжгли еще в самом раннем – мы есть пустыня,
И ничего за душой, лишь песок и имя.

Мы манкурты хэнд-мэйд, сами себе Прометеи,
Но орлы живут под ребром и клюют больше,
Чем те, что снаружи. Снаружи мы как из стали.
Мы мало живем, но чудовищнейше устали.

Наши стори не лав, тоскливы, до боли схожи:
Ждем, что поглядят, а получаем по роже,
Нас грубо мешают с кровью, землей и водкой.
Но каждая строит себе для побега лодку.

*

у меня только цели, амбиции и металл.
не такую хотел, не меня искал -
его жизнь достаточно нелегка.
ему хочется нежности, хлеба и молока,
тыла, теплых тапок, домашних зверей -

я же стыну всё глубже, и грей - не грей,
злей и равнодушной - больше ничего.
что могу ему дать, кроме сотен «но»?
кроме зубчатых стен, залитых костров,
разрушенных и заброшенных городов,
ночных кошмаров, прошивших насквозь
совершенно, как та пресловутая ось?
не такую хотел, не меня искал
тот, кто мог бы спасти.
и спасать не стал.

*

Здравствуйте, доктор. Меня просквозило опять.
Души болеют, как дети – неловко и часто,
Ждут от Вас чуда, рецепта стабильного счастья...
Вы бы и рады, наверно, да где же их взять?

Эти алхимики, право, искали не то.
И, исчерпавши лимит покупных удовольствий,
Думаешь: «Боже, пошли хоть солому, хоть мостик!»
Он посылает у.е. Покупаешь пальто.

Сил не осталось на sos и на гиперпрыжок,
Дикие снежные пчелы роятся и жалят.
Доктор, скажите мне честно, я точно живая?
Ведь больно должно быть должно быть должно...
*

центростремительность времени незаметна.
у подруг вдруг мужья, попугаи, дочки.
вот и прикидываю все чаще о непорочном
после тридцатника от какого-нибудь брюнета
с высоким IQ и задатками поприличней
(важная штука - гены, от них не деться).
мимо ж под марш двухсотлетнего немца
шагают мадамы, и им уже не критично.
лишь я все по терниям да по минам...

(никто не светит с ночного неба медалькой)
что я за тварь, раз мне даже пары не дали!
сама себе свет, сама себе Колумбина...

*

сентябр

пик сезонных обострений:
то ль усталость, то ль хандра.
я ползу путем осенним
ниоткуда никуда.

и продрогшею улиткой
в хлипкой ракушке таясь,
заползаю постепенно
в сентябресткую грязь.

*

я знаю:
во мне нет специй и ягод,
я не плантация, не виноградник,
из меня не сделать вина,
со мной не сварить каши,
единственное, что я умею - любить тебя.
бессмысленно и бесстрашно.

*

есть мужчины, как море, и женщины, как скала,
видно бог отвлекся, и сбился функционал.
так безумно знать, что и мы с тобой -
тот досадный сбой.

меня бесит, когда ты смиренно ждешь,
ты боишься, если хватаюсь за нож.

мы различны в корне: я убью за ложь,
а ты молча уйдешь.

я должна быть воином где-то в -надцатом,
ты бы мог учить в женской школе танцам.
но мотаем срок на задворках века -
два смешных человека.

*

Отлюбившие травят байки,
Шутят громко, живут бездумно.
Самостадно сбиваясь в стайки,
Просыпаясь с привкусом блуда
В неудобных чужих кроватях.
Душит топкая злая зависть
Убежать, громко крикнув: «хватит,
нет!»
Закуриваю. Улыбаюсь.

*

mein liebe,
скучать по тебе - бесчеловечно.
не дает покоя все то, чем мы могли бы,
если бы наша чертова вечность
не кончилась так скоро,
mein liebe.

*

твой бог пришивает бабочкам крылья
мой - сочиняет верлибры
они оба по-своему правы
в своем стремлении
сделать этот мир
лучше.

они могли бы.

*

осень тебя завязала бантиком, а меня вот - морским узлом.
оставляю ее не на вечер, а на потом.

за дверями реальность разевает свою городскую пасть.
я мелкими рисую небо и пытаюсь в него упасть.

во мне всё бунтует, бушует, срывается с якорей,
паруса рвёт бесстыдно холодный и злой борей,

я сижу на скрипучем полу каюты, на самом дне,
и рисую под собой небо. и думаю о весне.

*

У него мало времени. Самолёт в 4 утра.
Он её обнимает и говорит, говорит...
Он готов сдать билет, попытаться переиграть
Обстоятельства. Срывается на иврит...

Говорит о холодных водах её весны.
О безумии стен, воздвигаемых сгоряча.
Обещает наведываться во сны.
Очень просит пить только горячий чай...

...она молча внимает его лоскутным речам.
Он её сам учил не печалиться по мелочам.

*

виски стучат,
как два больных барабана.
ты не из тех, кого возьмёшь иронией и тараном.
ты не из тех, кто дважды на одно колено.
поэтому ты прав,
а я где-то между Викой и Леной.

поэтому ты бог,
а я младший из подмастерьев

последнего кафельщика в нашем королевстве.
тебя заботит, что небеса над ЮАР просели,
а меня - какая мелочь!-
что мы с тобой не вместе.

и нам нельзя
меняться с тобой ролями
я о любви по пьяни и ненароком
(лишь говорю. и то не о той, что с нами).
а ты - молчи.
ты должен казаться богом...

*

**.....Но Руфь сказала: не принуждай меня оставить тебя
.....и возвратиться от тебя; но куда ты пойдёшь, туда и я
.....пойду, и где ты жить будешь, там и я буду жить; народ
.....твой будет моим народом, и твой Бог моим Богом...
.....(Книга Руфь 1:16)**

белая дрожь нервных холодных стен.
вкус твоих губ в каждом глотке вина.
я бы могла с этим... пыталась с тем...
впрочем, не важно.
я уже не твоя.

вырежи имя на память, мастер марионеток.
буду гордиться штампом твоим на коже.
мне обещали, что скоро наступит лето.
жду третий день - его нет.
наврали, похоже.

не выбиваю морзянку, не ною и не спасаюсь.
почти научилась спать лишь в своей постели.
Руфи не вышло, мы всё же (увы?) расстались.
не забывай заводить часы раз в неделю.

*

Боль моя - не более, чем шрам
От случайной царапины. Обещай,
Что ты впредь не скажешь моим врагам
Слова правды. Не будешь их угощать
Горьким кофе и сказками о былом –
Это только моё.

Мне сказали, май – месяц дураков,
От которых проку – сходить в кино.
Знаешь, мне давно уже всё равно,
Что идёт на экране и что потом.
Я не верю в синема и любовь,
Обе врут.

Я глотаю пиво в каком-то баре
И какие-то люди зачем-то рядом
Я не знаю, зачем их сюда позвали,
Я бы вместо пива глотнула яда –
Но его нет в меню в чистом виде.

Вот и всё, медвежонок. Прости за пафос.
Нелюбимым свойственна истеричность.
Я плачу по счетам. Что ещё осталось
Делать женщине, если в ней видят личность.
Что ещё?

*

Тоска о несбывшемся. Перепады погоды.
Осень звенит янтарно-медовым сопрано.
За каждый наш день у меня забирали по году.
Я чувствую старость и знаю: явилась не рано.

Она пьяно дышит амбре забродивших каштанов,
Крадётся по следу за мной в беспросветное «после»,
А я всё латаю «сегодня» делами, как рану –
Случайный подарок минутного нежного гостя.

Живу осторожно, слова подбирая, как жемчуг
На ветхую нитку, что бредит мечтой оборваться.
Себя убеждаю, что легче, мне легче, всё легче...
Но безупречна симфония сломанных пальцев.

Кристина УБАЙДУЛЛАЕВА

Ничего ни о ком

Он был никем, вернее тем, кем не был,
И никогда не выглядел никак,
Его не замечало даже небо,
И в зеркале не знал он двойника.
Он ничего не делал, почему-то,
Но вот однажды он решил пойти
Из никуда в родное ниоткуда
По вовсе неизвестному пути.
Он шёл никак, ни мрачен и ни светел,
Он всю дорогу думал ни о ком,
А где-то там он вдруг кого-то встретил,
И этот кто-то не был с ним знаком.
Никто уже привык, что никакой он,
Но кто-то улыбнулся вдруг ему,
Но кто-то был приветлив и спокоен
И уступил дорогу никому.
На ком-то точь-такие же штиблеты,
На ком-то точь-такое же пальто.
Никто спросил: «Вы кто, любезный некто?»
А кто-то вдруг ответил: «Я никто!»
Никто позеленел от возмущенья,
Подумал: «Явно что-то здесь не то!»
И важно произнёс: «Прошу прощенья,
Но вы ошиблись, это я никто!»
«Ах, вы никто? Простите, как? Вы тоже?»

«Что значит «тоже»? Я никто и есть!»
«Кто? Вы никто? Да быть того не может!
Кому-то ни за что такая честь!»
И оба, слово за слово, сцепились...
Сцепились ни за что из-за всего.
В конце концов, никто, как получилось,
Избил до полусмерти никого...
Из протокола лейтенанта Резвых:
«Никто никак нигде и никогда
С никем подрался, будучи нетрезвым,
Без причинений тяжкого вреда».
Допросы были, пренья тоже были:
Как? Два никто? Нам хватит одного!»
Но дело всё равно потом закрыли
За полным неимением ничего.

Прощальная пьеса

“Между нами всё кончено” –
Этой репликой резкой
Оказалась испорчена
Вся прощальная пьеска.

О, они не для гения,
Эти жалкие роли!
Но сыграл, тем не менее,
Ты правдиво до боли.

Да, ты был убедителен,
Но в игре той убогой
Дай мне быть просто зрителем
На галёрке далёкой.

Та комедия сверена
С нашей драмой. Отныне
Я уже не намерена
Быть её героиней.

Я её ненавидела
Всей душою актрисы.
Сколько лжи я увидела,
Заглянув за кулисы!

Наконец-то я пристально
Разглядела под маской
На лице твоём истинном
Шутовскую гримаску.

Но корона бумажная
На тебе так и блещет,
Хоть и пьеска неважная –
Зал тебе рукоплещет!

К чёрту эту феерию,
Декорации счастья
И твоё к лицемерию
Роковое пристрастье!

Опускается занавес.
Ты уходишь не сразу.
Я прошу тебя, заново
Повтори одну фразу.

Повтори озабоченно,
Тяжело-театрально:
“Между нами всё кончено!”
Браво! Бис! Гениально!

Так нельзя!

Так нельзя! Просыпаюсь – а имя твоё на губах,
Словно горьких цветов полевых аромат одичалый...
Каждый день, каждый день я клянусь, что начну всё сначала,
Каждый день отрекаюсь от горькой любви на словах,
Но нельзя! Засыпаю – а имя твоё на губах,
Словно горьких цветов полевых аромат одичалый...

Каждый сон, каждый сон я от правды с трудом отличала,
Потому что забыть о тебе не могла даже в снах.
Так нельзя! Просыпаюсь – а имя твоё на губах,
Словно горьких цветов полевых аромат одичалый...

Истинный Поэт

Не слушай голос Музы, милый друг,
Коль хочешь жить спокойно в мире этом!
Но если жаждешь ты страстей и мук -
Приди на землю Истинным Поэтом.
И будешь ты творить и созидать,
И будешь ты пророчить и молиться,
И Слова неземная благодать
Сойдёт с небес и в песню превратится.
И голос твой услышит стар и млад,
И станут люди ждать твоих свершений,
И за тобой пойдут, и возвестят,
Что в этот мир пришёл Великий Гений!
Но знай: соблазны славы - это ложь,
Не для почёта кровью пишут строфы!
Твой дар - твой крест, и ты его несёшь
Всю жизнь на самый верх своей Голгофы.
Пусть предадут, но не свернёшь с тропы,
За муки не потребуешь награды,
Под свист и улюлюканье толпы,
Под пыткой не откажешься от правды!
От палачей не спрячешь гордый взгляд,
И только об одном попросишь небо:
Прости их, мол, не знают, что творят!
Спаси их, мол, беспомощны и слепы!
Но ты не бог, и даже не святой,
Зато - Поэт, и сам поймёшь едва ли,
Что плачешь не слезами, а водой –
Живой водой священного Грааля!..

Отпускаю душу

Муза мне вещала:
«Милая, послушай-ка,
Ты же обещала
Посвятить мне душеньку.
А таишь в неволе,
Чтобы не обидели.
Сбережёшь от боли –
Не спасёшь от гибели»
Клятвы не нарушу:
Все печати сорваны!
Отпускаю душу
На четыре стороны.
Пусть бежит за чудом,
Глупая и резвая,
Пусть летит, покуда
Крылья не подрезали.
Будет ей непросто
Жить ползком и волоком.
Ей порхать по звёздам,
Мчаться вслед за облаком.
Лучше пусть у солнца
Сложит крылья быстрые,
Пусть с небес сорвётся
И сгорит неистово,
Пусть подпалит крылья
Над кострами летними,
Чем покрыться гнилью,
Слухами и сплетнями.
Так её задушат,
Так она отчаётся
Отпускаю душу –
Пусть не возвращается!

Призрак любви

Оставь меня в покое, жалкий призрак
Моей большой несбывшейся любви,
И не смотри мне в душу с укоризной,
И голосом загробным не зови!

За что я стала вдруг твоею жертвой?
С которых пор за преданность казнят?
И долго ли в агонии предсмертной
Ты биться будешь в сердце у меня?

Ночами тихо плачешь надо мною,
И мучаешь, и душишь, как змея.
Но я устала жить с чужой виною,
Никто в тебя не верил так, как я!

Унылый призрак, где твоя могила?
Покойся с миром, хватит мне мешать!
Прости, любовь, не я тебя убила,
Не мне тебя из мёртвых воскрешать.

Зеркало

Старательно зеркало прятало
Тревогу во взгляде моём,
Пути не осталось обратного,
И ты отражаешься в нём.

Красив и небрежен по-прежнему,
Всё так же изогнута бровь,
Глаза всё такие же нежные,
Таящие недолюбовь.

Они мне всю жизнь исковеркали,
Мятежные эти черты,
И всё ж отражение в зеркале
Казалось надёжней, чем ты.

Оно хоть не прятало нежности,
А я ничего не ждала,
В предчувствии злой неизбежности
Касаясь живого стекла.

Но ты за неверным движением
Исчез, как всегда исчезал,
Оставив своё отражение
В объятиях сотни зеркал.

Добро и Зло

Сердцебиенье жизни в мире тленном –
Добра и Зла извечная игра.
Лишь тот, кто выше купола Вселенной
Способен чётко видеть эту грань.

Он создал добродетельную Еву,
Но прежде создал гордую Лилит,
Хранитель-ангел справа, демон - слева,
И каждый прав, и слушаться велит.

Христос спускался в недра преисподней,
А Сатана в Раю когда-то жил,
И не наступит завтра без сегодня,
И не бывает мрака без светил.

Но люди ищут, тщетно и неловко,
Два берега одной большой реки,
Хотя мы сами -дети-полукровки:
Полузлодеи, полудобряки.

А наши души - белая бумага,
Где пишут чёрным добрые дела.
Никто не знает, где границы блага,
И где начало истинного зла.

ПУБЛИЦИСТИКА

Туленды КУРМАНАЛИЕВ

РАССКАЗЫ О БЫЛОМ

МОЙ ОТЕЦ – БОЛУШ

- Ну как? Включаем его тоже? – вопрошал переводчик, размахивая листом бумаги...

Осень 1928 года. Третий час шло выдвижение кандидатов.

На большой поляне под Караколом полукругом установлено около двадцати с лишним юрт. Это юрты глав родов кланов, желающих протолкнуть своего во власть придерживащих. Между юртами стояли, сидели представители менее зажиточного слоя.

Нелегко было собрать представителей отдаленных сел прииссыкуля и тех, кто совсем недавно спустились со своим скотом в долину, оставив свои летние пастбища – джайлоо. И все это для того, чтобы выбрать, наконец-то, губернатора (болуша) новообразованного иссыкульского кантона.

В центре сборища за столами, крытыми красным сукном, сидели представители из Пишпека, Верного (Алмааты) и даже из Москвы! Все в диковиной одежде: в кожанках, перепоясанных ремнем и портупьями, с которых у некоторых свисали тяжеловесные револьверы, в смешных брюках – галифе и хромовых облегающих коричневых сапогах. Тут же сидел важный писарь-секретарь, а перед столами переводчики – толмачи: охрипший татарин и бывший царский урядник, а ныне сочувствующий новой власти всезнающий Хахалев.

Все устали. Осеннее солнце вот – вот скроется, а конца этой процедуре выдвижения не видно. Да и агитационное мясо в юртах давно сварилось. Кто-то из представителей предложил «подвести черту». Народ зашевелился, угадывая завершение этой изрядно надоевшей процедуры.

Представители совещались. Они никак не могли себе представить, как осуществить открытое голосование, если в списке около тридцати претендентов. Как произвести постепенный отсев? Не превратиться ли все это в склоку, свалку, а, может, и в межродовую драку и побоище?

- Будут ли отводы и самоотводы? – перевел Хахалев на киргизский, которым он владел в совершенстве.

Из толпы протиснулся вперед молодой паренек в овечьем потрепанном тулупе и без разрешения вдруг заговорил, заговорил по-русски:

- Вот здесь выступал уважаемый и долго твердил о том, что настало время новое, что власть переходит к простому народу, что все люди равны и еще много того, что мне непонятно. Но что я сейчас вижу. Как было, так и останется. Если станет болушем Осмон, Кадыркул, Талгарбай или еще кто в списке, что изменится? Они все сынки баев. Это те, кто сидит сейчас в первых рядах на коврах и кёрпёчо, а простой люд на земле. А вы говорите «народная власть»...

Хахалев весело переводил, а изумленные представители переглядывались и не перебивали.

Почему улыбался бывший царский урядник? Да потому, что он как облупленного знал выступающего. Иманбет, сын Курманалы. 23 года. Батрачит у купца Погребнякова. В желании иметь сына-наследника, купец произвел на свет пятерых дочерей-пагодок. Озорные девки во главе с Иманбетом творили в округе такие невинные шалости... Вот как научился он говорить по-русски.

- Вы можете за мои слова меня наказать, как пороли те, чьи сыновья будут болушем. А я как был малаем у них, так и буду.

Толпа разволновалась. Слушая переводчика, люди поняли, что их пытались если не одурачить, то незаметно обмануть. То там, то здесь раздавались выкрики одобрения или протеста.

- Я проголодался. Мясо в юртах, я знаю, не для меня. Пойду-ка я домой, а народ пусть себе выбирает нового...

Один из важных представителей, выйдя из-за стола, оста-

новил Иманбета и, подведя его к президиуму, молвил: «Вот вам губернатор из народа, правда молодой, неотесанный, политически безграмотный, но пролетарски мыслящий».

И, в нарушении всяческих протоколов, обратился к народу: «Знаете Иманбета?»

Толпа, словно дождавшись чего-то понятного, закричала на все лады: «знаем», «знаем», «знаем»!

- Будете за него голосовать? Кто за Иманбета сына Курманаалы поднимите руку, а счетчики считайте голоса! – Так оперативно распорядился представитель из Верного, к которому, вероятно, у голосующих было больше доверия, так как на боку у него был самый большой тапанча (маузер).

Явное большинство. Не стали голосовать балыкчинцы, курментинцы и керегеташцы.

Только поздно ночью добрался Иманбет до своего дома – мазанки.

Мать спросила: «Кто стал болушем?»

-Теперь я болуш! - И тут последовал сильный удар камчой по его спине со словами: «Хватит болтать. Ложись спать!»

И долго еще ворочался Иманбет в своем углу, всхлипывая от обиды...

Плакала и Калый-байбиче, думая, что сын подшучивает над ней. Та, которая не проронила слезу в далеком Синьцзяне, продавая китайцу в рабство своих двух старших дочерей. Чтобы не умерли с голоду двое малолетних детей и больной муж. Не рыдала она и в том шестнадцатом на холодном перевале, когда надо было идти и идти, неся на руках малолетних. И остался там не похороненным окоченевший муж, прозванный «Большеротым» за его веселые песни, которые распевал народ от Атбашей до казахского Каскелена.

Утром, когда односельчане пришли поздравить ее, она опять не сдержала слезы.

-Прости меня, сынок! Ты уже стал взрослым... – И Калый-апа, гладила сына по голове и не могла нарадоваться тому, что свершилось.

А потом... Потом были губернские будни. Нападение байских сынков на замерзшей Караколке, где пятеро разгоряченных молодых всадников пытались камчами разделаться с Иманбетом. Выручил семизарядный Смит Вессон. Через полгода проез-

дом из Джеты Огуза, где лечил свои хвори, прибыл в Каракол «верный соратник Ленина» - Бухарин. Он собрал губернский «актив» и, немного картавя и картинно закатывая глаза, прочитал лекцию «Марксистско-ленинское учение и мировая революция». Понятно, что никто ничего из этого выступления не понял. Зато в тридцать восьмом в подвале НКВД сам глава ОГПУ Лоцман выбивал из Иманбета признание, будто он является тайным иностранным шпионом, агентом «врагов народа» Бухарина и Троцкого на Караколе.

Конечно, первое время его, как болуша, воспринимали не серьезно. Подшучивали или просто игнорировали. До того момента, когда этот новый губернатор велел арестовать, а затем под конвоем отправил в Пишпек двоих дебоширов с полным письменным комплектом их дел, как возмутителей спокойствия. Вскоре Иманбет пересел с двуконного фазтона на новейшее чудо техники – автомобиль с блестящими спицами, сверкающим радиатором и, самое главное, – шофером, закованным в кожаные ремни и лихо нажимающим на большую «грушу» - клаксон, от звука которой женщины падали в обморок. А на заднем сидении «шайтан-арбы» невозмутимо силел молодой губернатор, давая всем понять: настали другие времена, времена народовластия.

И еще, может, самое главное: мудрые представители Центра оставили некого Шублебина в качестве помощника губернатора. На первое время. И получилось так, что в лице помощника молодой губернатор приобрел не только советника, наставника, учителя, но и высокообразованного друга, который не только передал азы правления административного руководства и управления, но и искоренял русское косноязычие, которое молодой губернатор приобрел у дочери купца Погребнякова.

А потом были годы учебы в республиканской партийной школе, два года тюрьмы, куда моего отца посадили как «врага народа». И только по случайности он не был расстрелян. Зато прошел через допросы знаменитого начальника ОГПУ Лоцмана. Потом Великая Отечественная война. Партия кидала Курманалиева, как «номенклатуру», не подлежащую призыву в армию: на разные должности, в разные районы республики - председатель райисполкома, секретарь райкома, председатель облисполкома.

Когда в конце войны Первый секретарь компартии Киргизии И.Раззаков вручал очередной (скорее внеочередной) орден Кур-

маналиеву, он произнес следующее: это четвертый заслуженный орден – орден «Красной Звезды», которым награждаются только военные. Но твои, Иманбет, битвы за победу в тылу по достоинству оцениваются этой военной наградой.

НАСТОЯЩИЙ ПОЛКОВНИК

... Ростов - папа, Одесса - мама, а Гороховец - ... мать. И конкретно, какая это мать. Видимо, многим служба там была бедствием.

Мужчины старшего поколения помнят или слышаны об этом всесоюзном артиллерийском полигоне. Огромное пространство в Горьковской области: лес, болота, песок, комары, безводье и безлюдье. И на этом забытом Богом пространстве кое-где расположились островками артполк, арткорпус или небольшое поселение в виде палаточного городка, вроде нашего.

Мы два месяца с утра до отбоя изучаем 122 миллиметровую пушку – гаубицу, стреляем из закрытых позиций или прямой наводкой по макетам танков или по условной пехоте и т.д. Государство не жалело на нас «пороха». Каждый выпущенный снаряд по стоимости, как сетовал старшина Заболотный, равен офицерским хромовым сапогам.

Мы - это студенты, а здесь - курсанты, четвёртого курса Московского Института Цветных Металлов и Золота им. М. И. Калинина.

Воскресенье. После обеда ты свободен от занятий. Можешь подремать в душной палатке или пойти на ближайшее болото «пощипать» клюквы или посушить портянки.

Только-только я задремал в нашей палатке, как слышу звонкий голос старшины Заболотного:

- Кто в лагере, на переднюю линейку – стройся!

Таких нас оказалось пятеро. Стоим и слушаем, как старшина таинственно вещает:

- Пришла срочная шифрограмма из штаба близлежащего арткорпуса. Генералу Пласкову, вашему начальнику военной кафедры, надлежит в шестнадцать ноль-ноль прибыть туда. Кто из

вас умеет водить автомашину? Это всего-то восемь километров! Дежурный шофёр заболел. Выручайте, братцы.

Я имел как-то неосторожность похвалиться, что водил пять-шесть трофейных машин. Это сейчас каждый второй Шумахер, а в те пятидесятые.... Словно сквозь сон слышу голос Льва Барского: курсант Курманалиев ...

... Барский Лев Абрамович. Член корреспондент Российской академии в области технологии окиси урана. Член союза писателей России. Автор многих романов, сборников стихов. Живёт в Канаде. Тоскует, ностальгирует. Вот что прислал мне нынче по интернету:

*... Тебя прославили, любя,
Полуеврейские таланты.
Сложили песни про тебя
Диседенты-музыканты.
Тебя я вижу из окна
И отпираться бесполезно:
Моя Россия – не страна –
Моя история болезни! ...*

Но это - потом. А пока старшина буквально поволок меня на автодвор, где рядом стояли новенькие «студебеккеры», виллисы. И вся эта техника должна была вернуться в Америку ещё в конце сороковых!

Приняв у меня экзамен по вождению, старшина приказал: «Подать машину к штабу в пятнадцать тридцать!»

Покрутившись по автодвору на новеньком виллисе, я в указанное время повёз нашего важного генерала Пласкова в штаб корпуса, вихляя меж сосен по просёлочной дороге.

Рано утром везу моего генерала обратно. Он был просто «никакой»: трое местных генералов решили расписать пульку. Нужен четвёртый. Вызвали нашего. Напили и хорошо «раздели». Пришлось раскатать скатку шинели, чтобы мой седок, который не мог сидеть, не поранил голову, лежа на узком заднем сидении.

Светаёт. Смотрю на часы. Пять тридцать. Если я поеду по нормальной дороге, то не успею: подъём в 5:50. Пришлось включить оба моста, демульпликатор и по огородам, топча хилую капусту и редкую морковку – гордость местных жен офицеров гарнизона. Едва успели внести грузное тело генерала в штаб, слы-

шим команду: «Первая батарея – подъем, вторая...!»

Генерал – на кровати, мы со старшиной – на полу, тупо уставившись друг на друга и натруженно дыша.

Потом раздели, обтёрли, отмыли мычащего генерала. Опасаясь, что желудочная кислота как-то повлияет на блеск и цвет, мы любовно отчистили каждую медаль, каждый орден, как отчищает заботливая хозяйка каждую хрустальную висюльку своей любимой люстры. Старшина помог скатать шинель только ему известным способом, после чего она стала снова похожа на конский хомут, одёванный через левое плечо.

Позже меня расспрашивали: куда ездил, почему потоптал огурцы? Я отделялся шуточками, хотя хозяева огородов долго косо смотрели на хулигана-азиата, которому всё сошло с рук.

Торжественное вручение военных билетов с присвоением офицерского звания – лейтенанта.

Неожиданно слышу: «Лейтенант Курманалиев, выйти из строя!»

«За выполнение особого боевого задания, объявляется благодарность командования! » Вот тут-то началось: что за задание? Когда успел повоевать в Корее? Обращаюсь к заместителю начальника военной кафедры подполковнику Умерову. Тот, хитро подмигнув, отвел меня в сторону: помнишь, возил генерала, привёз без приключений, никто не видел его позора, до сих пор сохранил эту тайну – это и есть выполнение особого военного задания. Радуйся. А мы возрадуемся за тебя!

Приехал я на рудник по распределению. Кадровик, ведавший военным учётом, прочитав в личном деле про особое задание, многозначительно хмыкнул.

Поступаю в аспирантуру. Хмыкают, но вопросов не задают. В военкомате сообщают, что присвоено внеочередное звание капитана. Назначают директором одной фирмы, работающей на космос - снова внеочередное - подполковник. И, наконец, приезжает проверяющий из ГУРВО (главное управление ракетных войск) генерал-полковник Высоцкий и привозит мне полковничьи погоны. И стал я «настоящим полковником».

Одни говорят – совпадение, другие говорят должность полковничья и особое боевое здесь ни причём. Но всё равно приятно.

СТАЛИН

Как никогда холодной стояла осень 1951 года. Я запарился, бегая по этажам студенческого общежития под пресловутым названием «Дом Коммуны», будя своих соплеменников на ноябрьскую демонстрацию. Они никак не хотели вылезать из постели, и только обещание, что скоро увидят Сталина, заставляло их продрать глаза.

Как всякие уважающие себя киргизы, мы опоздали. Это менталитет: будь ты начальник или подчиненный – обязательно опоздай на концерт, той или даже на поминки.

Стояли у оцепления на Калужской площади, одинаково одетые. Уезжая из Фрунзе, мы, пятеро, оделись в бобриковую «Москвичку» (полушубок- полупальто фабрики «Первое Мая»). На голове шапки-ушанки с небольшой круглой горняцкой кокардой.

Только я перестал материть каждого, как от оцепления подошел сержант со словами «ваш пропуск»? Хохмач Алымкулов Джолдошбек произнес «пропуск общий». На что последовала неожиданная реакция служивого: «Товарищ лейтенант! Здесь корейская делегация опаздывает на Красную Площадь!»

Мы жили в то время, когда война в Корее занимала умы советского народа, когда противоборство советской и американской техники и специалистов было предметом заботы всех.

Не помню, как мы очутились в какой-то маленькой машине, как нас провезли по каким-то глухим переулкам, как мы бежали по задворкам древней Москвы и как мы оказались возле Мавзолея В.И.Ленина. Если посмотреть на Мавзолей, то на трибунах справа стояли мы, а слева на трибуне, как потом выяснилось, стояла настоящая корейская делегация.

После впечатляющего военного парада (благо, было сухо, хотя и холодно) началась демонстрация трудящихся. Нам кричали из колонн: да здравствуют корейские герои, урраа! Вынув руки из карманов, помахав в ответ и похлопав в ладоши, мы гордо стояли, этикие псевдогерои!

Полной неожиданностью для студентов нашего института было наше стояние у Мавзолея. В это время толпа на нашей трибуне обернулась вправо, задирая голову и аплодируя: в нашу сторону, здороваясь, склонился И.В.Сталин, который, помахав

рукой, приветливо улыбнувшись нам, медленно удалился. Ликование на нашей трибуне ещё долго продолжалось: мы увидели Сталина в каких-то пяти метрах! Будет чем похвалиться: он с каждым из нас поздоровался!

Ребята, говорю по-киргизски, пока нас опять не затащили на праздничный банкет, давайте «делать ноги». Только Имаммусейн Давлетов – будущий чемпион среди студентов Москвы по самбо, будущий доктор геологии поворчал: а почему бы и нет?

Убеждаю солдат оцепления: вам велено не пускать на трибуны, а с трибун ведь не было такого приказа? Прорвались и довольные и счастливые, что видели рядом самого Сталина, вернулись в общежитие и сели писать письма домой.

Через три дня вызывают меня к заместителю директора института. Двое молодцеватых парней задают вопросы, сверля глазами: как очутился на Красной Площади? Вероятно, мой ответ совпал с ответом остальных четверых. Особисты перешли к очной ставке: отыскали бедного сержанта, трясущегося лейтенанта, разыграли сцену наших ответов (пропуск общий)... Выслушав мораль о бдительности, мы были милостиво отпущены.

Не уверен, что с сержантом и лейтенантом поступили таким же образом.

Так мы, пятеро, ощутили воочию «клещи» авторитарной власти, порядка и ее системы. Хотя, оглянувшись сейчас вокруг, так хочется еще ее, эту систему...

Валерий САНДЛЕР.

ПО СЧАСТЛИВОМУ РАСЧЕТУ

Антонина ПИКУЛЬ: «Ему требовалось все и сразу. Смелый, упорный был...»

Двадцать с лишним лет минуло со дня его смерти внезапной, в разгар работы над очередной книгой, но романы и миниатюры, которые он успел сочинить, и сегодня переиздаются массовыми тиражами, их читают, имя автора не забыто. Это ли не мечта всякого пишущего!..

Еще при жизни Валентина Пикюля читатели его книг разделились на лагеря: из одного слышались клики «да здравствует!», из другого - истошные вопли «долгой!». Мало что с той поры изменилось. Не примкнув ни к одному из «лагерей», я всегда воспринимал его творчество спокойно и ровно, понимая, что писательство - не профессия, а призвание; что-то мне в его сочинениях нравилось, что-то не очень, - и при встречах я не упускал случая сказать ему об этом. В середине 1980-х, когда произведения «русского Дюма» - будь то отрывок из романа или историческая миниатюра в 10-15 страниц - заметно увеличивали подписку, меня, сотрудника литературного журнала в Киргизии, не раз посылали в Ригу - взять из рук Пикюля «что-нибудь неопубликованное». Не всякое издание он жаловал, но получив номер «Литературного Киргизстана», в котором был напечатан полный вариант письма Раскольникова Сталину (на это даже центральные журналы не осмелились), стал к нам благоволить: за два года передал для публикации повесть, серию миниатюр о людях былых времен.

Его вдова Антонина Пикуль продолжает жить в Риге, одном из островков русского зарубежья на постсоветском пространстве. Много лет она заведовала библиотекой Дома офицеров, вышла на пенсию, теперь приводит в порядок богатейший, уникальный архив мужа, участвует в переиздании его книг, встречается с читателями. Нашему с ней знакомству - без малого четверть века.

- Антонина Ильинична, я намерен говорить больше о вас, чем о Валентине Саввиче: его известности от этого не убудет, а в моих глазах вы сами - личность незаурядная.

- Я себя незаурядной личностью не считаю. Пикуль - другое дело, о нем следует говорить. Если бы не встреча с ним, «личности» из меня бы не получилось: самая обычная биография.

- Ну так и расскажите ее обычными словами - пусть читатель сам решит.

- Ой, это же неинтересно! Родилась в Вологодской области, в селе Биряково. Отца не помню: ушел добровольцем на фронт и не вернулся. Нас у матери оставалось четверо детей. Жили мы трудно, голодно. Меня выручали книги: их в доме было много, и я читала запоем. Закончила десятилетку, библиотечный техникум в Великом Устюге, поступила в Ленинградский библиотечный институт. Своего первого мужа встретила в компании, где отмечали день рождения - его и мой. Мы с ним родились в один день, 23 марта. Он, правда, меня двумя годами старше. Я студентка, он - морской офицер, Ян Антонович Анджан, латыш. Закончив институт, я вышла за него замуж, мы уехали на Дальний Восток, где Ян служил старпомом на подводной лодке. Прожили вместе восемнадцать лет, родили сына и дочь. Кстати, вы в курсе, как я от него ушла к Пикулью?

- Да я-то в курсе, но пусть читатели услышат от вас.

- Видите ли, семейная жизнь сначала мне улыбнулась, потом подставила ножку: муж еще во время военной службы пристрастился к спиртному. Его перевели в Ригу, он демобилизовался, вышел на пенсию. Мы часто бывали на его родине, в Резекне, там пиво деревенское, каждый хотел с ним выпить, он по мягкости характера никому не мог отказать. Но неужели я была рождена для того, чтобы каждую ночь нюхать винный перегар и табачный дух?! Это же не жизнь! Материально он семью никак не

обеспечивал, денег домой не приносил - ни пенсии, ни заработка (он тогда рыбаком ходил). Двое детей - а мы перебиваемся на одну мою зарплату в 150 рублей! Слишком далеко зашла у него болезнь, не мог он от нее избавиться. Пришлось расстаться. Меня обсуждали на партсобрании Дома офицеров...

- Мол, как же так, бросаете мужа...

- Примерно в этом духе. Ян Антонович не считает, что я его бросила. Понимает, что сам виноват. Ну, а раз любовь ушла, так чего ж мучиться...

- Одна ушла, пришла другая.

- Пришла, покорила, все затмила. Я к Пикулям была вхожа с 1968 года, мы с Вероникой Феликсовной, женой Валентина Саввича, дружили. Я приносила книги, если она сама не могла за ними прийти в библиотеку. Посидим, попьем чаек или кофеек, поговорим. В феврале 1979 года умерла Вероника. И тут начали Пикуля в прессе ругать за роман «Нечистая сила», он вышел под заголовком «У последней черты» в журнале «Наш современник»...

- Помню журнальную публикацию и как за нее ругали автора.

- Роман вышел с сокращениями, которые были сделаны с явным умыслом: выпятить «еврейскую» линию, представить Пикуля антисемитом, хотя он к этому позорному явлению никаким боком причастен не был, Боже упаси! Зато люди из брежневского окружения узнали в романе самих себя: как при царе было принято добывать через Распутина тепленькие местечки, так и при Брежневе, чтобы получить должность, действовали через подставных лиц. Суслов и Зимянин вызывали Пикуля «на ковер», но он к ним не явился, ответил: «Я беспартийный».

В один из таких дней Пикуль пришел ко мне в библиотеку и говорит: «Хочу написать миниатюру о Карле XII, ищу книгу шведского короля Оскара II и журнал «Киевская старина», там описано пребывание Карла в Бендерах. Помогите найти». Заказала я книги в «Ленинке», пришел ответ, что они заняты; второй раз заказала - ничего не ответили. В марте 1980 года, когда мы уже перестали ждать, книги приходят. Звоню ему: «Подъезжайте, заберите». А он: «Чувствую себя неважно. Не могли бы вы подвезти? Такси я закажу». А мне нужно быть днем на заседании общества книголюбов, а вечером - в клубе друзей поэзии. Говорю: «Пошлю к вам сотрудницу». - «Нет, приезжайте вы». Ну, я поеха-

ла, думаю -посмотрю на Пикуля, давно его не видела. Он открывает дверь, приглашает к себе в кабинет, тот самый, в котором вы с ним не раз сидели: «Давайте попьем чайку». В кабинете стол накрыт: макароны по-флотски, сыр, бутерброды с икрой, коробка конфет, бутылка шампанского. Поняла, что он меня ждал. «Валентин Саввич, - говорю, - мне, право же, очень некогда». - «Ну, на несколько минут-то можно». Присели мы к столу, и он стал говорить про свою жизнь.

- Известно, какая жизнь у овдовевшего мужчины...

- Сказал, что ему одиноко, тоскливо и тяжело, почти безысходно; не может найти себе места, забросил работу и вообще не знает, как жить. Показал рукой на стол: «В магазины ходить не приспособлен, макароны, тушенку - все это принес капитан третьего ранга Уланов...» - «Валентин Саввич, нас в библиотеке семеро женщин, возьмем над вами шефство, будем носить продукты, с уборкой поможем...» Сама на часы смотрю: к книголюбам уже не попадаю, к друзьям поэзии успеть бы. «Да погодите, - просит, - дайте выговориться». И вдруг: «Хочу, чтобы вы стали моей женой». Я испугалась, не знаю, что делать, что ответить, чтобы не обидеть его. А он курит одну сигарету за другой...

- Наверное, хотел вам в любви объясниться, искал нужные слова.

- Не было ни слова о любви, о чувствах, что я ему нравлюсь! Вернее, он говорил: «Я знаю, что ты меня не любишь, но очень хочу, чтобы полюбила. Даже без любви два человека могут связать свои судьбы и быть счастливы. А при взаимном уважении любовь придет...» И тут пес Гришка (по паспорту он звался Григорий Ефимович, как Распутин) вскочил ко мне на колени, положил мне лапы на плечи и давай скулить и мои щеки лизать. У меня комок подступил к горлу! Сижу, слушаю, а в голове мысль: мне, какой-то завбиблиотекой, делает предложение писатель, чье имя у всех на устах, а я еще буду раздумывать?! Но вслух сказала: «Я не могу одна решить, должна спросить у детей...» Он вышел из кабинета, через минуту вернулся: «Такси сейчас будет, собирайся, едем, спросим у детей. Если они меня признают - будут моими детьми. С мужем разведешься». Пришло такси, мы сели, поехали ко мне в Иманту. Подъехали к дому. Пикуль остался в машине, а мне сказал: «Жду полчаса и уезжаю. Постарайся справиться побыстрее. Ничего с собой не бери, все купим

новое». Дети, когда я им все объяснила, сказали: ради Бога, выходи замуж за Пикуля. У них давно отношение было отрицательное к отцу, который выпивает. Да не выпивает, а пьет! И что, вы думаете, я взяла себе в приданое?

- Ну что берет женщина, уходя от мужа? Самое необходимое: шубку, деньги, драгоценности...

- Трехтомник Есенина и пятитомник Блока! Ушла в чем была, только смену белья прихватила. Все уместилось в небольшой сумке. Всю обратную дорогу проревела. Пикуль думал: я плачу, потому что не хочу с ним быть. А мне просто было страшно.

- Страшно - чего?

- Этот вопрос я себе задавала. И сама отвечала: сложная, трудная ждет меня жизнь.

- Тем не менее вы взяли его фамилию, отказались от прежней...

- Потому что фамилия Пикуль престижней, чем Анджан. Это естественно.

- Дети, благословив вас на брак с Пикулем, остались с отцом?

- С нами ехать они не захотели. Я через день ездила в Иманту, готовила им еду, по выходным они навещали нас с Пикулем. Марина после 10-го класса пошла по моим стопам - поступила в Ленинградский библиотечный институт. А с Виктором мы виделись каждый день: после занятий спортом он приходил ко мне на работу. Их отец перебрался жить к своим родителям, потом я дала ему денег, он купил дом на хуторе, недалеко от Резекне, там и сейчас живет.

- Итак, прибыли вы к Пикулю не в гости, как бывало раньше, а вроде как к себе домой. Отметили это событие?

- Вошли в квартиру, Пикуль поставил на огонь чайник. Сели чай пить, он просит: «Расскажи о себе». Я, говорю, после войны жила в Северодвинске у брата, на Республиканской улице. Он: «Мы с матерью тоже там жили, в доме 36, я пятый класс заканчивал». Потом, говорю, был техникум, общежитие в Доме Плеханова. «Тот, что на 4-й Красноармейской? Около него стоял пивной ларек, я там был завсегдадаем. Что ж ты тогда не подошла - пивком бы тебя угостил!..»

- Кстати, в одну из встреч мы с ним потихоньку от вас дважды выпивали и один раз курили, хотя врач строго-настрого запретил ему это. Простите меня, если можете.

- Ну что вы, стоит ли вспоминать! Гости у нас бывали нечасто, но если приходили - на столе появлялся и тортик, и коньячок. А вы к нам впервые приехали в трудный для него момент: «Наш современник» отклонил его повесть об Ольге Палем. Он был расстроен - а вы взяли эту вещь и напечатали у себя в журнале. Дело прошлое, но ведь Пикуль после смерти Вероники начал выпивать. Знакомые, когда я за него вышла, говорили: «Одного алкоголика сменила на другого». Но я-то знала, что это совсем не так!

- О чем еще вспоминали в первый вечер?

- Говорю: в 1962 году мы приезжали к родителям мужа в Ригу, а Пикуль: «Я в том же году приехал сюда из Ленинграда». -«Потом мужа отправили служить на Северный флот: Оленья губа, Ягельная губа...» - «Так я же там воевал!...» Еще выяснилось, что 23 марта, когда мы с Яном отмечали наш день рождения, у Пикуля была свадьба. Вот какую хитроумную косичку сплела для нас судьба!

- Будем считать тот вечер праздничным. Какими оказались будни?

- Самыми трудными были первые дни. Мало того, что переходного периода - ухода, цветов, объяснений в любви - не было в помине, так еще не знаешь заведенного в доме порядка, характера мужа, его привычек! Он меня предупредил: «Мне нужна не просто жена, а - литературная жена, чтобы помогла осуществить мои планы. Ездить по курортам и за границам не будем, исключено». Но успокоил: «Обещаю, что заменю тебе весь мир». И ведь выполнил свое фантастическое обещание! Наша совместная жизнь это доказала.

...Он долго не мог сесть за работу. Вы знаете, какой у него был распорядок дня: писал ночью, днем отсыпался. А тут - ночь спит, днем туда-сюда ходит, ничем не занимается. Принесу из библиотеки книги -прочитает и возвращает. А когда купила в букинистическом магазине три книги по истории Японии, он их схватил, закрылся в кабинете, часа через два вышел - и заявил: «Поздравь меня, сажусь за новый роман». Это были «Три возраста Окини-сан».

- С вашей помощью этот роман вывел Пикуля «из тупика». В последующие годы он написал вещи еще более яркие. Такие, как «Фаворит»...

- ...затем были написаны «Крейсера», «Каждому свое» и

«Каторга», два тома исторических миниатюр, романы «Честь имею!», «Ступай и не греши», первый том «Барбаросса». Но началось, вы правы, с «Трех возрастов». Именно он вернул Пикуля к рабочему столу.

- А вы - вернули читателям писателя.

- Он сам вернулся, я лишь создала ему необходимые условия. На мои плечи легли переговоры с издательствами, редакторами и рецензентами, прежде их вела Вероника. Читала письма (он получал их сотнями!), на многие отвечала. Разбиралась в материалах, которыми он пользовался. Зная заранее, о чем он готовится писать, искала в исторических источниках, в библиотечке, в букинистических магазинах литературу для будущего романа.

- Так вот как выглядит брак по расчету!

- Какой мог быть с моей стороны расчет, если я полгода обращалась к нему по имени-отчеству, на «Вы», не могла иначе?! Если и был расчет, то лишь в том, чтобы спасти талантливого писателя: я же видела, что он гибнет. Считайте, что брак с Вероникой тоже был по расчету: он жил за ней как за каменной стеной. Я всегда помнила, с кем нахожусь рядом, смотрела на него как на звезду первой величины. Кто знает цену писателю больше, чем библиотекарь? А у нас каждый второй посетитель спрашивал книги Пикуля!

...Раньше я считала, что немало знаю из истории, но когда он завел со мной на эти темы разговор, оказалось, что мне известны лишь какие-то выжимки из разных событий прошлого, с историей ничего общего не имеющих. Он стал меня образовывать. Даст одну книгу прочитать, вторую, третью, потом мы беседуем о прочитанном, я втянулась в это, мне так стало интересно!

- За годы, прожитые с Пикулем, личной жизни вы, похоже, не имели: на работе - читатели, сотрудники, дома - вторая рабочая смена. Разве не так?

- Так. Дома я в халате не ходила. Приду из библиотеки - он к этому времени только вставал, иногда спал. За чаем читал мне страницы, написанные за ночь.

После ночи за рабочим столом он мне оставлял записки. В одних сообщал, удачно ли ему работалось, в других - просил что-то купить, куда-то сходить, с кем-то встретиться. Боль и забота, успех и неудача, радость и печаль - все в них было. И, конечно, признания в любви. Таких записок - тысячи. Пикуль был очень

открытый человек, и записки такие. Они еще ждут своей публикации. Те, что интимного характера, не буду публиковать. Не бралась за них, пока выпускала книги о нем, их уже вышло шесть, седьмая в работе.

- Мне бросилось в глаза, что Пикуль мата не употреблял, хоть мальчишкой с 1943 года и до конца войны служил юнгой на эсминце, а ведь, что греха таить, для матроса матерщина - нормальная часть речи.

- За десять лет, что мы с ним прожили, я не слышала от него матерного слова. Он был чистый человек. Начнут при нем рассказывать неприличный анекдот - покраснеет, как красная девица, и скажет: «Слышать не желаю». Матросский жаргон знал и любил, но мат - никогда.

- И стригся, как матрос-первогодок: под ноль. Говорил: «Нет времени ходить по парикмахерским, меня Тося стрижет».

- Не стрижет, говорил, а болванит. Залезет в ванну, сядет на табуреточку, я включу машинку для стрижки и - в одно мгновение... Мне это занятие очень нравилось.

- Остричь мужика наголо... Что там может нравиться?

- Так интересно: машинка сама стрижет! Он голову вымоет и сразу становится такой чистенький, красивенький... Посмотрит на себя в зеркало: «Ну прямо как огурчик...» Я и верхнюю одежду ему покупала. Пикуль по магазинам ходить не любил: там вечно очереди. Зато был одного роста с моей дочерью: метр шестьдесят семь. И если нужен был костюм или пальто, я ехала с Маринкой в магазин, она примерит, мы купим. Пикуль ходил со мной на базар, на обратном пути тасил сумки с покупками, мне не давал. Тетушки на базаре его знали, тепло к нему относились, отбирали для него хороший кусочек мяса, овощи посвежее.

...Он был очень щедрым. Перед тем как выйти из дома, клал в карман пару сотен (кошелек не имел никогда!) - не на покупки, а чтобы раздать милостыню нищим, их много появилось в середине 80-х. Идем по городу, навстречу - плохо одетая старушка или пожилой мужчина, Пикуль достает не глядя купюру из кармана и дает им.

- Вы наблюдали его вблизи, делили с ним житейские заботы, помогали в осуществлении творческих планов. Но согласитесь:

все это произошло благодаря решительности, с какой он попросил вас стать его женой.

- Он был решительный! Смелый и упорный. Брал быка за рога, ему требовалось все - и сразу. В писательстве - что задумал и начал, доводил до конца. Из крупных вещей у него только с «Аракчеевщиной» не получилось и с романом «Когда короли были молоды». Времени не хватило.

- Подведем итог вашему браку по расчету: жалеть о нем пришлось?

- Встретить такого человека на жизненном пути - Господи, да мне же невероятно повезло! Судьба меня вознаградила за трудное детство, когда я чуть с голоду не умирала. Что до Валентина Саввича, то он говорил о себе: «Я выиграл жизнь и судьбу по трамвайному билету». Ведь был, если разобраться, практически никем. Мальчишкой перенес блокаду, воевал, не пошел дальше официальных пяти классов школы, а стал известным русским писателем, историческим романистом. У него, если разобраться, выхода иного не было: его никуда не принимали. Говорил: «Везде с меня требовали бумажку: аттестат, диплом. И только в Ленинградском отделении Союза писателей спросили рукопись. Я ее принес...» Это был двухтомный роман «Океанский патруль». С него началась писательская судьба Пикуля. А сегодня готовится одиннадцатое собрание его сочинений в 42-х томах...

Совместная наша жизнь отвела ему, слава Богу, еще десять лет для творчества. Он немало написал за эти годы. Мне кажется, он был счастлив со мной. Как и я с ним.

ЧЕГО ДОБИВАЮТСЯ ХУЛИТЕЛИ СТАЛИНА?

Парадоксы времени, парадоксы истории. Чем мощней, противоречивей, незаурядней личность, тем больше вокруг нее ломается копий и тем протяженней путь ее среди будущих поколений. Особенно, если она руководила страной в мятежные, роковые моменты ее истории. Как ни странно, в этом ряду немало тиранов. Трудно, порой жутко жилось при их правлении людям, но именно в тот период государство доказывало, сколь оно сильно и непобедимо, именно тогда оно сумело выстоять, когда другие становились на колени, именно тогда его народ проявлял такие образцы патриотизма, мужества, преданности идее, трудолюбия, что это продолжает поражать потомков и через многие десятки лет.

«Государь должен быть и любим, и должен внушать страх, но... гораздо безопаснее внушать страх, если нужно предпочесть одно из двух. Поскольку любовь тянет за собой цепь обязательств, которую эгоистичные люди обрывают, даже если она служит их целям; но страх устанавливается боязнью наказания, которая не проходит никогда», – писал Никколо Макиавелли, сторонник жесткой и сильной власти, в своей знаменитой книге «Государь».

«Я держал свой народ между страхом и надеждой», – говорил Тамерлан.

Чего больше было в душах советских людей к своему вождю Иосифу Сталину – страха, любви или надежды, не знают ни статистика тех лет, ни исследователи его сочинений, где он сам не обмолвился на сей счет ни единым словом.

Но бесспорно, что при Сталине Советский Союз превратился в могучее государство, выиграл самую кровопролитную из войн, за невысказанно короткий срок восстал из руин, стал обладателем мощного ядерного оружия, создал все предпосылки для того, чтобы наша страна первой покорила космическое пространство. Бесспорно, что с именем Сталина связаны и страшные репрессии 1937-1938 годов. Бесспорно, что после его ухода Союз какое-то время по инерции сохранял движение к прогрессу, а затем последовали застой и распад государства.

При этом Сталину, как никакому другому руководителю СССР, досталось столько разрушительной, очернительской критики его личности, что она постепенно затмила в сознании последующих поколений все его деяния на благо страны. Речи с самых высоких трибун, сотни книг, кинофильмов стремились и стремятся внушить многомиллионной аудитории только одно: Сталин – это злодей, черное пятно на истории СССР. Масштабность этой кампании, длящейся более полувека, порождает результаты, которые уже сегодня заставляют здравомыслящих людей хвататься за головы. Но об этом чуть позже.

Что же настораживает и огорчает меня? С годами людей, понимающих суть проблемы, становится всё меньше, а социальный пласт тех, у кого утрачен иммунитет против навешивания ярлыков, кто не способен сам проанализировать факты истории и сделать верные выводы, становится всё больше. Ведь только в осмыслении прошлого, в правильном его истолковании заложен код, открывающий двери в их будущее, в будущее их страны.

Однако не хочется терять надежды на способность людей к просвещению. Возможно, мое объяснение того, что собственно вменяют Сталину в вину, откроет глаза хотя бы какой-то части наших современников.

Итак, обвинение Сталину было впервые публично предъявлено Троцким. Обвинялся Сталин в национал-большевизме и контрреволюции. Вкратце напомним, о чём речь.

После победы в гражданской войне большевистское руководство разделилось в своём понимании дальнейшего исторического пути. Для Троцкого и его единомышленников – вчерашних профессиональных революционеров – заниматься рутинным созидательным трудом, восстанавливая хозяйство пусть и великой страны, было скучным занятием. Они считали, что всё госу-

дарственное строительство должно проходить в рамках большого концентрационного лагеря. Идеология одна – марксизм. Всё старое – на свалку истории. Долго ли продержится страна с такой идеологией как независимое государство, троцкистов не интересовало. Россия в их планах была необходима лишь в качестве экономической базы для осуществления более важного проекта - всемирной пролетарской революции.

Но в рядах большевиков имелась и другая точка зрения на выбор исторического пути. Автором её был Ленин. Он предложил сначала построить социализм в отдельно взятой стране, а затем уж нести его по планете. Социализм по-ленински виделся не в принуждении к труду через насилие, а в осознании труда как блага. После смерти Ленина его дело поддержал Сталин.

Избавившись от наиболее одиозных теоретиков троцкизма во главе с Троцким, Сталин стал менять идеологию жизни страны с революционно-интернациональной на народно-национальную. В 1934 году (после коллективизации) были возвращены звания офицеров среднего и младшего звена в Армии, восстановлены в правах казаки, возвращена свобода служения в церквях, появились фильмы и книги о... !!! русских царях (Пётр Первый, Иван Грозный), где монархи рассматривались, кроме всего прочего, и как собиратели, строители мощного государства.

В среде троцкистов всё это расценивалось как предательство идеи марксизма о мировой революции. Сталина стали обвинять в национал-вождизме. Большинство недовольных сталинскими «замашками» на русский трон, были профессиональными революционерами, и работали они все, как правило, во власти. За первые десять лет строительства социализма в отдельно взятой стране они так нахлебались этих социалистических будней (нужно вспомнить, какими темпами шло восстановление промышленности в то время, чтобы понять меру ответственности за порученное дело), что уже хотели бы чего-нибудь более возвышенного.

Троцкий издалека настойчиво убеждал товарищей в насильственном отстранении от власти Сталина. Несмотря на полувековые старания эстетов от истории убедить наше общество в том, что троцкистские заговоры - это плод паранойи Сталина, публикуемые по этой теме материалы последних десяти лет убедительно доказывают - заговоры были.

Реакцией на предательство для любого здравомыслящего человека будет защита. В зависимости от степени рисков от предательства, будет зависеть степень защиты. Степень защиты Сталина была наивысшей. Кто не понимал Сталина, тот использовался им в общем деле до момента, пока не становился вреден этому делу. В 1933 году к власти пришёл Гитлер, после чего Сталин сразу начал готовиться к войне. Подготовка эта была масштабной, касаясь, в том числе, идеологии. Будущую войну невозможно было выиграть с Интернационалом. Возникла нужда в чувстве любви к Родине. Это возможно было сделать через возрождение исторической культуры. Сталин на трон не замахивался. Он на нём сидел. Поэтому те, кто не поняли его, оказались в смертельной оппозиции.

Обвинение в необоснованных репрессиях соратников по партии, а так же в насаждении культa личности, прозвучало в адрес Сталина спустя три года после его смерти из уст самых ближайших его коллег. С тех пор тема сталинских репрессий стала излюбленным коньком защитников будущего человечества.

Возвестив на XX съезде о якобы имеющихся свидетельствах кровожадности Сталина, но никому их не показав, Хрущёв запустил проект под названием Солженицын. Потоки, мягко говоря, недостоверной информации проливались на СССР-Россию миллионными тиражами более тридцати лет. При этом такой прекрасный документальный материал как книга М.Сейерса и А. Кана «Тайная война против Советской России», изданная в СССР в 1947 году, в 1956 году была запрещена. Стоит прочесть эту книгу, чтобы понять истинный масштаб заговора против Сталина, а так же то, какой путь был уготован России-СССР Троцким и компанией на рубеже конца тридцатых годов прошлого века в случае его реализации.

Что же касемо репрессий, то тут один интересный момент получается. Сталину ставят в вину репрессии именно 1937-38 года, считая этот отрезок самым мрачным из всего советского периода. Но это не так.

Если глубину мрачности измерять человеческими жизнями, то самыми мрачными были годы Гражданской войны, унёсшей насильственной смертью почти 12 процентов населения. Сколько было вынесено смертных приговоров за период репрессий

1937-38 года известно точно. Это 0,4 процента тогдашнего населения. 12 и 0,4 – цифры несопоставимые.

Но через литературу, кинофильмы в сознание людей заносится траурной полосой лишь 37-й и 38-й год. При этом личности репрессированных именно в эти годы превозносятся как невинно пострадавшие, не запятнавшие себя перед делом революции ничем. По их версии Сталину-вождю-царю честные партийцы были не нужны, поэтому он от них избавился.

То, что абсолютное большинство подвергшихся репрессиям в 37-38 годах сами занимались именно тем же – репрессиями – в отношении целых слоёв общества в недалёком прошлом (дворянство, офицеры, крестьяне, кулаки, духовенство), это никого не смущает. Абсолютное большинство репрессированных в 37-38-м, говоря современным языком, были элитой советского общества. То есть Сталин убирал тех руководителей, кто его не понимал, а значит и не был способен передать его мысли народным массам. Сталин в 1937-38 не боролся с народом, он обрешал элиту, которая своим явным и скрытым непониманием мешала его планам, планам партии. Нередко железная пята репрессий карала разного ранга руководителей, повинных в гибели людей в недалёком прошлом.

Таким образом, становится понятным что те, кто всячески подчёркивает значимость трагедии именно 1937-38 годов, забывая или упоминая походя о жертвах Гражданской войны и коллективизации, являются продолжателями дела противников Сталина. Имя им – троцкисты. Обвиняют они Сталина в том, что он, сойдя с позиций марксизма, вместо распространения нового мирового порядка, называемого социализм, принялся как царь укреплять своё государство. При этом элита, вместо наслаждения от власти, вынуждена была находиться в постоянном страхе от того, что её ненависть к тирану станет ему известна.

А ненавидеть Сталина было за что. Он заставлял работать, строго спрашивал за ошибки и не прощал предательства. Сталин не был самодуром. Все важные решения он принимал на основе тщательного анализа многими специалистами.

Например, решение о коллективизации было принято им после изучения обстоятельного исследования ситуации с хлебом, представленного известным учёным В.С. Немчиновым.

В 1947 году в СССР началась борьба с «низкопоклонством» перед Западом. Этому решению предшествовала длительная переписка Сталина с П.Л. Капицей, согласно мысли которого недооценка своих сил и переоценка западных являлись одним из главных недостатков в советской творческой технической среде.

Прошло 10 лет, и наши люди первыми вышли в космос. Вот результат от принятых решений. И, наоборот, можно привести пример, к чему не прислушивался Сталин. Прочитываем часть предложений известного любителя детей К.И. Чуковского из письма, отправленного им в мае 1943 года Сталину:

«Глубокоуважаемый Иосиф Виссарионович!

После долгих колебаний я наконец-то решил написать Вам это письмо. Его тема – советские дети».

Большинство детей удовлетворяло Корнея Ивановича, но вместе с тем, имелась «обширная группа детей, моральное разложение которых внушает мне тревогу... Около месяца назад в Машковом переулке у меня на глазах был задержан карманный вор», который «до сих пор как ни в чём не бывало учится в 613 школе... во втором классе... Фамилия этого школьника Шагай... Район возражает против его исключения... мне известно большое количество школ, где имеются социально опасные дети, которых необходимо оттуда изъять...

Для их перевоспитания необходимо раньше всего основать возможно больше трудколоний с суровым военным режимом... Основное занятие колоний – земледельческий труд. Во главе каждой колонии нужно поставить военного. Для управления трудколониями должно быть создано особое ведомство... При наличии этих колоний можно (вдумайтесь! – авт.) произвести тщательную чистку каждой школы: изъять оттуда всех социально опасных детей...

Прежде чем я позволил себе обратиться к Вам с этим письмом, я обращался в разные инстанции, но решительно ничего не добился... Я не сомневаюсь, что Вы, при всех Ваших титанических огромных трудах, незамедлительно примете мудрые меры...

С глубоким почитанием писатель К. Чуковский».

Если бы Сталин действительно страдал расстройством психики, то прислушался бы к предложениям друга детей, и, возможно, страна чукоккола (за создание которой получила солже-

ницынскую премию 2011 года внука великого деда) сегодня имела бы иной вид.

Сталин создал для элиты такой «климат», при котором держаться в обойме руководителей было возможно либо при осознанном и, соответственно, творческом исполнении его воли, либо при тупом исполнении его приказов до мелочей. При этом тупые исполнители приказов находились у власти срок, объективно отведённый временем их востребованности.

Страх части элиты перестать быть востребованными, породил явление, названное культом личности. Чиновники, тупо отработывающие часы, как молитву не забывали здравицу во имя вождя народов по три раза на день. При этом сам Сталин манией величия не страдал и относился отрицательно к возвеличиванию его фигуры.

Поскольку причину всех своих страхов часть элиты видела в Сталине, то и вину за созданный ими самими культ личности они возложили на Сталина. Если очень просто, то претензии части элиты выразились в отрыве Сталина от своих соратников, в постоянном подчёркивании равенства людей труда и элиты, в разной мере ответственности за ошибки (при Сталине спрос с руководителей был строже, чем с исполнителей). В общем, гнобил царь-батюшка своих бояр почём зря.

Хулители Сталина заклеили также его идейную платформу. Отклонился-де от марксизма и скатился в управлении до национал-вождизма. Короче, не нужно было мешать реализации глобального проекта с названием «социализм по Троцкому-Марксу», а также следовало дать элите возможность жить по-барски. Вот тогда бы и обвинений в его адрес резко поубавилось.

Скажите, что с неотроцкистами автор перегнул палку. Отнюдь. Процесс «десталинизации» общества – это директива, спущенная верховной властью. Не будем вдаваться в подробности планов Троцкого в случае его победы (расчленение СССР, передача огромных территорий в управление Западным компаниям)...

Но что не удалось Троцкому и компании тогда, удалось его последователям в наше время. Если учесть, что верховная власть, как носительница основополагающей идеи, как некий стержень державы, после Сталина стала расшатываться, а при Горбачеве и вовсе перестала быть таковой, то распад СССР, к чему с пода-

чи неотроцкистов приложил руку, конечно же, и Запад, вполне объясним. Дальше хулители Сталина взялись за Россию, правопреемницу СССР. В тандеме с антироссийскими международными силами выстраивается такая логическая цепь: злодей Сталин, а именно такой его образ был создан за десятилетия, сродни Гитлеру, два сапога пара. Нынче уже это, не встречая отпора у Москвы, звучит как аксиома. Первое звено цепи сдано без боя. Но когда свергают кумира такого масштаба, перечеркивается, принижается и все то, что было сотворено, достигнуто при нем. Одно искажение тянет за собой следующее. Акценты смещаются. Приравняв Сталина к Гитлеру, наши и западные неотроцкисты с легкостью вытаскивают на свет новые звенья цепи. Поскольку, дескать, каждый народ достоин того правителя, которого имеет, советский народ, как и немецкий, был в ту пору пропитан духом милитаризма и обе страны были настроены захватнически. Значит, ни о какой освободительной, Великой Отечественной войне советских людей и говорить нечего. Кто-то из воюющих сторон добивался успеха вначале, кто-то потом – вот и все. А раз так, господа-товарищи, следует пересмотреть итоги второй мировой войны и вернуть ряду пострадавших стран отошедшие к СССР в 1945 году их территории. Вот так, не больше, не меньше. К этому звену уже подбираются вовсю. А российские власти все никак не поймут (или делают вид?), откуда все началось, где точка отсчета этих наглых притязаний. То расшаркиваются перед поляками, сдавая им секретные документы времен Сталина, то ведут утонченную дипломатию с японцами, требующими отдать им Курилы... А не проще ли на тех же Курилах установить многометровую статую Сталина, который с мудрой улыбкой прищуривается на страну восходящего солнца, и подкрепить его улыбку соответствующим военным арсеналом? Может, это отрезвит воинствующих молодчиков. Фантазии? Но ведь как посмотреть...

КУЛЬТУРА

Камиль МОЛДОСАНОВ

МОГ ЛИ ВОСХИЩАТЬСЯ ТАКИМ ПОСТУПКОМ ХЕМИНГУЭЙ?

Недавно мир получил фильм «Король говорит!» (“The King”s Speech”), который удостоился «Оскара» в четырёх номинациях. История эта о короле Георге VI-ом, отце нынешней королевы Великобритании Елизаветы II. А стал Георг VI-ой таковым неожиданно для самого себя – благодаря «братской помощи» гламурного Эдуарда VIII, правившего меньше года после умершего отца, короля Георга V-го.

«Всё могут короли!.. Но что ни говори, жениться по любви не может ни один, ни один король...»... Оказывается, не всё могут! Могут, женясь, потерять корону. Вот только вздумал Эдуард Альберт Кристиан Джордж Эндрю Патрик Дэвид (это всё – Эдуард VIII) жениться на миссис Уоллис Симпсон, как под давлением англиканской церкви, правительства и двора был вынужден отречься от престола в пользу младшего брата, принца Альберта (он же – Георг VI).

В книге Юрия Папорова «Хемингуэй на Кубе» (изд-во «Советский писатель», М., 1982 г.), в рассказе «Кто сильнее всех на свете?» описано, как Хемингуэй встретил в океане, во время охоты на марлина, яхту с Эдуардом VIII-ым. В основу истории легли рассказы Грегорио Фуэнтеса (он в тот день стоял за штурвалом катера «Пилар») и других друзей Хемингуэя, которые были с ним на «Пилар». Хемингуэй спрашивает друзей: «Кто сильнее всех на свете?», и один из них отвечает: «Лично для меня, Эрнесто, сильнее всех на свете – слабая женщина». И в подтверждение –

«рояль в кустах!» – встреча в море с Эдуардом VIII-ым, которого женщина вынудила отречься от трона ради любви к ней! Хем восхищается мужским поступком Эдуарда VIII-го, выбравшего любимую женщину ценой потери короны Британской империи...

Далее в рассказе описан приём у соседа Хемингуэев, трамвайного короля Кубы Франка Штейнхарта, в честь Эдуарда, куда приглашён и Хемингуэй с Мэри. На протяжении всего приёма Хем издевается над ненавистным соседом, и главное – якобы, чтобы насолить ему, – Эрнест приходит на вечер, нарушая «дресс-код»: в шортах и стоптанных домашних шлёпанцах на босу ногу, с опозданием, не въехал через ворота, как все гости, а пролез сквозь дыру в заборе, да ещё и со своим спиртным и прислугой для приготовления любимых им коктейлей.

Сегодня становится ясно, что рассказ этот явно художественный, что Папоров додумал его. Сегодняшний читатель может озадачиться: неужели мачо Хем восхищался этим слабым человеком, Эдуардом VIII-ым? Неужели Папоров не знал, что Эдуард был до Второй мировой войны и во время её в контакте с Гитлером и его окружением? Неужели Хем, который нарушая международные правила для военных корреспондентов (не брать на фронте оружия в руки), открыто воевал против фашистов в Испании и Франции, чей сын Джон был ранен во время Второй мировой и пленён фашистами, неужели Хем, который расстался со своим парижским другом Эзрой Паундом, которого раньше очень любил за доброту, дружбу и поэзию (вспомните в «Празднике, который всегда с тобой» его строки о Паунде), когда тот стал апологетом фашизма, – и этот Хем так запросто пошёл на приём в честь нациста Эдуарда VIII-го?? Очевидно, Хемингуэй знал что-то об истинных причинах отречения Эдуарда, если даже не читал светскую хронику. Ну, и выразил своё отношение! И издевательское отношение к соседу, очевидно, – беллетристика от Папорова, а вот появление Хемингуэя в домашних тапках и шортах среди гостей в смокингах – адресовано, по-моему, Эдуарду. (Раньше он в подобных случаях мог и подражаться, но тут, очевидно, сдержался).

В последние годы на англоязычных сайтах Интернета появилась информация об Эдуарде VIII-ом и миссис Симпсон из рассекреченных архивов ФБР и МИ-5. Чтобы стало понятнее, почему современный читатель может удивиться версии Ю. Папорова, перескажем кратко историческую канву событий британского двора в 1930–40 гг.

20 января 1936 г. умирает король Георг V. Корона Британской империи переходит к Эдуарду VIII. Германский посол в Лондоне шлёт каблогранму личному вниманию Гитлера: «Ему [Королю Эдуарду VIII] срочно необходим альянс между Германией и Британией». Ещё в 1934 году политические взгляды Эдуарда вызвали скандал во дворе: он разделял взгляды Британского союза фашистов. Личный секретарь Эдуарда считал, что «по каким-то наследственным или физиологическим причинам его умственное развитие остановилось, когда он достиг юности».

В ночь на 11 декабря 1936 г. Эдуард отрёкся от престола, а 3 июля 1937 г. женился на Уоллис Симпсон; произошло это во Франции. Теперь он и его жена имели титул герцога и герцогини Виндзорских.

В октябре 1937 г. Эдуард и Симпсон посетили нацистскую Германию и встретились с Гитлером. Визит широко освещался германскими СМИ. Во время визита Виндзоры приветствовали немцев нацистским приветствием. Соратник Гитлера Альберт Шпеер буквально цитировал фюрера: «Я уверен, что через него [Эдуарда] мы могли бы достигнуть устойчивых дружественных отношений. Если бы он остался, всё было бы иначе. Его отречение – тяжёлая потеря для нас».

13 октября 1937 г. в нацистской Германии герцога Виндзорского приветствовали эсэсовцы.

В октябре 1937 г. Виндзоров принял Гитлер, они обедали с Рудольфом Гессом и посетили концентрационный лагерь.

Виндзоры осели во Франции. В сентябре 1939 г., когда началась Вторая мировая война, их вернули в Британию, и герцог, хотя был почётным фельдмаршалом, получил звание генерал-майора и был прикомандирован к Британской Военной миссии во Франции. Есть свидетельства, что в феврале 1940 г. герцог выдал нацистам военный план обороны Бельгии.

Когда в мае 1940 г. немцы заняли север Франции, Виндзоры уехали на юг Франции, в Биарриц, а затем в Испанию. В июле 1940 г. пара переехала в Лиссабон, где жила в доме португальского банкира, имевшего контакты как с англичанами, так и с немцами.

Во время оккупации Франции герцог Эдуард попросил германских военных поставить охрану у его домов в Париже и на Ривьере. Немцы выполнили эту просьбу. Пораженческое интервью Эдуарда переполнило чашу терпения правительства Британии, и премьер-министр Черчилль пригрозил Эдуарду военным судом, если тот не вернётся в Британию.

В августе 1940 г. британский военный корабль отвёз пару Виндзоров на Багамские острова, где, по мнению Черчилля, «герцог нанесёт меньше ущерба британским военным усилиям». Герцог Виндзорский стал губернатором Багамов. На Багамах Эдуард ясно заявлял журналистам о своих взглядах: о багамцах (которых он считал недочеловеками), о Гитлере («для мира стало бы трагедией поражение Гитлера»), о будущем Америки и своей судьбе («после войны, когда Гитлер разобьёт американцев, мы своё возьмём... Они [британцы] не хотят, чтобы я стал их королём, но я вернусь, чтобы стать их главой»).

Многие историки считают, что Гитлер планировал снова посадить Эдуарда на британский трон после захвата Британии.

Президент США Франклин Рузвельт приказал установить негласное наблюдение за герцогом и герцогиней. До ФБР дошла информация о связи герцогини с Иоахимом фон Риббентропом, бывшим послом Германии в Лондоне, и о том, что этот контакт сохранился: через него происходила утечка секретов к немцам, что угрожало союзническим силам. Есть сведения, что в конце войны по приказу королевской семьи в Германию был послан агент МИ-5, чтобы захватить чувствительную переписку между герцогом Виндзорским и Гитлером и другими нацистскими лидерами.

**Герцог и герцогиня
Виндзорские в день
свадьбы**

Эдуард VIII и Уоллис Симпсон с любимыми собаками в парижском отеле «Ритц»

Из рассекреченных материалов ФБР и МИ-5 выясняется, что:

* Двору и правительству Британии ещё до Второй мировой войны были известны пронацистские взгляды как Эдуарда, так и его любимой женщины, миссис Симпсон. Двор и правительство не желали заполучить короля-нациста вместо умершего Георга V-го.

* Чтобы избавиться от Эдуарда, королевский двор и правительство воспользовались тем, что избранница Эдуарда была дважды разведённой женщиной неблагородных кровей, да ещё и американка. То есть, они нашли повод и предлог и выдали их за причину. Правительство дало знать Эдуарду, что подаст в отставку в случае женитьбы Эдуарда на миссис Симпсон.

* Поиск разрешения кризиса облегчался тем, что двор и правительство знали, что ещё в юношеские годы Эдуард тяготился мыслью, что станет королём после смерти отца – Эдуард не хотел нести груз ответственности и предпочитал жизнь плейбоя. По-видимому, решение далось Эдуарду без особых мук: он решил отречься от трона.

* Версия для всех, которая усиленно поддерживалась в британском обществе: король Эдуард VIII оставил трон ради любимой женщины. Внешне – романтическая версия! И она устраивала как правительство, так и подданных короны.

По-видимому, когда Ю. Папоров писал книгу, он тоже был в плену романтической версии. К сожалению, задать вопросы самому Юрию Николаевичу Папорову мы уже не сможем: умер он недавно, 12 мая 2010 г., пережив свою жену, известную советскую российскую певицу Валентину Толкунову на два месяца.

Юрий Папоров и Валентина Толкунова с сыном Колей и племянницами певицы Соней и Женей (1982 г.)

Американские исследователи творчества Хемингуэя не могли собирать материал о нём на Кубе из-за плохих отношений между США и Кубой. Поэтому сегодня они отмечают достоинства книги Папорова, переведённой на испанский и английский языки, считая, что это лучший документ о последней трети жизни писателя. Американские хемингуэеведы были потрясены, узнав от Папорова, что Мэри после смерти Эрнеста в течение десяти (!) дней сжигала архив Хемингуэя на Кубе! Об этом Папорову рассказала прислуга Хемингуэев. Кстати, литературоведы до сих пор считают, что Хэдли (первая жена писателя) безвозвратно потеряла чемодан с рукописями Хемингуэя на Лионском вокзале Парижа. Просто они мало знакомы с исследованием Юрия Папорова...

Марта Гелльхорн и Эрнест Хемингуэй. Кто кого танцует? Может, и Марта – Эрнеста!

Кто в этой паре был ведущий, а кто ведомый? Во всяком случае, как военный корреспондент, Марта не уступала Эрнесту ни

на войне в Испании, ни в разведкомандировке в Китай (её инициатива!), ни при открытии Второго фронта в Нормандии (она высадилась во Франции, он же лежал в госпитале в Лондоне), а до этого не побоялась добираться из Америки в Англию на военном транспорте с динамитом через Атлантику, кишашую немецкими подлодками (а Эрнест полетел самолётом). Марта была единственной женщиной на корабле. Представляю, чего она наслушалась от суеверных моряков («женщина на корабле – быть беде!»), да ещё при таких обстоятельствах!

У журналистки было столько прыти, что лидерствовать в их паре Эрнесту было нелегко... Вот и расстались. «Кто сильнее всех на свете?». Конечно, женщина!

(В тексте использованы фотографии из Интернета)

Талип ИБРАИМОВ

Очарованный странник

Он жил, словно летел, спешил что-то не успеть закончить, к кому –то опоздать с помощью.

Вдруг появлялся среди уличной толчеи, лёгкий, стремительный, и, мельком кивнув, пролетал мимо, или оставался и, отведя на обочину тротуара, раздражался вдохновенными тирадами на самые неожиданные темы. Видимо, подспевало время разрядиться, чтобы потом идти дальше и наполняться новыми смыслами. И эти тирады – выброс невзначай, подарок от души сожителю по планете.

Очарованный странник. Вечный юноша.

Разговор с Альгисом всегда обретал характер вольных импровизаций, в чём-то эклектичный, но привлекательный непредсказуемостью образов, рефлексий. Зная о его недюжинной эрудиции, можно было, конечно, направить русло беседы на какую-то определённую проблему, но опасаясь оборвать полёт его воображения и таким образом оборвать повествование, которое, даже если малопонятно, всегда захватывало.

А. Видугирис приехал в Кыргызстан в 1962 году после окончания ВГИКа. На три месяца, как думалось сначала, но остался навсегда. Творчество Видугириса стало неотъемлемой частью национальной культуры кыргызов. Оператор, сценарист, режиссёр, писатель, философ.

Приезд уроженца нежной Балтии в край суровых гор

– осознанный выбор и, как утверждал Альгис, был предопределен свыше. Ещё в студенческие годы он сотрудничал с институтом Востоковедения, и, снимая фильмы для конгрессов учёных, прошёл Среднюю Азию. Одна из экспедиций искала следы матриархата, цивилизации, быть может, более высокой, чем нынешняя. По их предположениям, именно в проявлениях цивилизации матриархата может таиться формула гармонии, обрести которую жаждет человечество, и которая пока недоступна грубым штампам мужских стереотипов.

- Следы нашли, - печалился Альгис, - но таких, по которым можно построить логику научной системы – не удалось. Быть может, искомая формула гармонии, всё-таки, не в пыли веков, а в глубине человека, которую не устаёт исследовать искусство, и наиболее осязаемо – кинематограф.

Уже первые фильмы Видугириса «Обращенные к солнцу», «ПСР», «Вахта» принесли награды на кинофестивалях и привлекли внимание видных деятелей мирового кинематографа и свидетельствовали о режиссёре как о своеобразном художнике, счастливо сочетающем конкретность изображения с устремлённостью к философским обобщениям. Каждый факт, каждого человека режиссёр видит в перспективе идеала, смысла жизни – и никак не меньше!

Несложно обозначить принципы, но каких трудов и мужества стоит их придерживаться!

В фильме «Перекрытие» есть головокружительный кадр: человек, распластавшись по канату, рискуя каждую секунду сорваться вниз, пробирается над бушующим Нарыном. Этот человек – сам режиссёр А. Видугирис. Этот кадр – метафора творчества режиссёра, если попытаться кратко и объёмно оное определить. Всё на грани риска, на грани дозволенного. Ради чего? Ради убедительности героического труда людей, перекрывающих горную реку? Безусловно, и это предполагалось. Но идея фильма в другом: перекрытие своей косности, трусости, привычек ради непрерывности духовного развития. А бурная река, риск –

это образ бесстрашия, которым человек должен обладать не для поступков напоказ, которые имеют статус героического, а для тихой незаметной работы по своему совершенствованию.

В 70-е годы прошлого столетия завершилось самое масштабное строительство за многовековую историю кыргызов – Токтогульская ГЭС. Видугирис как режиссёр-оператор ещё со стадии проекта соучастник великой стройки, неустанно снимавший репортажи, на основе многолетнего сотрудничества смонтировал полнометражные документальные фильмы: «Нарынский дневник», «Токтогульское море – день первый», «В год неспокойного солнца», которые завоевали множество наград на Международных кинофестивалях и стали гордостью отечественного кинематографа. Безусловно, будь режиссёр порасторопней, он на волне общественного подъёма, политического ажиотажа вокруг грандиозной стройки, летописцем которой он являлся, бросился бы на глаза власти, и ходил бы колесом выгнув грудь, на которой перезванивались бы награды. Но мы уж как-то привыкли к тому, что власть за толпой вымогателей и попрошайек наград почти не видит достойных.

Строители присвоили Видугирису звание почетного строителя Токтогульской ГЭС. Впрочем, Альгису фильмы не важны с точки зрения принесенных наград, а важны для того, чтобы понять, насколько он вырос сам как мастер, насколько расширились горизонты его духовно-нравственных поисков и не пошел ли он на поводу социального заказа? Диалогия о Токтогульской ГЭС – это не только летопись стройки, а прежде всего – исповедь художника, художественное исследование человека, поиск гармонии между человеком и обществом в их движении к плодотворному сосуществованию. За размахом событий режиссёр никогда не забывает отдельного, конкретного человека и не устаёт утверждать, что процессы, происходящие в нравственном мире этого конкретного человека, не менее значительны, чем великие стройки. Масштаб и конкретность, пафос и лиризм, народ и личность – соединение

таких разнополюсных начал в цельное, органическое повествование позволяет отнести документальные фильмы Видугириса к уникальным явлениям мирового кинематографа. Эти фильмы в качестве учебных пособий используются в программе ВГИКа и других творческих ВУЗах стран ближнего и дальнего зарубежья.

Каждый истинный художник, расширяя диапазон своего творчества, стремится полнее запечатлеть свой образ мира. Видугирис в своей деятельности не раз обращался к игровому кино. Он снял короткометражные игровые фильмы «Очкарик», «Это не беда», «Замки на песке», «Сказ о колесе и чинаре», полнометражные игровые фильмы «Мужчины без женщин», «Катастрофу не разрешаю». Фильмы разные: знаменитые и не знаменитые, деловитые и праздничные, везучие и невезучие, но все – одухотворенные жаждой высоких смыслов, согретые жгучим интересом к человеку, обыкновенному гомо сапиенс с его достоинствами и пороками. Режиссёр не возводит многозначительных конструкций, своё видение, свой образ мира он раскрывает через самые заурядные, понятные всем истории. Например «Замки на песке» (кроме региональных призов, четыре международных приза, таких как «Золотой дракон», «Золотая статуэтка») - фильм с очень простым сюжетом. Мальчик на берегу озера из мокрого песка возводит замки. Набегающая волна смывает замки. Мальчик начинает сначала. Его одержимость захватывает зевак, и они начинают тоже возводить замки. Закрывая горизонт, приближается волна, светит солнце. Фильм – изящная притча, заражает своей искренностью и самым естественным образом выводит на многозначные поэтические, философские обобщения.

Новое время, когда многие классики кино со всех ног бросились ловить удачу в бизнесе, в политике, не внесло существенных корректив в жизнеповедении Альгиса, ибо он всегда был сосредоточен на легализации своего внутреннего мира. У него авторская программа «Забутые боги Евразии» на ЦТ в Москве. Круг исследований Видугириса – взаимодействие культур Востока и Запада, поиски их

общих корней в древности. Когда программу закрыли – а это часто случается в наше неустойчивое на принципы время – Альгис засел за романы, философские трактаты, как давно мечталось.

Какое счастье ни от кого не зависеть, сам себе режиссёр, сценарист, декоратор, костюмер и не надо унижительных хлопот о финансировании, о пролонгации и т.д. и т.п. Сиди себе – и пиши, отправляйся в странствования по времени и пространству и твоя путеводная звезда - не жалкие установки насквозь заклишированного мира, а зов собственного сердца, высота собственной мысли..

Видуگیرис - автор трёх романов: «Орда», «Гибель Прометея», «Овидий в ссылке», объёмного философского трактата: «Создание и конструирование мифо -поэтических образов или Химеристка». Они пока не изданы, хотя есть восторженные отзывы из признанных научных центров. Перед нами отрывок отзыва из МГУ имени Ломоносова из Москвы: «По-настоящему оригинальный, едва ли беспрецедентный проект, в котором глубокая научная идея реализуется средствами высокого искусства. Известный тезис об обучении как творчестве обретает здесь буквальный смысл...»

Подобные отзывы ещё можно продолжить, но что толку – ведь сегодня всё решают не мыслители. Я не бог весть какой судья и романам и научным трудам, но нисколько не удивлюсь, если, когда эти книги будут изданы, общественность заговорит о Видуگیرисе – писателе, философе, как когда-то говорили о феномене кинематографиста Видуگیرиса.

Он умер как жил. На лету. Осиротели семья, киргизский кинематограф и замыслы, воплотить которые смог бы только он.

Альгимантаса похоронили на склоне Чон-Таша, как он завещал. Его сердце и дух остались с нами. Литовец по рождению, по сути жизни он стал патриотом Кыргызстана. Его фильмы представили миру образ страны и народа и вошли в сокровищницу мирового искусства. Такое по плечу немногим.

Гулбара ТОЛОМУШЕВА

Литовец, оставивший след на кыргызской земле

В летописях об истории Бишкека и его жителях можно вычитать не одну легенду о том, как и почему литовец Альгимантас Стасевич Видугирис сорок с лишним лет назад оказался в Кыргызстане. Самая яркая та, что вышла из-под пера публициста Валерия Сандлера.

Итак, 1962 год, Москва. Альгимантас - выпускник ВГИКа – принял решение ехать на Дальний Восток. Но в тот самый день в кассе вокзала билетов не оказалось.

- Приходите через два дня, - отправим точно по назначению! – обнадежила молодого человека кассирша.

Два дня Альгис провел в московском Доме кино на показах кыргызских фильмов. Он открыл для себя замечательную землю по имени Киргизия, ее простых одухотворенных людей, выпасавших скот на прекрасных пастбищах, прокладывавших дороги в непроходимых горах, сеявших хлеб и растивших крепких детей.

Через два дня Альгис точно знал, что билет ему нужно брать до Фрунзе (ныне Бишкек). В Киргизии он встретил девушку своей мечты Розу Табалдыеву, создавшую в фильме «Зной» образ-символ возвышенных устремлений юношей-шестидесятников. Роза родила ему сына и дочь.

А еще через несколько лет эстетствующие профессионалы и рядовые кинозрители, затаив дыхание, смотрели фильмы Видугириса «Нарынский дневник» и «В год

неспокойного солнца», документальные эпопеи о возведении Токтогульской ГЭС. Смотрели, как детектив с погонями, каскадами трюков и – главное – с глубокой жизненной философией. Среди игровых его картин широко известны культовые ленты: «Очкарик», «Сказ о человеке, колесе и чинаре», «Мужчины без женщин». Но самым его знаменитым фильмом остается шедевр «Замки на песке». Маленький кыргызский мальчик покориł зрителей в разных странах мира своей нравственной силой и бескорыстностью, вновь и вновь создавая замки на песке, век которых сиюминутен, призрачен, не вечен, но вечны одухотворенность, озарение, творчество. Эта, пожалуй, основная тема в творчестве Видугириса: человек, окрыленный красивой мечтой и его настырное стремление ее реализовать, во что бы то ни стало, вопреки обстоятельствам!

В знаменитом телефильме «Очкарик» режиссер вновь обратился к любимой для него теме – нравственной эволюции человеческой личности. В центре его внимания – дети. «Мне очень близка мысль замечательного польского педагога Яноша Корчака о том, что дети – сложившиеся личности, и мы, взрослые этого часто не понимаем, – говорит Видугирис. – Их волнуют многие знакомые миру старших проблемы: дружба, преданность. По жанру картина будет комедией о хлипком мальчишке, «очкарике», который решил стать «настоящим мужчиной».

А в какой обстановке формировался сам Альгимантас Видугирис?

Обратимся к его корням. Дед будущего режиссера – Казис был участником революции 1905 года на Красной Пресне, и мама Альгиса – Геновайте родилась в Москве в 1911 году. Поэтому, вместе с литовскими, можно говорить и о московских истоках происхождения Видугириса. В Литву семья Геновайте вернулась в 1923 году. Дед сначала не хотел ехать, верил в светлое братство людей в новом строящемся мире. Потом понял, что «ничего у них не получится, хозяина воспитывать надо, а у них временщики, поденщики». Прекрасный оружейник и кузнец, в народе

прослыл мастером «Золотые руки», став прообразом героя романа «Правда кузнеца Игнатоса».

А внук Альгис, будучи первокурсником ВГИКа, создал прекрасный фотопортрет деда, играющего на кларнете – Казис был музыкальным человеком.

«Помню, отложит инструменты, поиграет на кларнете и вновь за работу. После войны дед организовал ансамбль из трех человек – скрипка, аккордеон и кларнет, который разъезжал по Литве с концертами. Это же был страшный мир – мир без музыки, во время войны даже радио слушать запрещали. Но страшнее было после войны, когда не знаешь, что случится с тобой завтра – осудят, не осудят, повезут в Сибирь или нет. Я был еще маленьким, и не мог разобраться в двойственной ситуации – стыка светлого мифа приближающегося коммунизма и реалиях тоталитарной империи...» - вспоминал Видугирис.

Альгис Стасевич родился в 1936 году и успел пожить в буржуазной довоенной Литве. Что помнит он сегодня из раннего-раннего детства? Оказывается, до сорокового года в Литве не было голода. Только во время войны литовцы узнали цену хлебу: сутками стояли в очередях за куском хлеба в 200 граммов. В довоенной, независимой Литве проводились массовые акции в поддержку литовского товаропроизводителя, например, под девизом «Съешь лишнего индюка!». Литва была конкуренткой Дании на рынках Европы. Бурлила Литва, обильный был край. А теперь 100 лет потребуется для восстановления ее былой продовольственной мощи, в сердцах говорит режиссер. Но я осторожно замечаю: Литва уже покинула ряды развивающихся стран. Да, и в советское время литовцы жили стабильно. В конце 80-х я неоднократно бывала в Вильнюсе, и помню, какими вкусами были наполнены обычные продуктовые магазины!

Видугирис отвечает: *«Потому что соблюдалось негласное правило: сначала кормим своих, потом остальных».*

Тогда возникает вопрос: **«Почему Вы не стали работать на Литовской киностудии?»**

Видугирис: *«Эта студия была крайне реакционной. На любое принятое самостоятельное решение реакция следовала незамедлительно, причем не только в кино: если люди в колхоз не вступали, их расстреливали и неделями не хоронили. Тогда же был снят великолепный, но лжливый фильм «Никто не хотел умирать». В ответ я сказал, что работать на Литовской киностудии принципиально не буду, и уехал в добровольную ссылку. Именно в Киргизии нашел свою экологическую нишу – Нарынский каскад. Люди обуздали страшную реку. Энергетика, вода, море и никакой лжи. Единственный момент – тогда мы верили, что можно озеленить пустыню. А потом узнали о трагедии Арала...»*

До Киргизии у Видугириса было два главных интереса в жизни – энергетика и этнография, третьим - стали горы, величественные храмы природы, алтари в языческом понимании. Как-то к нему ксендз из Паневежиса специально приезжал помолиться на горе, чтобы оказаться поближе к богу. Здесь во всем превалирует поэтический взгляд..., заметил режиссер.

- Альгис Стасевич, горы Вы полюбили, оказавшись в Киргизии, энергетика завладела Вами во времена учебы на факультете гидротехники в Каунасе, а вот откуда возник интерес к прошлым эпохам человечества?

- Мой отец был книголюбом, он и привил интерес к искусству древнего мира, когда никто ни с кем не дрался и не спорил, царил плюрализм, ибо считалось, чем больше защита божественных сил, тем лучше. По сути дела, историю человечества, которую мы изучаем – мы изучаем со времен Вавилона, то есть со времени, когда на поток был поставлен выпуск кирпичей, когда началась техническая революция, но не история человечества! Я копаю очень глубоко, изучая материалы разных фондов, например, Пушкинского Музея в Москве, Венского университета, скоро собираюсь поработать в отделе редких рукописей Вильнюсского университета. Беда многих мифологов в том, что

они ученые с бухгалтерским складом мышления, не способные воспринять образы, запечатленные древними в камне, бронзе, глине и т.д. А так как я – кинорежиссер, могу создать сценарий и в картинках представить будущий фильм, то историю древнего мира спокойно считываю с визуальных посланий моих древних коллег, ведь это же раскадровки их жизненного пространства!

Альгимантас Видугирис нашел в Киргизии свою главную тему – возведение каскада Нарынских гидроэлектростанций. На первых порах строительство Токтогульской ГЭС представляло собой зажатую в скалах теснину, по которой, как разъяренный барс, нёсся вскачь тысячелетний Нарын. Будущую ГЭС с ее двухсотметровой плотиной, с четырьмя агрегатами по триста тысяч киловатт, с водохранилищем чуть поменьше моря средних размеров в те поры можно было увидеть на чертежах и в макетах – но уж никак не наяву. В чертежах предстал и теперешний город; а тогда вместо него стояло два десятка палаток, приютивших до лучших времен первых прорабов, первых бульдозеристов и скалолазов, писал публицист Валерий Сандлер. Давали палатки приют и первым операторам кинохроники, создавшим историю Токтогульской ГЭС «от первого колышка». Видугирис был среди них. В интервью журналу «Советский фильм» в 1973 году он скажет: «Я искал людей могучих сердцем и духом, а не бицепсами, которые могут все и даже более того. Они делали подчас в миллион раз больше, нежели ожидали от них. Мои герои должны побуждать зрителя заглянуть в себя, поверить в свои силы, шагнуть за узкие границы собственных нужд и потребностей. Главное для меня – проследить рождение нового человека нашего общества. Это требует пристального, длительного наблюдения, поиска. Поэтому документалист должен быть, прежде всего, исследователем. Вот уже несколько лет я снимаю строительство Токтогульской ГЭС. Снимаю сюжеты для киножурналов, об этой стройке и мои фильмы «Нарынский дневник» и «В год неспокойного солнца». Передо мной проходит удивитель-

но красочная картина Киргизии, картины разнообразных личностей и судеб. Я приезжаю на какую-нибудь стройку, живу здесь неделями, присутствую на рабочих совещаниях, принимаю участие во всеобщих праздниках. Одним словом, живу со строителями едиными интересами, единой жизнью. Эти люди и становятся героями моих лент. Надеюсь, что в будущем смогу рассказать о могучем герое, который совершил подвиг сродни подвигу Геракла. Этот герой – наш современник, советский человек, строитель Токтогульской ГЭС».

Видугирис нашел не одного Геракла во время строительства кыргызской великой стройки XX века. Героям Токтогулки режиссер посвятил свой дебют в игровом кино героическую балладу «Мужчины без женщин». В главной роли бригадира монтажников Касыма зрители увидели любимого актера Суйменкула Чокморова. Касым – прекрасный, душевный человек, ежедневно совершающий трудовой подвиг, но не подозревающий об этом, ибо для него - это повседневная работа.

Экстремальная ситуация (авария на высокогорной ЛЭП), предложенная авторами, способствует полному раскрытию характеров персонажей. Будучи высококвалифицированными специалистами, они устраняют аварию. Эпизоды в горах, когда на головокружительной высоте идет человек, балансируя на проводах, а также переправа бульдозера с одного берега на другой для выполнения работ по устранению аварии, очень впечатляющи и живописны: внизу бурлящая бездонная горная река и сверкающие на ней блики, суровые серые горные склоны...

Видугирис запечатлевал строительство высокогорной Токтогульской ГЭС с 1962 по 1977 годы. В метрах киноплёнки – это исчисляется сотнями тысячами. Пятнадцать лет (с перерывами на другие картины) длилась эта необычная киноэкспедиция. Что же в первую очередь так привлекло режиссера в момент возведения великой Токтогулки? «Она стала частью моей жизни, - ответил он. - Здесь живут мои товарищи-строители. Их дела меня волнуют не только как объект перед камерой. Они давно уже привыкли к моим

постоянным появлением. Мне даже присвоили звание – «Почетный строитель Токтогульской ГЭС» Очевидно, что на таких, масштабных стройках человек делается крупнее». Вот в «Нарынском дневнике» снят простой экскаваторщик Александр Ткаличев, у которого родилась мечта – подарить детям карусель, а свободное время он тратит на изучение высшей математики и весьма преуспевает в этом. Им движет внутренняя потребность в расширении своего кругозора, нравственный долг старшего и более мудрого перед младшим. Ткаличев имел всего два класса образования! Он засел за учебники, чтобы помочь сыну учиться в вузе, и одолел самые крутые вершины: дал два новых решения задач по высшей математике. Как такое чудо возможно? - удивляется Видугирис, и сам себе отвечает: у людей высвободились очень большие духовные силы.

Режиссер и его съемочная группа тоже совершили беспримерный подвиг, когда решившись проплыть по бешеной реке Нарын, чтобы зафиксировать пейзаж, уходящий на дно будущего моря. Водовороты закружились неистово, отшвырнув плот к диким скалам, но киносъемка среди бушующего ада продолжалась даже тогда, когда плот перевернулся, люди скрылись под водой: Видугирис в руках держал камеру с включенным аккумулятором, поэтому в фильм вошли кадры, снятые им под водой, а также кадры мига, когда плот перевернулся – это с берега снимал второй оператор Александр Кочетков!

Как потом писали многие эксперты, «Нарынский дневник» стал запечатленным портретом грандиозной стройки. Режиссер нашел точные, нестандартные ракурсы повествования. Бурный Нарын, снятый с плота, олицетворял мощь стихии, которую, тем не менее, удалось покорить смелым и отважным людям. Встреча с отшельником, нашедшим себе приют неподалеку от Токтогулки, привнесла в картину необходимую глубину и остроту осмысления происходящего. А рассказ о карусели, которую по ночам строил Ткаличев, стал духовным и нравственным тонусом всего кинопроизведения.

Следующий фильм «В год беспокойного солнца» ока-

зался для Видугириса тяжелейшим испытанием. 1974 год. Заканчивалось строительство Токтогулки. Но страшная засуха в кыргызских и узбекских долинах отодвигала на неопределенно длительный срок пуск ГЭС: вода, накопленная в водохранилище, могла спасти хлопок. О Токтогулке перестали писать, люди сотнями покидали стройку. Но кинематографисты продолжали снимать – теперь уже драму, катастрофу – к счастью, ставшей одним из этапов героической эпопеи возведения Токтогулки. Тогда же Видугириса осенило: он должен экранизировать дух стройки – ее нерв, патетику, драматургию.

Валерий Сандлер писал: *«Храня верность своей «Токтогулке», он снял «В год беспокойного солнца». По велению души и сердца. О несостоявшемся пуске станции в семьдесят четвертом году. О взрыве трехсоттонного затвора, спуск которого был в свое время грандиозным, праздничным событием, - в семьдесят пятом. О моральном, духовном подвиге токтогульцев, сделавших все, что было в их физических силах. О радостях их и печалях. О том, что радости – подлинные, а печали преходящи. Какими средствами он это показал – надо смотреть кино...»*

Альгимантас-Станисловас Стасевич Видугирис - кинорежиссер, кинооператор, писатель, публицист, ученый – в мире известен как Альгимантас Видугирис. Среди наград – Грамота Верховного Совета Кыргызской ССР (1968). Заслуженный деятель искусств Кыргызской ССР (1974). Лауреат премии Ленинского комсомола Киргизии (1977). Народный артист Кыргызстана (1982).

Георгий ХЛЫПЕНКО

Историческая проза Аммиана фон Бека

Писатель Аммиан фон Бек и ученый Амангельды Абдыжапарович Бекбалаев – одно и то же лицо. В первой ипостаси он исторический романист, во второй – доктор филологических наук, профессор, академик Российской Академии педагогических и социальных наук, декан гуманитарного факультета Кыргызско-Российского Славянского университета. Происхождение своего литературного псевдонима объясняет так: Аммиан – имя готского (древнегерманского) историка; фон – частица, присоединяемая к немецкой фамилии, а Бек – сокращение от фамилии Бекбалаев.

Писатель А. фон Бек вошел в русскоязычную литературу Кыргызстана не так давно – лет пять-шесть назад. За это время он опубликовал три исторических романа в семи книгах общим объемом около двухсот печатных листов, или более трех тысяч страниц. Это: *«Дорога в тысячу ли, или Сказание о дунганском народе»*, *«Хайреддин Барбаросса – легендарный османский адмирал»* (в двух книгах) и *«Гунны»* (в четырех книгах). Однако работа над романами началась значительно раньше и заняла более двух десятилетий.

Вышедшие произведения привлекли внимание читателей, получили положительные отзывы в периодике. Однако до сих пор историческая проза А. фон Бека находится вне поля зрения критиков и литературоведов, хотя она представляет, на наш взгляд, художественное явление в современной литературе республики. Данная статья в определенной мере восполняет этот

пробел и тем самым открывает дорогу для дальнейших исследований творчества А. фон Бека.

Длительное время историческая проза была синтетическим (нерасчлененным) видом литературы, объединявшем в себе историографию и художественную литературу. Процесс размежевания, начавшийся в эпоху Возрождения, завершился только в конце XIX–начале XX века. Тем не менее исторические сочинения Проспера Мериме, некоторые труды Жюль Мишле, Ипполита Тэна, Жозефа Ренана, Сергея Соловьева, Василия Ключевского, Евгения Тарле, Альберта Манфреда, стоявшие на высоком литературном уровне, рассматриваются как произведения художественной исторической прозы. Образцами исторической прозы в XX веке являются биографии великих людей, созданные Андре Моруа, Стефаном Цвейгом, жизнеописания серии ЖЗЛ («Жизнь замечательных людей»), а также серии ЖЗЛК («Жизнь замечательных людей Кыргызстана»), основанной писателем Александром Ивановым в 2003 году.

Вот такая литературная традиция стоит за плечами исторического романиста А. фон Бека. Сам автор называет свои произведения то историко-художественными, то художественно-историческими. И это вполне закономерно, ибо в исторической прозе балансируют два принципа воссоздания действительности: научный (исторический) и художественный (образный), – постоянно взаимодействующие между собой в разных пропорциях. Опираясь на исторические знания, писатель одновременно идет по пути творческого вымысла, без которого невозможно искусство; он изображает не только то, что было, но и то, что могло бы быть. В то же время вымышленные ситуации должны быть исторически возможными, а изображение подлинно исторических событий эпохи должно базироваться на достижениях исторической науки. Следовательно, произведения исторической прозы представляют собой не только познавательную, но и эстетическую ценность.

Вот по каким законам мы должны судить об исторических романах Аммиана фон Бека – Амангельды Бекбалаева.

НАЧНЕМ с *исторического содержания* произведений А. фон Бека.

Самый объемный роман – «Гунны».

Изначальный интерес А. Бекбалаева к гуннам обусловлен

тем, что гунны – это прототюрки, древние тюрки, предки многочисленных народов и народностей Средней Азии, Турции, Ирана, Афганистана, в том числе и кыргызов. Современная наука относит киргизский язык к киргизско-кипчакской группе, входящей в восточную (восточно-хуннскую) ветвь тюркских языков.

Трилогия «Гунны» повествует о далеком походе гуннов в Западную Европу в IV– V веках новой эры. Гунны – это кочевой народ, сложившийся во II– IV веках в Приуралье из тюркоязычных хунну и местных угров и сарматов. Массовое передвижение гуннов на Запад дало толчок так называемому Великому переселению народов, которым были охвачены германцы, славяне, сарматы и другие племена на территории Римской империи.

Время действия трилогии обозначено точно: начало – 371 год, когда гунны, переправившись через реку Эдел (Волга), начали победоносное шествие по Европе; конец – 453 год, когда продвижение гуннов было остановлено в битве на Каталунских полях во Франции (451), а после смерти хана Аттилы (453) гуннский союз распался. За это время сменились двенадцать ханов, но А. фон Бек выделил только троих, именами которых названы книги трилогии.

Содержанием первой книги являются события, происходящие в первое десятилетие гуннского нашествия под предводительством хана Баламбера.

Во второй книге гуннский хан Ульдин в союзе с антами грозит во Франции 100-тысячное готско-сарматское войско конунга Гайны. Затем гунны вытесняют с берегов Дуная восточно-изападноримские легионы, а также германские племена и захватывают Паннонию (Венгрию).

Героем последней книги является Аттила – самый могущественный и жестокий предводитель гуннов, прозванный современниками Бичом божьим. Он возглавил опустошительные походы в Восточную Римскую империю, Галлию, Северную Италию. Последним военным походом Аттилы было вторжение в Италию, не достигшее своего результата: гунны, не дойдя до Рима, повернули назад из-за эпидемии чумы. После скоропостижной смерти Аттилы (видимо, из-за отравления) его сыновья начали междоусобную войну за великоханский престол, следствием которой был распад Гуннской империи. Гуннские племена разошлись в разные стороны и положили начало образованию новых народ-

ностей, которые стали предками современных народов, в том числе кыргызов, казахов, уйгуров, турок, татар, башкир, балкаров, карачаевцев, осетин.

Второй роман А. фон Бека – «*Хайреддин Барбаросса – легендарный османский адмирал*» (в дальнейшем – «*Барбаросса*») – имеет для А. Бекбалаева ту же цель – возвращение к национальным истокам своего народа. Об этом он заявил на презентации книги в Национальной библиотеке: «Мы, тюркоязычные народы, имеем единый корень, и роль Барбароссы или Аттилы в мировой истории является доказательством того, что мы – дети одного праотца».

О турецком адмирале Барбароссе современный русскоязычный читатель практически ничего не знает, а если слышал это имя, то скорее всего в связи с кодовым наименованием плана агрессивной войны фашистской Германии против СССР – «Барбаросса». Вероятно, это играло решающую роль в забвении исторического лица, каким является Барбаросса – выдающийся флотоводец Османской империи (так называлась султанская Турция, сложившаяся в XV–XVI веках и распавшаяся только после поражения в первой мировой войне).

Хайреддин, сын Джакуба, по кличке Барбаросса (на греческом Рыжебородый), даты жизни 1476 – 1546 годы, был современником двух османских султанов – Селима I и Сулеймана I. Турецкий флот под его командованием стал грозной силой, которая успешно противостояла военной мощи таких крупных морских держав, как Испания, Португалия, Италия. В числе флотоводцев, поверженных Барбароссой, были испанский конкистадор Эрнандо Кортес, генуэзский адмирал Андре Дориа, император Священной Римской империи Карл V Габсбург. В результате его побед Турция захватила господство на сопредельных морях, превратила Средиземное море во «внутреннее озеро» Османской империи.

Действие третьего романа А. фон Бека происходит в Китае в середине XIX века, когда страной правила маньчжурская династия Цин. Объектом научного исследования и художественного изображения автора является один из многочисленных этносов Китая под названием хуэйцзу, или хуэй, известный нам как дунгане (по авторской терминологии – дунганхуэйи). Многогранное содержание романа нашло отражение в его двойном названии –

«Дорога в тысячу ли, или Сказание о дунганском народе» (в дальнейшем – «Сказание о дунганском народе» или «Сказание...»). Чем привлекли внимание А. Бекбалаева дунгане-хуэйцзу, численность которых в современном Китае составляет около девяти миллионов? По нашему мнению, на то было несколько причин. Во-первых, дунгане, в отличие от других этносов Китая, исповедующих буддизм, ламаизм и даосизм, исповедуют ислам и являются мусульманами, подобно тюркам. Во-вторых, дунгане – один из этносов Кыргызской Республики, появившихся на территории Кыргызстана в качестве вынужденных переселенцев из Китая после подавления дунганского восстания в 1877 году, т. е. более 130 лет назад. В-третьих, А. Бекбалаев как учёный-лингвист занимался изучением дунганского языка и – шире – дунгановедением.

Двойное название романа проецируется на его сюжетику. В нём как бы два сюжетных течения: поверхностное и глубинное. Поверхностное течение – это жизнеописание народного героя дунган Мухамеда Биянху (1829 – 1882), который был выдающимся человеком своего времени – учёным, государственным деятелем, организатором и руководителем дунганского восстания 1862 – 1877 годов. Глубинное течение – это историческое повествование о дунганском народе, одном из самых древних и самых загадочных этносов в составе китайского суперэтноса. Отсюда наличие в романе двух художественно равновеликих образов-портретов: индивидуального образа-портрета Биянху (Бый-Ян-Ху) и собирательного образа-портрета дунганского народа.

ГОВОРЯ об историческом содержании романов А. фон Бека, следует обратить внимание на вклад А. Бекбалаева в историографию – науку, изучающую развитие исторических знаний и методов исторических исследований.

Во-первых, А. Бекбалаев представил новую концепцию истории кыргызов в период Великого переселения народов, точнее – во II – V веках, т. е. времени, которое является «белым пятном» в исторической науке о кыргызах как этносе центральноазиатского региона. По мнению А. Бекбалаева, кыргызы в это время проживали совместно с западными гуннами и принимали непосредственное участие в их Великом походе на Европу. Более того, автор оперирует таким этническим термином, как «гунны-кыргы-

зы», исходя из того, что гунны и кыргызы говорили на едином прототюркском языке, «были представителями одного и того же народа, но лишь в различных племенных проявлениях». Профессор В. Шапарев, оценивая «новый, нетривиальный подход автора к рассмотрению западного пути кыргызов в начале – середине первого тысячелетия», заключает: «А. Бекбалаев сделал заметным и понятным один из существенных периодов исторического развития кыргызов».

Во-вторых, А. Бекбалаев дал новый взгляд на этногенез – исторический процесс становления народа – дунганского этноса. В дунгановедении бытуют три, отрицающие друг друга, точки зрения на происхождение дунган: 1) дунгане – это китайцы, принявшие ислам; 2) дунгане – это обособленный этнос, у истоков которого были арабы (варианты: гунны, монголы, тюрки, даже иудеи); 3) дунгане как нация возникли только при социализме на территории Средней Азии. По мнению же А. Бекбалаева, дунгане – это самостоятельный этнос с очень древней и богатой историей. В тексте романа «Сказание о дунганском народе» эта мысль высказывается устами многознающего директора высшей школы ПансюеХаркиИмазе, который подводит итоги «извечной ханьско-хузэйской (китайско-дунганской. – Г. Х.) темы для беседы “Происхождение хузэйв”»: «В любом случае мы имеем великих, легендарных, святых и знаменитых прародителей-отцов: Аттилу, Мухаммеда, Чингиз-хана, Тамерлана и Мусу (Моисея. – Г. Х.). Но наша мать ханька (китаянка. – Г. Х.). Поднимем тост: хузэй и хань – родственники издревле, за не менее великую и прекрасную нашу мать-ханьку!». Современный учёный-историк профессор З. Эралиев, процитировав эти слова в издательской рецензии на роман, резюмирует: «Думается, что именно такая точка зрения, изложенная в романе, более других соответствует реальности в сложном процессе этногенеза древнего дунганского (дунганхузэйского) народа, так как она переплавляет в себе все другие мнения, никоим образом не отрицая их, а выводя их на научный уровень».

Самой характерной чертой исторической прозы А. фон Бека является, по нашему мнению, *этнографический реализм*, т. е. исторически-конкретное изображение действительности в многообразии материальной и духовной культуры этноса.

О трех этносах: гуннах, турках и дунганах как основных объектах научного познания и художественного изображения – автор знает буквально всё, начиная от внешнего облика, деталей быта, образцов вооружения и кончая общественным устройством, религиозными и философскими взглядами. Этнографические реалии постоянно находятся в поле зрения писателя, часто выносятся в названия глав или разделов произведений. Например: «Аланское кочевье», «Искусство врачевать», «Иерархия племён» («Баламбер»); «Жертвоприношение в день Курбан-байрама», «Старинные османские тосты в походной палатке султана Сулеймана», «На древнем турецком народном празднике сабантуй» («Барбаросса»); «Загородная усадьба господина Фаттыхалюхудза», «Будни хузйских студентов в Бейдзине», «Супруги Биянху встречают Новый год» («Сказание о дунганском народе»).

В романе «Барбаросса» определенная часть историко-этнографического материала выносится даже за пределы художественного текста – в «Приложение», где представлены «Османские султаны (Дом Османа) XIII – XVI вв.», «Воинские звания, чины и должности турецкой армии и флота XVI в.», «Технические характеристики военных парусно-вёсельных судов XVI в.».

СОСТАВНОЙ ЧАСТЬЮ этнографии является *этнопсихология*, изучающая особенности психического склада этноса. Историческими источниками для А. фон Бека-этнопсихолога служат нормативы адата (свод неписаных законов) и шариата (совокупность мусульманских правовых и религиозных норм и правил, основанных на Коране), этнографические материалы, научные сочинения, фольклорное творчество. Художественно обработанные, они воссоздают этнические картины мира, в которых раскрываются особенности психического склада различных этносов. Как это реализуется, можно показать на примере цитаций из романа-трилогии «Гунны».

Обмен традиционными гуннскими фразами приветствия в вопросно-ответной форме:

- « – Здоровы ли вы, не болит ли у вас печень?
- Хвала Тенгири-хану, всё хорошо!
- Здоровы ли ваши родственники, жены и дети?
- Хвала Тенгири-хану, всё благополучно!
- Не было ли у вас джута и жирный ли у вас скот?

– Хвала Умай-эне, всё в порядке!...».

Воинская клятва гуннов, которую произносят, положив правую руку на свою печень: «Если я скажу неправду, да покарает меня Синее Небо, да буду я на этом свете без покаяния и не увижу я на этом свете благоденствия от своего скота».

Магия числа 24: « – Двадцать четыре – священный знак для гунна, ведь издавна наши племена делились на двадцать четыре; двадцать четыре – это счастливый знак для гунна, ведь до сих пор все знаменательные победы одерживались гуннами, когда их вели в походы двадцать четыре военных вождя; двадцать четыре – это благостный знак для гунна, ведь каждый гуннский воин идет в бой, имея в колчане двадцать четыре стрелы... » и т. д.

Гуннские единицы измерения. Меры расстояния: один полет стрелы (150 – 200 м), один окрик пастуха (около 1 км), один конский переход (25 – 30 км). Меры веса: вес полугодовалого барашка (около 9 кг), вес одного барана (около 18 кг), вес одного быка-буйвола (около 300 кг). Меры времени: время, когда сварится мясо молодого барашка (около 1 часа), барана-двухлетки (около 2 часов), барана-четырёхлетки (около 2,5 часов), жизненный круг (12-летний цикл солнечного календаря).

Гуннские пословицы и поговорки: «Не больно резать палец, когда посоветуешься насчет этого с умными людьми»; «Гость в юрте смиреннее овцы»; «Мне – благоденствие, тебе – войну»; «Когда зовут, надо идти в кочевье»; «Слух скачет быстрее любого гонца»; «Коли пришел хозяин, надо вернуть ему кобылицу».

Гуннские фразеологизмы: «Воины сотни сидели в сёдлах, как говорят гунны, с раздувшимися лёгкими от гордости за столь ответственное поручение»; «У купца-румийца, как говорится в таких случаях у гуннов, от изумления нижняя челюсть упала на колени»; «Как говорят гунны, ночь стала темная, как черная сажа с задницы гуннского казана»; «И этот сложный вопрос, как говорят гунны, сильно натирал его сердце».

ВАЖНЕЙШИМ этнообразующим фактором является язык. В этом качестве он выступает как предмет изучения *этнолингвистики*, исследующей взаимосвязь языковых и этнических факторов. А. Бекбалаев как ученый-лингвист отдает явное предпочтение той отрасли языкознания, которая называется этимологией.

В творчестве А. фон Бека этимология языка наиболее пос-

ледовательно и многосторонне проводится в трилогии «Гунны». Это и понятно: А. Бекбалаеву необходимо доказать, что древние кыргызы принимали участие в Великом походе гуннов на Запад.

Особый интерес А. Бекбалаев проявляет к этимологии собственных имен: антропонимов (имена людей), топонимов (название географических объектов), теонимов (названия мифических существ и божеств), – в которых наиболее вероятны межэтнические связи.

В качестве примера приведем этимологию имён гуннских ханов, фигурирующих в трилогии: Баламбер – дай (бер) моего ребенка (балам); Ульдин – счастливый; Ругила – сын (ула, ила) племени (руга); Харатон – черный (хара) панцирь (тон); Мундзук – жемчуг, амулет; Беледа – знающий, грамотный; Аттила – сын (ила) отца (атти). «К расшифровке этих имён, – говорит А. Бекбалаев, – я пришел через германские источники, а именно, через готские. Скажу больше, в готском и немецком языках очень много слов, общих с тюркскими, с кыргызскими (и по звучанию, и по значению) <...>Atta – отец, arman – жгаться, беран – отдавать, принести, paidan – иметь выгоду, пользу, augus–тяжелый, maitan–рубить, сражаться, tajlan–делать, опираться ...».

А. Бекбалаев, работая в слове (а это и есть сфера этимологии), устанавливает лексико-фонетическое родство между языками и следовательно, *этническое родство* между их носителями. Тем самым он утверждает в образной форме мысль об извечном духовном родстве народов на разных этапах развития человечества – то, что мы называем сегодня глобализмом. Глубокое уважение вызывает и тот факт, что А. Бекбалаев привлекает к этимологическим операциям более десяти языков: древнееврейский, древнегерманский (готский), старославянский, латинский, арабский, китайский, дунганский, турецкий, кыргызский, уйгурский, монгольский, немецкий, испанский.

В одном из интервью А. Бекбалаев так определил основные направления своей творческой деятельности: «Я опираюсь в своих художественно-исторических изысканиях на три составные части исторической науки: этимологию языка, археологические данные и народные легенды, предания и сказания. Я полагаю, что это есть именно те столпы, которые доказывают или опровергают ту или иную точку зрения».

Ясно, что здесь речь идет об историческом, *познаватель-*

ном уровне произведений. Насколько он высок, мы уже сказали выше. Теперь пришел черед поговорить о художественном, эстетическом уровне исторической прозы А. фон Бека.

ИСТОРИЧЕСКАЯ ПРОЗА как явление словесного искусства подчиняется общим законам художественности, т. е. образного отражения действительности. Историческое произведение – это история в образах. В нём жизненная правда постигается путём научного изучения исторических источников, а художественная правда достигается путём образного воплощения жизненно-го материала с помощью художественного вымысла.

А. фон Бек как исторический романист в полной мере использует своё право на художественный вымысел. Автор вводит в историческое повествование вымышленных героев, которым отводится важное место в композиционной структуре романов; воссоздает внешний и внутренний мир многочисленных героев; изображает локальные эпизоды (взаимоотношения героев в различных жизненных ситуациях) и массовые сцены (кочёвки, походы, сражения, охоты, курултаи). Посредством вымысла писатель обобщает факты исторической действительности, воплощает свой взгляд на мир, демонстрирует свою творческую энергию. Иными словами, с помощью художественного вымысла А. фон Бек создаёт художественный мир своей исторической прозы, который отмечен печатью художественного своеобразия.

Исторические романы А. фон Бека, созданные на основе этнографического реализма, объективно тяготеют к статистическим описаниям, а значит и к ослаблению сюжетного действия. Для того, чтобы активизировать его, необходимо увеличить удельный вес динамических описаний. С этой целью автор прибегает к различным художественным приёмам, которые субъективируют повествование.

Один из таких приёмов – *непрямое повествование*, в основе которого лежит принцип показа событий через восприятие и отношение к ним персонажей. В качестве типичного примера можно привести эпизод из романа «Баламбер», где гуннский тысячник Тотула с профессиональным интересом осматривает образцы оружия, воплощающего воинские традиции различных народов и племен IV века новой эры. «Каждую вещь, будь то

оружие или доспех, он долго осматривал со всех сторон, ощупывал и оценивал со своей точки зрения.

Вот этот короткий широкий меч, лезвие которого всего в локоть длиной, называется акинак. Таким мечом любят сражаться кавказские горные племена георгиев, албанов, абагазов. <...>

А это – узкий длинный сирийский канжар в железных ножнах. Аланские командиры от сотника и выше любят носить его на боку, но больше для престижа, поскольку такое оружие своим происхождением из заморской страны и, следовательно, дорогостоящей выделяет значимость его обладателя. <...>

Интересно, а как называется этот двуручный клинообразный меч с округлой рукояткой и с прикрывающей кисти рук выпуклой широкой пластиной? Такого длинного меча минбаши Тотула ещё ни разу не видел. Пожилой купец из Таны пояснил ему, что это альшпис – новое оружие германских бургундов...».

В этом эпизоде не прямое повествование создает, образно говоря, эффект присутствия читателя в историческом музее в сопровождении гида.

Другой художественный приём, субъективизирующий повествование, – *использование персонажа в роли повествователя*, заменяющего автора, т. е. персонифицированного рассказчика. В романе «Баламбер», например, такими рассказчиками являются два героя: главный гуннский шаман Богула и румийский (римский) купец Маний Цецилий – люди сведущие, знающие, грамотные. Первый выступает в качестве рассказчика в главах «Сведения об аланах» и «Сведения о готах», второй – в главах «В гостях у Абзыраха» и «Путевые заметки». Примечательно, что рассказы Цецилия, облаченные в форму путевых заметок, возводятся в ранг исторического документа, несмотря на их очевидный вымысел.

В «Сказании о дунганском народе» А. фон Бек использует этот композиционный приём ещё более масштабно, включая в текст романа «Записки добропорядочного и добронравного господина и ничтожного подданного великого Сына Неба Фазыла-Ляхудза», которые тот вёл на протяжении четверти века – с 1778 по 1804 год. Эти записки читает его внук Фархат-Ляхудза, связанный родством с главным героем Биянху. В них собраны удивительные истории и предания о происхождении древнего народа дунганхуэйев. Проходя через всю книгу, записки являют собой

своеобразный роман в романе, повествование в повествовании – подводную часть айсберга под названием «Сказание о дунганском народе».

Ещё один художественный приём, имеющий целью субъективизацию повествования и повествователя, – *использование несобственно-прямой речи*, в которой сливаются две речевые стихии – автора и героя. «Привольно дышится гунну в весенней степи! – так начинается глава “Хан Баламбер в дороге” из первой книги трилогии “Гунны”. – В это время года, в середине второго полнолуния после начала гуннского нового года, выросла на этой плодородной земле, которая изредка поливается быстропроходящими ливневыми дождями, сочная трава, достигающая человеку выше щиколотки. То там, то здесь разбросаны цветущими красно-алыми покрывалами цветы тюльпанов, между ними бросаются в глаза фиолетовые, синие и жёлтые ирисы. Колышутся степной ковыль и издающая резкие запахи и дурманящая гуннскую голову полынь. Доносится до слуха громкое стрекотание кузнечиков и кобылок, порхают белые бабочки, жужжат пчёлы и шмели...». Несобственно-прямая речь позволяет писателю создать впечатление соприсутствия автора и читателя при поступках и словах героя.

Таким образом, субъективизация повествования и повествователя позволяет А. фон Беку избежать внехудожественной описательности и достичь художественной изобразительности, эмоциональности, экспрессивности.

ТВОРЧЕСКАЯ ИНДИВИДУАЛЬНОСТЬ писателя ярче всего проявляется в лексике – словарном составе художественного произведения. Особенностью исторических романов А. фон Бека является наличие в них *иноязычной лексики*, которая, как и русскоязычная лексика, представлена разными речевыми вариантами (лексика бытовая, обиходная, военная, жаргонная и пр.) и различными стилевыми пластами (лексика общеупотребительная, разговорная, просторечная, возвышенная, эмоциональная и др.). Для нас первостепенный интерес представляет вопрос о том, как вводится и интерпретируется (истолковывается) иноязычная лексика.

Наши наблюдения показывают, что иноязычная лексика вводится А. фон Беком в художественный текст в исходной форме, а интерпретируется двумя способами: переводом на русский язык

(в тексте или в ссылке – подстрочной либо затекстовой) или комментируется (непосредственно в тексте). Несколько примеров.

Из «Сказания о дунганском народе»: «Все охотники: и стар, и млад – имеют на себе походные дунганские одежды, удобные для верховой езды: весенне-осенние утеплённые штаны на подкладке черного и синего цветов (мянку); летние халаты до колен из хлопчатобумажной ткани светлых тонов с девятью пуговицами, застёгивающиеся справа налево (гуа позы); сверху халатов надеты стёганные тёмные куртки с прямым вертикальным разрезом, застёгивающиеся на деревянные пуговицы (магуа); на ногах у всех широкие кожаные полусапожки, утепленные внутри войлоком (нанха); на головах черные и зелёные шестигранные тюбетейки (дин мозы).

Из «Барбароссы»: «А чорбаджи-ага [в сноске: генерал янычаров; командир янычарского корпуса] Нечай в настоящее время отсутствует, он находится с 40-тысячным войском из янычаров [в сноске: новое (янги) войско, твердыня (чариг)], сипаев [в сноске: конный профессиональный воин] и тимарджи [в сноске: конный и пеший ополченец] в Галлиополи напротив пролива Дарданеллы». Вскоре, как бы для закрепления военных терминов в памяти читателя, автор переносит их толкование в основной текст: «... Сам султан Селим вместе со своим 19-летним сыном Сулейманом от биринджикадын [в сноске: первая, старшая жена] Хафисы возглавил 60-тысячную группировку, состоящую из конницы – сипаев, пехоты – тимарджи и «новых воинов» – янычаров, и выступил в поход в сторону восточной османской границы...», – а затем переносит новые слова в активный лексический фонд.

ПРИ ИССЛЕДОВАНИИ творчества А. фон Бека особый интерес вызывает *поэтическая ономастика* его произведений, предметом которой является изучение собственных имен в словесном искусстве. Известно, что имена собственные используются в художественном произведении как в качестве культурно-исторического изображения действительности (об этом речь шла выше), так и характеристики персонажей. Поэтическая ономастика различает два основных типа имён: стилистически нейтральные, не участвующие в раскрытии образа, и экспрессивно-оценочные, «говорящие» имена-этикетки с прозрачной положительной или отрицательной семантикой.

А. фон Бека более всего интересует второй тип имён, ибо он как этимолог при всяком удобном случае стремится провести семантическую (смысловую) параллель между собственным именем и его носителем.

Так, у главного героя «Сказания о дунганском народе» два имени: мусульманское имя (цзинмин) Мухамед и официальное имя (гуаньмин) Биянху, точнее – Бай Янь Ху. «Хорошее гуаньмин, – говорит учитель – уста при поступлении мальчика в школу, – ведь Бай Янь Ху – это царь царей грозный тигр...». Впоследствии, из эпического предания дунганхуэйев о народном герое Биянху, мы узнаем, что он был великим воином, которого и друзья, и враги уважительно называли Большим тигром. «И только такой человек <...> мог сказать простые, но великие слова: Человек рождается от матери, а погибает за народ; лучше падать стреляя, чем вставать со связанными руками». «Говорящим», «значащим» является также имя Мухамед(по-арабски: восхваляемый богом и людьми). Ещё в школе, «когда учитель переводил или пересказывал арабский текст о правомерных, мужественных и разумных поступках и деяниях пророка Мухаммеда, маленький Мухамед был в душе донельзя горд, что его назвали этим именем в честь такого великого и святого человека».

Под стать Мухамеду была и его жена Хафиза, имя которой переводилось с арабского как «хранительница». «Она и в самом деле стала настоящей, верной и любящей хранительницей очага своего супруга».

В романе «Барбаросса» есть эпизод наречения именем только что родившейся дочери главного героя от второй жены Мариам. Она была наречена «по османскому обычаю тем именем, которое буквально было ниспослано судьбой. <...>

Ниспослание судьбы в выборе имени проявилось в том, что во время рождения икинджикадынкой Мариам малышки-дочери ночью ярко светила полная луна, и отец девочки произнёс, зайдя в комнату уже очнувшейся от родов бледной младшей жены:

– По воле Аллаха её имя будет Айдай[в сноске: луноподобная], пусть будет такая же лунолика, как эта ночная луна.

Таким образом, А. фон Бек профессионально владеет многими приёмами и средствами словесного искусства, благодаря чему его произведения обретают эстетическую ценность. Иными

словами, его исторические романы обращены не только к уму, но и к сердцу читателя.

ВСЁ, о чём мы говорили, имело целью выявить типологически общие черты исторической прозы А. фон Бека. Теперь пришёл черёд сказать о каждом романе как *индивидуальном творческом явлении*.

«Дорога в тысячу ли, или Сказание о дунганском народе» – исторический роман, вобравший в себя жанрово-стилевые признаки других жанровых образований: жизнеописания, сказания, философского романа. Действительно, композиционным центром романа является жизнеописание исторической личности – народного героя Биянху. Термин «сказание», употребляемый автором в значении «литературное сказание», в той или иной степени включает в себя образно-стилевые свойства фольклора. А философской основой романа служит конфуцианство – китайская философия и идеологическая система, основателем которой был великий мыслитель древности Конфуций (Кун-Фу-Цзы), труды которого усердно изучает Биянху, ставший обладателем учёной степени сиу-цуй (утончённые способности). К безусловным достоинствам книги следует отнести великолепные иллюстрации Народного художника Казахстана Мухамеда-Умара Паншаева, выполненные в ярко выраженной национальной манере. В личном архиве А. Бекбалаева имеется ряд высокопохвальных издательских отзывов на книгу, принадлежащих известным учёным – историкам и филологам, а также потомкам Биянху, носящим его фамилию (внук Люва, правнуки Газиз, Арсна и Лугмар). Народный поэт Кыргызстана, профессор В.И. Шаповалов образно назвал «Сказание...» визитной карточкой дунганского народа.

Роман «Хайреддин Барбаросса – легендарный османский адмирал» по жанровой форме представляет собой хронику. Хроника – вид литературного повествования по годам. В хронике организующей силой сюжета предстаёт сам ход времени, которому подвластны действия и судьбы персонажей. Для хроники обычен экстенсивный (направленный в сторону количественного увеличения) сюжет, образуемый чередованием сцен, фрагментов, картин изменяющейся действительности. В «Барбароссе» даётся изложение событий в их временной последовательности на протяжении 35 лет (1512 – 1546); отсюда наличие в романе 35

глав, каждая из которых состоит из 4-5 разделов, заявленных в оглавлении книги.

«Гунны» – самое масштабное, концептуальное и творчески сбалансированное произведение А. фон Бека.

Масштабность этого романа-трилогии проявляется и во временном охвате исторических событий (вторая половина IV – первая половина V века), и в пространственном их измерении (территории Восточной и Западной Европы), и в количественном представительстве персонажей. Так, в двухтомном романе «Аттила» в перечне «действующих лиц», открывающем произведение (драматургический приём!), значатся 79 персонифицированных героев, в числе которых: сам великий каган гуннов и союзных им народов Аттила, его полководцы-туменбаши Атакам, Беледа, Каракончар и др., германские конунги-короли Ардарих, Гейзерих, Гундебауд и др., славянские коназы-князя Гостунг, Радомир, Светозар и др., румийские императоры Феодосий II и Валентиниан III, папа Румийский Лев, «а также другие вельможи, военачальники, дипломаты, мастеровые, купцы, воины и простые гунны-харахуны, эпизодически появляющиеся в повествовании».

О концептуальности «Гуннов» мы уже говорили. Напомним, что в основу романа-трилогии положена авторская гипотеза, согласно которой гунны являются предками кыргызов, поэтому история гуннов есть история кыргызов.

Творческую сбалансированность «Гуннов» мы видим в том, что в ней органично сочетаются дар писателя А. фон Бека и дар учёного-лингвиста, специалиста по сравнительно-историческому языкознанию профессора А.А. Бекбалаева. По мнению того и другого в одном лице, язык – идеальная парадигма (образец, конструкция), адекватно отражающая материальную и духовную жизнь этноса, поэтому изучение языковой идентификации (отождествления) этносов даёт нам историческое знание о межэтнических отношениях носителей языков.

* * *

В заключение хотелось бы сказать о том, что историческая проза Аммина фон Бека предназначена не для лёгкого чтения, а для серьёзного чтения – заинтересованного, вдумчивого, сотворческого. Да, в ней много описаний, фактов, имён, но она безус-

ловно подчиняется общим законам художественности, которые требуют живописания словом, создания образных картин, живых человеческих характеров, эмоциональных состояний. Да, этнографическая плотность романов в известной мере затрудняет чтение, но вместе с тем повышает познавательную ценность произведений, а это главное достоинство исторической прозы.

Дорогие читатели! Не забывайте мудрый афоризм Льва Толстого: «Воспринимать искусство, может быть, столь же трудно, как и творить его».

Коротко об авторах

Юрий БАРВИНОК

Родился в 1960 году в г. Фрунзе. Кандидат сельскохозяйственных наук. Окончил Киргизский сельскохозяйственный институт им. Скрябина, аспирантуру в Ленинградском НИИ растениеводства, затем – юридический факультет Кыргызского Государственного Национального Университета им. Баласагына. Ныне – Генеральный директор ОАО «Тепличный». Автор многих научных публикаций, общественно-политических статей и рассказов.

Олег БОНДАРЕНКО

Родился в 1960 году – россиянин, проживающий с 1990-х в Бишкеке. Работает в частной компании. В качестве хобби занимается научными и философскими исследованиями. Разработал новое междисциплинарное направление, альтернативное синергетике, – нелинейный уровневый подход. Автор свыше десятка книг. Публикации в России, Кыргызстане, Японии, США (в издательстве Гарвардского университета). Для души иногда пишет рассказы. Создатель и главный редактор сайта www.literatura.kg

Алтынай ДЖУМАНАЗАРОВА

Студентка Цетральноазиатского Американского Университета, член литературного объединения «Ковчег». В ее стихах – свежесть чувств, доверчивый взгляд на мир, острота его восприятия – все, о чем мечтает, ностальгически вздыхая, старый мастер... Ну, а мастерство – оно придет. С годами, с опытом. Взамен ушедшей юности...

Талип ИБРАИМОВ

Родился в 1940 году в с. Сары-Булак. Окончил Киргосуниверситет, а затем Московские Высшие курсы сценаристов и режиссеров. Работал редактором на киностудии «Киргизфильм», а в настоящее время преподает в Кыргызско-турецком универси-

тете «Манас». Автор трех сборников повестей и рассказов. Лауреат «Русской премии» за 2007 год.

Чынгыз ИСМАИЛОВ

Родился 9 декабря 1988 году в с. Чаек Джумгалского района Нарынской области.

Тренер по ораторскому искусству в Кыргызско-Российском Славянском университете. Автор книги «Секреты общения, или как достичь успеха молодому человеку в современном обществе» (2011 г).

Рассказы, легенды, сказки пишет с 17 лет. В 2010 году его сказки вошли в альманахе «Много языков - один мир», ежегодно издаваемом Американским университетом Центральной Азии.

Туленды КУРМАНАЛИЕВ

Давний автор «Литературного Кыргызстана». Кандидат технических наук, много лет возглавлял знаменитое ОКБИКИ (Особое конструкторское бюро Института космических исследований), в последнее время – заведующий сектором Института автоматки Национальной академии наук Кыргызской Республики. Его документальные рассказы проникнуты то печалью, то юмором. Особенно помнятся читателям публикации в «ЛК» о Бюбюсаре Бейшеналиевой и Игоре Курчатове. Перу Туленды Курманалиева принадлежат две книги рассказов и эссе.

Камиль МОЛДОСАНОВ

Родился в 1947 году в г. Бугуруслане Оренбургской области, Россия. Окончил физический факультет МГУ в 1973 г. Работал в Курчатовском институте в Москве, ОКБ ИКИ АН СССР во Фрунзе (Бишкеке) и компании Lohr Industrie в Страсбурге (Франция).

Дмитрий САГАЙДАК

Родился 27 декабря 1989 года в г. Фрунзе (ныне Бишкек), В 2007 г. окончил школу-гимназию №26. В настоящий момент учится в Бишкекской Финансово-Экономической Академии

Писать стихи начал, учась в школе. Публиковался в газете

«В конце недели» , в журнале «Литературный Кыргызстан». С 2010 года - в составе группы молодых литераторов «Ковчег». Пишет стихи на русском, английском и французском языках.

Увлечения: рок-музыка, литература, фотография, спорт.

Интроверт. Любит одиночество, полумрак и черный кофе.

Валерий САНДЛЕР

Родился в 1940 году на Украине. Журналист. Многие годы работал на радио, в газете «Вечерний Фрунзе», зав. отделом публицистики, ответсекретарем «Литературного Кыргызстана». Автор книг «Не время ждать отбоя», «Верность трудовому слову», «Опечатка». В начале 90-х годов уехал в Америку, работал редактором отдела газеты «Новое русское слово». Ныне, постоянно проживая в США, выпустил две книги – «Чем дальше, тем роднее» и «Разлучили корни с кроной...».

Гульбара ТОЛОМУШЕВА

Родилась в Кыргызстане. Окончила московский ВГИК по специальности киноведение. Член Международной федерации кинопрессы, член Союза кинематографистов Кыргызстана. Научный сотрудник отдела искусствоведения Института литературы и языка НАН Кыргызстана. Автор сотен научных и популярных работ по киноискусству, опубликованных в республике и других странах.

Артем ХЕГАЙ

Родился в 1986 году во Фрунзе (ныне Бишкек). Окончил СШ №14 в Бишкеке.

В настоящее время — студент Бишкекского гуманитарного университета (БГУ), ИНО, 5 курс, журналистика.

Участник конкурса литературного творчества молодежи Кыргызстана в 2009 году (проведен клубом «Золотая Табуретка» Американского университета в Центральной Азии).

Участник группы молодых литераторов «Ковчег».

Георгий ХЛЫПЕНКО

Родился в 1938 году в с. Садовое Чуйской области. Окончил филологический факультет Киргосуниверситета. Полвека занимается научно-педагогической деятельностью. Литературный критик. Автор многих монографий и статей. Кандидат филологических наук, профессор Славянского университета. Выступает с критическими обзорами художественной литературы в «Литературном Кыргызстане» с 1970 года.

Александр ШАБАЛИН

Студент-филолог КРСУ. Является участником молодежной литературной организации «Ковчег». Пишет песни, которые сам исполняет под аккомпанемент гитары. Трижды занимал первое место в студенческом фестивале авторской песни в КРСУ. В «ЛК» публикуется его прозаическое произведение.

Компьютерная верстка и дизайн Светланы Терезуловой

Подписано в печать 5.07.2011 г. Формат 84x108 1/32.

Бумага офсетная. Гарнитура Arial.

Усл. печ. л. 10,62 Заказ 52.